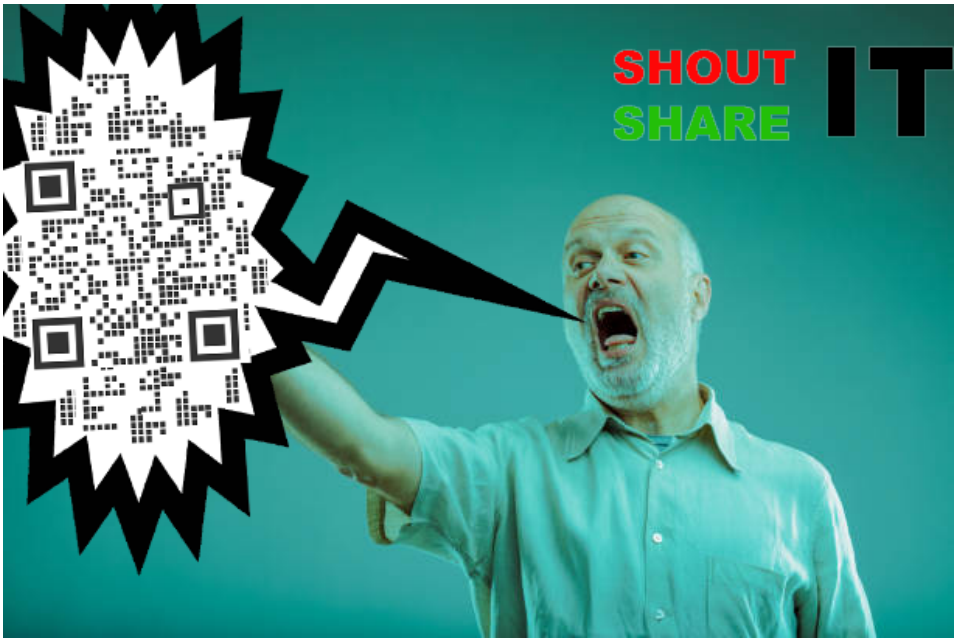
Петр Первый и его время

Павленко Николай Иванович


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга посвящена крупному политическому и военному деятелю России конца XVII— первой четверти XVIII в. Жизнь и деятельность Петра I рассматриваются на широком фоне социально-экономической и общественно-политической жизни, в неразрывной связи с решением стоящих перед страной задач. Привлекая большой фактический материал, автор воссоздает колоритную, сложную и противоречивую фигуру человека, сыгравшего значительную роль в превращении России в одно из крупнейших и могущественных государств мира. В то же время автор убедительно показывает классовую направленность политики и всей деятельности Петра I, беспощадную эксплуатацию трудящихся масс, трудом которых в конечном счете и были достигнуты все результаты преобразований.

- ВВЕДЕНИЕ
- ДЕСЯТИЛЕТНИЙ ЦАРЬ
- ПЕРВЫЕ ШАГИ
- КАТАСТРОФА ПОД НАРВОЙ. ШВЕДСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ
- ПОЛТАВСКАЯ ВИКТОРИЯ
- ПРУТСКИЙ ПОХОД
- ГАНГУТ. СТРОИТЕЛЬСТВО «ПАРАДИЗА»
- БОРЬБА С ПРОТИВНИКАМИ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ. ОТ ПРИКАЗОВ К КОЛЛЕГИЯМ
- НА АССАМБЛЕЯХ
- РЕФОРМЫ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

ВВЕДЕНИЕ

Границы Российского государства XVII в. существенно отличались от современных. Они совпадали лишь на севере, где безлюдные тогда просторы Заполярья омывали студеные воды морей Ледовитого океана. На западе граница пролегала по Ладожскому озеру, включала земли, расположенные чуть западнее Смоленска, и далее тянулась вдоль Днепра.

На южной оконечности страны находилась Астрахань. От нее пограничная линия тянулась к столице войска Донского Черкасску, расположенному севернее устья Дона, и затем поднималась на северо-запад до излучины Днепра в районе современного Днепропетровска.

Как видим, Россия в те времена занимала огромные пространства. Но ее территория была отрезана от морских берегов, от возможности широкого использования дешевых путей сообщения. Между тем в средние века и даже в новое время экономически процветали страны, располагавшие возможностью связываться с остальным миром морем, — Англия, Голландия, Испания, Италия и др.

У России такие возможности были крайне ограниченны. На востоке ее границы омывал Тихий океан, но выгод из этого извлечь было нельзя, так как Дальний Восток только начинал осваиваться и экономического значения край тогда не имел. Вспомним, что все русское население Сибири в конце XVII в. составляло 100 тыс. человек и размещалось на узкой полосе, где сегодня расположена Транссибирская железнодорожная магистраль. Огромной (протяженности береговая линия по северным морям тоже не имела практического значения.

На юге Европейской России Астрахань открывала путь в Каспийское море. Город издавна являлся транзитным пунктом торговли с восточными странами не только для России, но и Западной Европы. Однако Каспийское море не имело выхода к океанским просторам, оно обеспечивало морские связи только с Восточным Закавказьем, Ираном и отчасти Средней Азией.

Выход к двум южным морям, Азовскому и Черному, запирали две турецкие крепости, стоявшие в устьях Дона и Днепра:

Азов и Очаков. Что касается Балтийского моря, то оно тоже оказалось отрезанным от России. Узкая полоса территории у Финского залива, принадлежавшая России, была отторгнута Швецией еще в 1617 г., и попытка вернуть ее не принесла успеха.

Роль единственных морских ворот России в страны Западной Европы выполнял Архангельск. Но расположение этого города

представляло серьезные неудобства. Во-первых, Архангельск отстоял от Москвы — экономического и политического центра государства — на расстоянии, в два раза превышавшем путь от Москвы до побережья Балтийского моря. К. тому же, и это не менее важно, Москва не имела прямого речного пути в Архангельск: товары, предназначавшиеся на экспорт, к зиме сосредоточивались в Ярославле, оттуда санным путем доставлялись в Вологду, а затем, в начале навигации по Сухоне и Двине, — в Архангельск.

Во-вторых, путь через Белое море в страны Западной Европы был в два раза длиннее пути через Балтийское море.

Наконец, в-третьих, морской путь через северные моря таил неизмеримо больше опасностей, чем путь через Балтийское море, где кораблям не грозили айсберги, обледенения и суровые условия плавания.

Население России в конце XVII в. равнялось примерно 13 млн. человек. Основная масса жителей размещалась в центре Европейской России на малоплодородных землях Нечерноземья. Богатое черноземом Северное Причерноморье и Кубань находились за пределами России. Плодородные земли Дона и Яика (Урала) тоже были вне сферы хозяйственного освоения — донские и яиц-кие казаки в то время еще не занимались земледелием.

В XVII в. Россия была отсталой страной. Отсталость определялась не только неблагоприятными почвенно-климатическими условиями и отсутствием удобного выхода к морским берегам. Ее истоки ведут к монголо-татарскому игу. В дальнейшем она не ослабевала, а из десятилетия в десятилетие усиливалась. Огромный ущерб экономике страны нанесла польско-Шведская интервенция начала XVII в. Понадобилось почти полстолетия, чтобы залечить раны и ликвидировать урон, нанесенный захватчиками нашей стране.

Отсталой экономике соответствовали отсталые общественные отношения. В Нидерландах и Англии ко второй половине XVII в. уже отгремели буржуазные революции, и обе страны встали на путь капиталистического развития. В других странах Западной Европы — Франции, Швеции, Дании — хотя и сохранился феодальный режим, но крепостное право давно исчезло.

В России господствовали крепостнические порядки. Основная масса населения — крестьяне — находилась в собственности помещиков, монастырей и царской семьи. Пашни, возделываемые примитивными орудиями, давали низкие урожаи. Суровые климатические условия позволяли собирать один урожай и при неразвитых деревенских промыслах оставляли крестьянину много

времени, которое он использовал непроизводительно. При этом крестьяне должны были значительную часть плодов своего труда отдавать светским и духовным феодалам, обеспечивая им сытую жизнь. — Крепостничество сковывало хозяйственную инициативу крестьян, глушило все новое, что зарождалось в недрах существовавшей экономической системы, и в конечном счете задерживало движение страны вперед.

Тем не менее новые явления хотя и медленно, но пробивали себе путь. В экономике постепенно нарушался свойственный феодализму натуральный характер хозяйства и развивались ремесло и мелкотоварное производство. Все глубже пускала корни порайонная специализация производства отдельных видов товаров: мыла, железа и изделий из него, кожи, соли и т. д. Появились районы, производившие на продажу хлеб: верховье Оки (Орел, Воронеж), Вологда, Нижний Новгород. На базе специализации начал формироваться всероссийский рынок.

Важное значение для развития производительных сил имело появление мануфактур. Первые из них были основаны в 30-х годах XVII в. иностранцами, но потом их стали строить и русские купцы, помещики и казна. Количество их было еще невелико, и удельный вес производимой ими продукции на рынке был ничтожным, но сам факт появления новой формы производства свидетельствовал о проникновении в рутинное хозяйство более совершенной техники.

Происходили изменения и в политической жизни — в России шел процесс формирования неограниченной монархии. Один из важнейших признаков этого процесса состоял в отмирании Земских соборов. Прекращение практики их созыва означало, что царь больше не нуждался в одобрении или, напротив, в неодобрении своих действий — он приобрел достаточную независимость.

Другим признаком формирования неограниченной власти являлось изменение состава Боярской думы. В это некогда исключительно аристократическое учреждение стали проникать непородные дельцы, чья карьера находилась в прямой зависимости от личных способностей, а не от происхождения. Падение значения боярской аристократии и повышение удельного веса непородных людей означало рост зависимости этого учреждения от царя, так как новые дельцы были послушнее и покорнее спесивых аристократов.

Изменился и приказный строй. Приказное управление было настолько громоздким, сложным и запутанным, что ученые-историки и поныне испытывают затруднения при классификации приказов. Название «приказ» произошло от глагола «приказать».

Кому-либо из бояр царь «приказывал» какое-либо дело. Боярин заводил помощников и канцелярских служителей — подьячих. Так возникало учреждение — приказ.

Приказный строй характеризуют две черты: отсутствие четкого разграничения дел между приказами и знаменитая приказная волокита, порожденная, в частности, отсутствием уставов и регламентов, определяющих их права и обязанности.

Недостатки приказной системы были столь очевидны, что уже в XVII в. предпринимались попытки преодолеть их. Один из путей их устранения состоял в передаче управления целой группой приказов одному лицу, обычно родственнику царя; другой путь совершенствования приказного управления заключался в том, что несколько родственных приказов объединяли в один.

Истоки созданной при Петре регулярной армии тоже восходят к XVII в. Уже тогда пало значение поместного войска, созываемого на случай военных действий и распускаемого по домам, как только военные действия прекращались. Участие в войнах стрелецкого войска, составлявшего постоянный контингент вооруженных сил, тоже значительно сократилось. Стрельцы выполняли преимущественно полицейские функции в столице, их использовали для охраны царских дворцов и сопровождения царя и членов его семьи на богомолье, а также для подавления восстания горожан.

Вместо архаического дворянского ополчения и стрелецкого войска в вооруженных силах все большее значение приобретали так называемые полки нового строя — рейтарские, драгунские и солдатские. Комплектование этих полков предвосхитило будущую рекрутскую систему, введенную Петром.

В культурной жизни XVII в. было положено начало тем явлениям, которые принято называть «обмирщением» культуры, т. е. проникновением в нее светских начал.

Новые явления, коль скоро они возникли, имеют свойство неодолимо развиваться, пробивать себе путь и в конечном счете становиться определяющими. Конечно же, Россия, лишенная выхода к морю, в конце концов его приобрела бы. Появились бы у нее и регулярная армия, и флот, и Академия наук, и мануфактурная промышленность, и профессиональные учебные заведения, люди стали бы брить бороды и ноеить европейскую одежду. Весь вопрос в том, когда бы все это появилось.

Заслуга Петра в том, что он не ограничился пассивным созерцанием того, как зародившиеся до него процессы продолжали автоматически развиваться. Он властно вторгался во все сферы жизни страны и отдал свой незаурядный талант и кипучую энергию ускоренному развитию всех начал, возникших

до него. Петр как бы подстегивал события.

Особенность жизни Петра I состоит в том, что его кипучая деятельность была столь многогранной, что фактически она является частью истории страны. Трудно и, пожалуй, даже невозможно обнаружить такие области из истории России в первой четверти XVIII в., в которые бы не вторгался Петр и не оказал на них своего влияния; военное дело, дипломатия, экономическое и социальное развитие, наука, просвещение, флот, быт, государственное устройство — вот далеко не полный перечень дел, которыми он прославил свое имя.

ДЕСЯТИЛЕТНИЙ ЦАРЬ

Утром 30 мая 1672 г., как только взошло солнце, тысячи ворон, тревожно каркая, ошалело кружились вокруг московских церквей. Их потревожил непрекращавшийся колокольный звон. Он разбудил и москвичей. Те спросонья прислушались к гулу больших колоколов, перемежавшемуся с перезвоном малых, и, убедившись в том, что это не набат, призывавший на пожар, а благовест, продолжили прерванный сон. К такому за годы правления Алексея Михайловича они успели привыкнуть — множество раз царь оповещал их о своей семейной радости — рождении сына или дочери.

Первая супруга царя Алексея Михайловича Мария Ильинична, урожденная Милославская, родила много детей, но рано умерла. Овдовевший царь женился второй раз на молодой, красивой и крепкой здоровьем Наталье Кирилловне Нарышкиной, родом из небогатых смоленских дворян. Нарышкины отличались могучим телосложением, и царь, кажется, рассчитывал этим браком укрепить вырождавшуюся династию.

Молодая супруга на 21-м году жизни родила сына, чем особенно порадовала царя. Дело в том, что сыновья, рожденные Милославской, либо рано умирали, либо росли болезненными или неполноценными, так что отец жил в постоянной тревоге за судьбу трона, который мог оказаться без наследников.

Старший сын Федор Алексеевич страдал, как' тогда говорили, цинготной болезнью, едва передвигал распухшие ноги, ничем не интересовался, предпочитал проводить время в четырех стенах покоев дворца. Ему не могли помочь ни иноземные врачи, ни доморощенные лекари — бабки, не вылезавшие из опочивальни.

Второго сына царя, Ивана, природа тоже обделила и здоровьем, и умом. Он был подслеповат и косноязычен, с трудом ворочал непослушный язык. В умственном развитии он отставал от своих сверстников и, казалось, не подавал надежд на долгожительство.

Воспитывался новорожденный, которого нарекли Петром, по исстари заведенному обычаю. До пяти лет за ним присматривали многочисленные женщины: бабки, кормилицы, мамки и прочие прислужницы. В распоряжении царевича находилось множество игрушек — деревянные лошадки, барабаны, пушечки, луки, стрелы, колокольчики, музыкальные инструменты. Играл он со своими сверстниками — детьми бояр, приглашаемыми во дворец, чтобы не скучал царский отпрыск.

Отец Петра отличался набожностью и любил совершать торжественные выезды в подмосковные монастыри. В пышном облачении, в сопровождении бояр и огромной свиты, а также стрелецких полков царь Алексей и вся его семья отправлялись либо в один из монастырей — к почитаемым относились Троице-Сер-гиева лавра, что в нынешнем Загорске, и Саввино-Сторожевский монастырь в Звенигороде, — либо в подмосковные резиденции: Измайлово и Преображенское и особенно Коломенское, где находилось, как тогда говорили, восьмое чудо света — огромный деревянный дворец с резными наличниками, балясинами и затейливым орнаментом, радовавшими глаз крышами, то островерхими, то имевшими форму луковиц.

У трехлетнего Петра была маленькая, отделанная под золото карета, в которую его усаживали во аремя торжественных выездов. Карету везли низкорослые лошадки в сопровождении пеших и конных карликов.

Петру не исполнилось четырех лет, когда умер его отец. На престол в 1676 г. вступил старший брат Петра Федор Алексеевич. Смерть отца круто изменила судьбу Петра, его сестры Натальи и особенно матери, царицы Натальи Кирилловны. Ее оттеснили на второй план родственники первой жены умершего царя — Милославские. От дел были отстранены люди, близкие к Нарышкиным, а главного среди советников вдовы — Артамона Сергеевича Матвеева выдворили из Москвы и заточили в Пустозерске. Опала коснулась и ближайших родственников Нарышкиных, также высланных нз столицы.

В конце апреля 1682 г. царь Федор Алексеевич умер, и правительству вновь пришлось решать вопрос о преемнике. По обычаю престол должен был занять старший из сыновей, Иван, но все знали о его неспособности к управлению ни в данный момент, ни позже, когда он повзрослеет. Здравый смысл подсказывал единственно правильное решение — передать власть Петру, отличавшемуся уже тогда живым умом и любознательностью. В пользу Петра говорил и опыт правления царя Федора, фактически отстранившегося от всяких дел, что дало возможность людям, стоявшим у кормила власти, беззастенчиво пользоваться казной и чинить произвол.

Царем стал Петр, что вызвало изменения и в положении Нарышкиных. Царица Наталья становилась регентшей, она должна была править страной до совершеннолетия сына. Такой поворот событии не устраивал Милославских, ибо теперь они должны были уступить место Нарышкиным и оказаться в положении опальных. Милославские решили вступить в борьбу и попытать счастья интригами и заговором сохранить за собою

власть.

Беспомощный царевич Иван, естественно, не мог возглавить заговор. Во главе его встала старшая сестра Ивана царевна Софья — женщина умная, ловкая и честолюбивая настолько, что сама мечтала овладеть троном. Но это — в будущем, а пока она действовала от имени Ивана и в его интересах. Орудием борьбы за власть стали стрелецкие полки.

Стрелецкое войско, возникшее еще в середине XVI в., несло преимущественно гарнизонную службу в столице. Укомплектованные из горожан стрельцы, не получая достаточного содержания от казны, должны были извлекать дополнительные заработки из источников, которыми пользовались горожане, — торговли и промыслов.

Положение стрельцов заметно улучшилось во время правления царя Алексея Михайловича и особенно после того, как они в 1662 г. во время так называемого медного бунта в Москве выказали верность правительству, жестоко расправившись с восставшими. С тех пор на стрельцов посыпались всякого рода милости, и они стали объектом попечительства царя, который не скупился на подачки и предоставление им привилегий в промыслах и торговле. Стрельцы превратились в своего рода гвардию. Высокой боеспособностью они не отличались, жили семьями в стрелецких слободах Москвы, охотно сопровождали царя во время его кратковременных выездов из столицы, но роптали, когда их на длительное время отрывали от семьи и занятий ремеслом и торговлей.

В жизни стрельцов наступили существенные изменения сразу же после смерти царя Алексея Михайловича. Служебных обязанностей стало больше, а привилегий поубавилось настолько, что все это повлекло материальные потери. К этому прибавился произвол командиров стрелецких полков. Пользуясь слабостью царской власти, стрелецкие полковники присваивали жалованье стрельцов, подвергали их жестоким истязаниям, широко использовали их труд в собственном хозяйстве. Глухой ропот стрельцов в любой момент мог перерасти в активный протест.

Такой момент представился тотчас после смерти царя Федора Алексеевича. Хорошо зная о разногласиях в царском дворце относительно преемника престола, стрельцы 30 апреля 1682 г. явились в Кремль с требованием выдать им на расправу неугодных командиров. Царица Наталья, застигнутая врасплох, к тому же совершенно неопытная, отстранила по требованию стрельцов 16 командиров и в угоду стрельцам велела их бить кнутом. Ми-лославским пришла мысль направить гнев стрельцов против Нарышкиных. Сторонники Софьи отправились в

стрелецкие слободы, где распространяли слух о том, что Нарышкины «извели», т. е. умертвили, царевича Ивана. Этого было достаточно, чтобы стрельцы 15 мая с барабанным боем и развернутыми знаменами двинулись к Кремлю, чтобы расправиться со сторонниками Нарышкиных, список которых им подбросил кто-то из лиц, поддерживающих Софью.

Слух оказался ложным. Царица Наталья, взяв за руки царевичей Ивана и Петра, вышла на крыльцо. Среди стрельцов наступило замешательство, на минуту-другую они притихли, но затем, подстрекаемые горячими головами, вновь зашумели, требуя выдачи «изменников-бояр». Началась кровавая расправа. Князя Михаила Юрьевича Долгорукого стрельцы сбросили с крыльца на копья своих товарищей, стоявших внизу. Был убит боярин Матвеев, срочно возвращенный царицей Натальей из заточения в Пустозерске, но так и не успевший овладеть положением в столице. Помимо нескольких бояр и думных дьяков, стрельцы зарубили Ивана и Афанасия Кирилловичей Нарышкиных — братьев царицы Натальи.

Казни потрясли десятилетнего Петра. События 15–17 мая запечатлелись на всю жизнь.

Хозяевами положения в столице сделались стрельцы. Сначала они потребовали, чтобы царствовали оба брата, Иван и Петр, а несколько дней спустя дополнили это требование новым — чтобы правительницей при малолетних царях была не Наталья Кирилловна, а Софья Алексеевна.

Софья, таким образом, достигла своего, она получила то, к чему настойчиво рвалась, — власть. В действительности это был призрак власти, так как стрельцы, на которых она опиралась, вышли из-под ее контроля и обратились к ней с требованиями, которые она вынуждена была выполнять, так как не располагала вооруженной поддержкой. Стрелецкое войско получило новое наименование — надворной пехоты, в честь «подвигов» стрельцов на Красной площади был воздвигнут обелиск с перечислением их заслуг во время кровавых дней 15–17 мая.

Софья поняла, что стрельцы, вручившие ей власть, являются для нее чуждой социальной силой и что поэтому надлежит искать опору в близкой ей среде — в рядах дворянства. 19 августа 1682 г. она вместе с обоими царями отправилась в Троице-Сергиеву лавру, откуда бросила клич к дворянам, чтобы те немедленно двигались к лавре.

Такой поворот событий не входил в расчеты стрельцов, вступить в открытую схватку с дворянским ополчением они не рискнули, и после того, как Софьей был схвачен и казнен без суда и следствия руководитель. стрелецкого приказа, они принесли

Софье повинную. Обелиск был разрушен, вместо звания надворной пехоты к бунтовщикам вернулось старое название.

Началось семилетнее правление Софьи. Главным его положительным итогом было заключение в 1686 г. вечного мира с Речью Посполитой. Этот мир закрепил навечно за Россией Киев, временно отошедший к ней по Андрусовскому перемирию. Чтобы закрепить свой авторитет, Софья предприняла два крымских похода, к ее огорчению закончившихся полной неудачей. В 1687 г. стотысячная рать под командованием главы правительства князя Василия Васильевича Голицына двинулась к Крыму, но, не дойдя до него, ни с чем вернулась обратно, понеся огромные потери от болезней. Два года спустя, в 1689 г., Голицын повторил поход, достиг Перекопа, но, не предприняв активных действий, вновь возвратился в Москву. Эти походы значительно подорвали авторитет Софьи и ослабили ее шансы в борьбе за власть.

Что должен был делать Петр в годы правления сводной сестры Софьи? В нормальных условиях он должен был, выражаясь современным языком, сидеть за партой и овладевать знаниями — он находился в том возрасте, когда надо было учиться. Но с обучением Петра дело обстояло из рук вон плохо. На восьмом году из женских рук он был передан в мужские — его воспитателем стал боярин Родион Матвеевич Стрешнев, который, надо полагать, начал обучать царя грамоте. Позднее учителями Петра стали подьячий Никита Зотов и Афанасий Нестеров. Оба учителя сами не отличались ни образованностью, ни эрудицией и могли сообщить своему воспитаннику лишь элементарные сведения по арифметике, чтению и письму, а также отрывочные сведения по истории и географии. Конечно же, пытливый ум Петра способен был усвоить все премудрости знаний того времени, но, предоставленный самому себе, занимался он мало.

Жил Петр вместе с матерью в Преображенском. Там тоже, как и в Кремле, находился двор, но менее пышный и многочисленный. Изредка, когда, например, происходили приемы иностранного посла, Петра приглашали в Кремль, где он восседал на троне, который смастерили так, чтобы на нем могли поместиться оба царевича. Сзади, за занавеской, стояла правительница Софья, подсказывавшая царевичам, как надо было отвечать иностранным послам.

Современник оставил нам описание поведения двух царевичей во время одного из таких приемов. В то время как Иван, напялив на глаза шапку и обратив взор на пол, проявлял полное равнодушие к происходившему, Петр вызывал симпатию своим открытым лицом, живыми глазами и неподдельным

интересом к церемонии. Однако приемов и торжественных выходов было мало, Кремлевский дворец Петр посещал редко и коротал дни в Преображенском.

Нельзя сказать, что годы жизни в Преображенском прошли бесполезно и не оставили следа в сознании юноши. Натура увлекающаяся и непоседливая, Петр находил себе занятия, которым отдавался со страстью одержимого. Три увлечения поглощали энергию Петра. Одно из них состояло в привязанности _к ремеслам. Овладевал он ими легко, как бы играючи, и в зрелые годы без напряжения мог выполнять работы, посильные мастерам, по крайней мере 12 специальностей: он был плотником и каменщиком, кузнецом и штукатуром, кораблестроителем и сапожником. Но ничто его так не увлекало, как токарное дело. Здесь он достиг такой виртуозности, что мог соперничать с лучшими токарями Западной Европы.

В юные годы у Петра появилась еще одна страсть — военное дело. Началось это еще в детские годы с игрушечных пистолетов и пушек, луков и стрел. Позже на смену игрушечным пушкам и пистолетам пришли настоящие, и Преображенское мало-помалу стало превращаться в военный городок. Сверстники Петра составляли потешные роты, обучавшиеся настоящему военному делу-с пушечной пальбой и стрельбой из пистолетов. Потешные роты потом преобразуются в Преображенский и Семеновский полки и станут вооруженной опорой молодого царя.

Более всего Петра влекло морское дело. Современников и потомков всегда удивляло, как Петр, живя в Преображенском, никогда не видев не только моря, но и большого озера, так пристрастился к морскому делу, что оно оттеснило на второй план все прочие увлечения. Рассказывают, что истоки этой страсти связаны со знакомством с астролябией, а также со старым ботиком, валявшимся в каком-то сарае. Достоинство этого ботика состояло в том, что паруса на нем были устроены так, что позволяли плавать против ветра.

Обучение плаванию на ботике происходило на Яузе, узенькой речушке, в берега которой «судно» то и дело упиралось. Поиски большой воды, где в полной мере можно было овладеть искусством управления ботиком, привели шестнадцатилетнего Петра на Переяславское озеро.

Мать царя, женщина недалекая, но горячо любящая сына, решила остепенить его и лучшим способом для этого считала женитьбу. Семнадцатилетнему Петру она подыскала невесту и быстро женила его. Супругой царя стала красавица Евдокия Лопухина, воспитанная в старомосковском духе, ограниченная настолько, что не могла постичь ни характера своего супруга, ни

его чаяний и устремлений. Она была неспособна делить с ним ни радости, ни печали, ибо жила в мире иных понятий и представлений, совершенно чуждых молодому царю. Именно поэтому размолвка между супругами наступила очень скоро — через месяц после свадьбы Петр, оставив в Москве молодую жену, отправился на полюбившееся ему Переяславское озеро.

Петр женился после Ивана. Таким образом, оба царя оказались женатыми, т. е. по представлениям того времени достигли совершеннолетия и более не нуждались в опеке Софьи. Но Софья не имела намерения расстаться с властью. Среди ее сторонников выделялся нетерпимостью глава Стрелецкого приказа Федор Шакловитый, составивший план уничтожения и Петра, и его матери, с тем чтобы страной, как настоящая царица, правила Софья. Среди стрельцов, поддержавших Софью, велись разговоры о том, как будут развязываться события:

— Как я к патриарху войду в палату и закричу, и он у меня от страху и места не найдет, — рассуждал один из них.

Другой заметил:

— Надобно нам уходить медведицу царицу Наталью.

— А за нее вступится сын, — возразил собеседник.

— Чего и ему скучать? За чем дело стало? — последовал ответ.

Самые решительные из стрельцов предлагали убить царя, бросив в него гранату или подложив ее в сани. Другие находили удобным зарезать его во время тушения пожара — Петр любил гасить пожар, и заговорщики были уверены, что он обязательно там появится.

От разговоров надо было переходить к делу, но, сколько Шакловитый ни призывал начать действовать, призывы повисали в воздухе. Не помогли даже хитрости, призванные вызвать озлобление стрельцов против Петра и Нарышкиных.

Ночью подьячий Матвей Шошин, такой же богатырь, как и Лев Кириллович Нарышкин, в сопровождении вооруженных людей разъезжал по улицам Москвы, хватал подвернувшихся стрельцов и нещадно избивал их.

Один из спутников Шошина вопил:

— Лев Кириллович, за что бить до смерти! Душа христиан-

Потерпевших доставляли в Стрелецкий приказ, и те, введенные в заблуждение маскарадом, тем более что Шошин был одет в такой же белый атласный кафтан, какой носил Лев Нарышкин, показывали, что стали жертвами бесчинств одного из Нарышкиных.

Отношения между двором в Кремле и двором в Преображенском мало-помалу накалялись и обострились

настолько, что достаточно было любого повода, чтобы дать выход накопившейся ненависти. Такой повод представился, в ночь с 7 на 8 августа, когда сторонникам Петра из стрельцов показалось, что в Кремль были вызваны полки, чтобы двинуться в Преображенское и там расправиться с Петром и его потешными солдатами.

Царь не на шутку перепугался. Когда ночью ему сообщили о движении стрельцов в. Преображенское, он вмиг соскочил с постели, побежал в рощу и сидел в кустах до тех пор, пока ему не принесли верхнюю одежду. Он сел на коня и в сопровождении двух-трех человек остаток ночи и утро мчался в Троице-Сергиеву лавру, где за толстыми монастырскими стенами намеревался найти спасение.

Слух оказался ложным. В Кремль были вызваны стрельцы, но не для того, чтобы отправиться в Преображенское, а для защиты Софьи от потешных полков, будто бы двигавшихся в Москву. В итоге переполоха противоречия между соперничавшими сторонами обнажились настолько, что их могла устранить только победа либо Софьи, либо Петра. Друг другу противостояли два вооруженных лагеря: один состоял из стрелецких полков и поддерживал Софью, другой находился в Троице-Сер-гиевой лавре, куда прибыли потешные войска и солдатские полки.

Поначалу силы были неравны — перевес был на стороне Софьи. Но ряды ее сторонников таяли изо дня в день. Она искала примирения и с этой целью отправила в лавру для посредничества патриарха Иоакима, но тот, симпатизируя Петру, остался при нем.

«Послала я патриарха, — делилась со стрельцами результатами своей неудачной затеи Софья, — для того, чтобы с братом сойтись, а он, заехав к нему, да там и живет, а к Москве не идет».

Один за другим оставляли Софью стрелецкие полки, переходившие на сторону Петра. Царевна вынуждена была выдать Петру Федора Шакловитого, который был казнен после следствия. Окончательный удар Софье Петр (точнее, его более опытные сторонники, руководившие его действиями) нанес письмом, отправленным царю Ивану.

Иван, человек безвольный, являясь, как и Петр, царем, никакой роли в управлении страной не играл. Тем не менее номинально он делил с Петром власть. К нему и обратился Петр с посланием, в котором писал: «Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте тому зазорному лицу государством владеть мимо нас». Под «зазорным лицом» подразумевалась Софья.

Ее судьба была решена. Она оказалась заточенной в келью Новодевичьего монастыря, где находилась вплоть до своей смерти в 1704 г. Но, избавившись от правительницы, Петр еще многие годы не проявлял интереса к государственным делам — за него правили его приближенные, зарекомендовавшие себя верными слугами в критические дни борьбы с Софьей. Сам Петр продолжал жить в Преображенском, навещая Кремль лишь в те дни, когда надлежало, облачившись в тяжелое царское одеяние, участвовать либо в утомительной церемонии приема послов, либо в царских выходах в особо важные церковные праздники. Остальное время он проводил в марсовых и нептуновых потехах — так тогда называли военные игры или маневры на суше и. на Переяславском озере. В сухопутных маневрах участвовали многочисленные полки. Как правило, потешные Преображенский и Семеновский полки, а также солдатские полки, представлявшие новый вид сухопутных войск, выступали против стрельцов, олицетворявших устаревшую армию. Это противопоставление новых войск старым вошло в обычай, причем стрелецким войскам всегда отводилась роль побежденных.

Современникам остались памятными двое сухопутных маневров: первые развернулись в 1691 г.; началу военных действий предшествовала перебранка двух шуточных «генералиссимусов», командовавших армиями. «Генералиссимусы», находясь на противоположных берегах речки, как тогда говорили, «травились», т. е. задирали друг друга. Маневры завершились пленением «генералиссимуса», командовавшего стрелецкими войсками, а также захватом обоза и знамен. Игра завершилась совместным пиром победителей и побежденных, громом пушечных залпов.

Вторые, более крупные маневры развернулись под деревней Кожуховой в 1694 г. На этот раз стрелецкие полки должны были оборонять специально сооруженную крепость с земляным валом высотой 3,5 м, глубоким рвом и бойницами. Наступавшие, а их роль выполняли потешные и солдатские полки, должны были вести осаду крепости по всем правилам военного искусства: рыть траншеи, подкопы, взрывать крепостной вал и завершить дело штурмом. Осаждавшие добились быстрого успеха и по распоряжению Петра были отведены на исходные рубежи, а осадные работы с штурмом пришлось повторить.

Кожуховские маневры были самыми продолжительными: они начались 30 сентября и закончились 18 октября. Наступавшие и оборонявшиеся стреляли из настоящих ружей и пушек, бросали глиняные гранаты, начиненные порохом.

В промежутке между сухопутными маневрами Петр

участвовал в маневрах на Переяславском озере, куда зимой 1692 г. по распоряжению царя в огромном количестве было доставлено продовольствие и материалы для сооружения кораблей. Петр так увлекся работой на строительстве судна, что виднейшим членам правительства пришлось уговаривать его вернуться в столицу, чтобы принять в Кремле прибывшего персидского посла, как того требовал дипломатический этикет.

В августе корабли пустились в плавание по Переяславскому озеру. Но и его акватория ограничивала размеры кораблей и возможность маневрирования ими. Петра тянули морские просторы и настоящие корабли. Россия того времени располагала единственным морским портом — Архангельском, связывавшим страну с Западной Европой. Туда в сопровождении многочисленной свиты — бояр, окольничих, стольников и 40 стрельцов — в 1693 г. и отправился Петр. Здесь он впервые увидел настоящие крупные морские корабли — английские, голландские, немецкие, — доставившие сукна, галантерею, краски. Другие корабли ожидали погрузки мачтового леса, кож, мехов, пеньки, икры. На небольшой яхте Петр впервые совершил непродолжительное морское путешествие.

Поездка к морю в 1693 г. носила разведывательный характер. Здесь был заложен корабль, наблюдение за его достройкой Петр поручил воеводе Федору Матвеевичу Апраксину. У царя созрела мысль повторить поездку в Архангельск в следующем году, причем было решено подготовиться к ней более тщательно.

В январе 1694 г. умерла мать царя Наталья Кирилловна. Ее смерть выявила две черты характера царя: пренебрежение к обычаям и стремление пережить горе в одиночестве.

25 января, когда положение царицы стало безнадежным, сын простился с нею и тотчас уехал в Преображенское, где, по свидетельству современников, в уединении скорбел по поводу потери. Отсутствовал он и на похоронах матери. Можно лишь догадываться, сколько пересудов вызвало у москвичей такое поведение Петра. Ранее царь не участвовал в траурной церемонии похорон своего второго сына Александра, умершего семи месяцев от роду. Если в этом случае поступок Петра можно объяснить его неприязнью к жене и нежеланием находиться в обществе ее родственников и близких, то на похороны нежно любимой матери он, несомненно, не явился по иной причине — не желал показывать другим своих слабостей. На третий день после похорон он прибыл на могилу и в одиночестве оплакивал ее смерть. Воеводе Апраксину о своем горе Петр сообщил кратко и выразительно: «Беду свою и последнюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не может, купно же и сердце».

Выезд в Архангельск из Москвы состоялся не в июле, как в предыдущем году, а в апреле. В Архангельск заранее было отправлено 2000 пудов пороху, 1000 самопалов. На верфи царя ожидал готовый к спуску корабль. На нем в июне 1694 г. Петр совершил плавание, едва не стоившее ему жизни, — в пути его застигла буря.

Петр, таким образом, в эти годы не заглядывал ни в Боярскую думу, ни в приказы. Государством управляли люди из окружения его матери и его самого. Что же это были за люди?

В XVII в. среди сподвижников царей первостепенное место обычно занимали их ближайшие родственники. При первом Романове — Михаиле Федоровиче — фактическим главой правительства был властный и энергичный отец царя — патриарх Филарет. В годы правления Алексея Михайловича такую же роль выполнял сначала Борис Иванович Морозов, воспитатель царя, его «дядька», закрепивший свое положение брачным союзом с сестрой жены царя, а затем, после падения Морозова, — Милославские, родственники первой жены царя. При малолетнем Петре возглавлять правительство должны были родственники его матери Нарышкины, а после женитьбы — представители новой фамилии, с которой он породнился, Лопухины.

Другим источником, поставлявшим царям приближенных, являлись их ровесники, то есть люди, — с которыми они росли и воспитывались. В «робятки» к наследнику зачислялись дети знатнейших фамилий. С ними он играл, учился, они же находились у него в услужении, с некоторыми из них устанавливались доверительные отношения, не прекращавшиеся и в годы, когда наследник становился царем. Знатность этих «робяток», помноженная на близость к наследнику престола, обеспечивала им в будущем блестящую карьеру.

Родственники Петра по линии матери и жены не стали его соратниками. Нарышкины и их сторонники были истреблены во время стрелецкого мятежа 1682 г. Оставшийся в живых брат царицы Лев Кириллович Нарышкин по традиции занимал высокие посты в правительстве, но со смертью сестры оказался на вторых ролях. Он «был человек гораздо посреднего ума и невоздержаной к питью, также человек гордый, и хотя не злодей, токмо не склончивой и добро делал без резону». Так о нем отзывался князь Б. И. Куракин.

Родственники супруги царя, Лопухины, тоже не выдвинули из своего рода сколь-либо заметных политических фигур отчасти потому, что этот род был ими беден, отчасти вследствие того, что рано женившийся Петр, быстро охладев к супруге, утратил интерес и к судьбам ее родственников.

Оставались сверстники, из рядов которых выдвинулось немало сподвижников царя. Но эти люди резко отличались от «робяток», окружавших предшественников Петра, и по степени знатности, и по своей психологии.

Кремлевский дворец был царской резиденцией. В юношеские годы Петра эту резиденцию занимали царевна Софья и соправитель Иван. Именно к Кремлю были прикованы взоры великородных людей, связывавших карьеру своих отпрысков с судьбами находившихся там представителей царствовавшей династии. В Кремле действовало правительство, производились назначения, там устраивались торжества и дипломатические церемонии.

Двор в Преображенском, где жила царица с сыном, находился на полуопальном положении и, хотя был расположен рядом с Москвой, представлял собою своего рода провинцию, где жизнь текла по иным законам, а придворный этикет не стеснял поведения Петра и не ограничивал своим благочинием его забав и развлечений. Иным был и состав двора в Преображенском. Здесь мы почти ¦ не встретим представителей знатных родов. Молодые люди, окружавшие Петра, не гнушались изнурительной работы, сопровождавшей военные забавы, во время этих забав складывались особые отношения, основанные совсем на иных принципах, чем в Кремлевском дворце.

Боярин оставался боярином, даже если он попадал в опалу и блистательно начатый в Москве жизненный путь завершал воеводой какого-либо окраинного уезда. Опала для него означала ущемление спеси родовитого человека, утрату возможности получить новые пожалования, но не означала полной катастрофы и лишения средств к существованию. Карьера сына такого боярина опиралась на чин и породу отца. У людей, окружавших Петра, не было подобной опоры, традиции преемственности отсутствовали. Меншиков, не окажись он в компании Петра, в лучшем случае стал бы богатым купцом. Единственным достоянием Мен-шикова на первых порах были ум, сметливость, безграничная преданность Петру, умение с полуслова понимать, и даже угадывать его желания и прихоти.

Из окружения молодого Петра вышли военачальники и дипломаты, инженеры и администраторы. Но все это случилось позже. А пока, в первые годы правления Петра, они вместе с ним были поглощены военными играми, потешными сражениями, маневрами.

Делами управления, руководством работой правительственного механизма были заняты люди старшего поколения. Исключение составлял лишь Лев Кириллович

Нарышкин, в свои 25 лет возглавивший Посольский приказ.

Внутренней политикой заправлял боярин Тихон. Никитич Стрешнев, по отзыву Куракина, «человек лукавый и злого нраву, а ума гораздо среднего».

Правительство молодого Петра было скудно талантами. Оно плелось в хвосте событий, как-то реагируя лишь на то, что вызывалось потребностями сегодняшнего дня. Печать этой скудости лежит на поверхности: достаточно перелистать страницы, на которых запечатлено законодательство первых лет царствования Петра, и не обнаружить ни программы, ни твердой направляющей руки. Выдающимися способностями обладал лишь князь Борис Алексеевич Голицын. По отзыву многократно цитированного Куракина, он «был человек ума великого, а особливо остроты, но к делам неприлежной, понеже любил забавы, а особливо склонен был к питию». Голицын был главным наставником Петра в те дни, когда царь находился в Троицком монастыре. Именно по советам князя он наносил неотразимые удары своей сестре.

Еще одной средой, поставлявшей Петру приближенных, являлась Немецкая слобода. Из числа торговцев и ремесленников, лекарей и военных Немецкой слободы особой благосклонностью Петра пользовались два человека: шотландец Патрик Гордон и женевец Франц Лефорт. Первый из них выполнял роль военного наставника, он был участником потешных сражений и оказал Петру неоценимую услугу в критические для него дни единоборства с Софьей.

В иной сфере завоевал симпатии Петра Лефорт. В отличие от Гордона, добропорядочного католика и семьянина, в тонкостях постигшего военное дело, Лефорт не знал ни одного ремесла. Добродушный великан и остроумный весельчак с изысканными манерами, Лефорт, более всего любивший удовольствия, был незаменим в веселой компании. Он обладал способностью «денно и нощно» пребывать в забавах, развлекать дам и непрестанно пить.

Близкие Петру люди составляли так называемую «компанию», среди членов которой сложились особые отношения. Употребление царского титула было запрещено. Петра называли по-русски, по-латыни, по-голландски в соответствии с его чинами: бомбардир, капитан, капитейн, командир. Петр даже дважды выговаривал Федору Матвеевичу Апраксину за то, что тот, обра%-щаясь к нему, пользовался титулом: «Пожалуй, пишите просто, также и в письмах, без великого». Когда Петр станет контрадмиралом, то будет требовать от всех, чтобы во время пребывания его на корабле все называли его шаутбенахтом.

В «компанию» Петра, помимо Апраксина, входили Меншиков, Головин, Головкин, Кикин. Особое место в ней занимал князь Федор Юрьевич Ромодановский. Уже в потешных играх начала 90-х гг. Ромодановский фигурировал под именем «генералиссимуса Фридриха». Несколько позже он получил шуточный титул короля — «князя-кесаря». Все члены «компании», в том числе и Петр, считали себя подданными «князя-кесаря» и отдавали ему царские почести. В письмах царь называл Ромодановского не иначе как «Konih» или «Sir» и всякий раз в шутливой форме отчитывался перед ним о своих действиях.

Наряду с маскарадной должностью «князя-кесаря» Ромодановский исполнял отнюдь не маскарадные обязанности руководителя Преображенского приказа — учреждения, занимавшегося политическим сыском. Сохранилась саркастическая, но близкая к истине характеристика князя Ромодановского: «Сей князь был характеру партикулярного: собою видом как монстра; нравом злой тиран; превеликой нежелатель добра никому; пьян по все дни; но его величеству верной так был,'что никто другой». С приведенной характеристикой, исходившей от князя Куракина, вполне согласуется отзыв брауншвейгского резидента Вебера: «Он наказывал подсудимых, не спрашиваясь ни у кого, и на его приговор жаловаться было бесполезно».

До кончины «князь-кесарь» не расставался с пристрастием к вину. Входящий в его дом должен был отдать дань вкусам хозяина. В сенях гостя встречал хорошо обученный большой медведь с чаркой очень крепкой, настоенной на перце водки в лапе. Чарку он услужливо вручал гостю, и, если тот отказывался принять угощение, медведь срывал с него шляпу, парик, а то и хватал за платье.

В письмах Петр, обращаясь к лицам, принадлежавшим к «компании», называл их попросту, причем степень фамильярности отражала степень близости корреспондента. К друзьям он писал, как правило, собственноручно, называя их нежными именами. Знаки внимания царь оказывал не только людям, принадлежавшим к его ближайшему окружению, но и плотникам, — бомбардирам, солдатам, шкиперам и иностранным специалистам. Он безотказно принимал приглашения на семейные праздники от людей, с которыми «служил» в полку или работал на верфи. Особым его расположением пользовались офицеры и солдаты двух гвардейских полков, «между которыми не было ни одного, кому бы он смело не решился поручить свою жизнь», как заметил современник. Гвардейцев царь знал в лицо, многим офицерам давал ответственные поручения, способных

быстро продвигал по службе.

Несомненное влияние на стиль общения царя с его окружением оказывал экспансивный, подвижный, деятельный характер Петра, которому не свойственны были ни долгое пребывание в одиночестве, ни праздное времяпрепровождение.

Энергии у царя было в излишестве. Он стремился дать ей выход даже во время отдыха. Не случайно Петру нравились те развлечения, в которых он сам мог деятельно участвовать, и он оставался равнодушен к тем из них, в которых ему отводилась роль зрителя или неподвижно сидящего соучастника. Петр, например, не терпел игры в карты, считал это занятие пустым. Вряд ли, однако, более полезным было исполнение обязанностей протодьякона во «всепьянейшем соборе». Но игра в карты предполагала необходимость сидеть, в то время как забавы во «всепьянейшем соборе» сопровождались движением. Петр не проявлял интереса и к театру. То, что происходило на сцене, не трогало его, ибо отводило ему пассивную роль, лишало его возможности непосредственно участвовать в действии. Зато его увлекали фарсовые представления или зрелища, соучастником которых он мог стать сам.

И все же воспитанием и темпераментом общительность царя не объяснить. Власть способна быстро стереть в памяти прошлое, она создает благоприятную почву для высокомерия и надменности. Подтверждение тому — Меншиков, великолепно овладевший всем арсеналом поведения вельможи, третировавший тех, кто стоял ниже его. С Петром этого не случалось.

Он окружил себя людьми, умевшими быть полезными делу, которому он беспредельно отдавался сам. Сознательно взвалив на себя обязанности капитана и плотника, артиллериста и шкипера, Петр мог их выполнять, лишь общаясь с такими же плотниками и артиллеристами, офицерами и кораблестроителями. У одних он учился, других учил сам. В одиночестве можно было вытачивать на токарном станке безделушки, но непосильно одному человеку соорудить корабль.

Широкий круг лиц, с которыми общался царь, позволял ему отыскивать способных помощников. «Короли не делают великих министров, но министры делают великих королей», — сказал как-то Петр. Он действительно умел угадывать таланты. В интересах своего класса он сплошь и рядом привлекал любых способных к делу людей, игнорируя их «подлое» происхождение. Вельможей у него мог стать бывший пирожник, шотландец по рождению и лютеранин по вере.

Первым самостоятельным шагом Петра, с которого и следует вести отсчет времени его фактического участия в управлении

государством, следует считать поход на юг в 1695 г. для добычи Азова. Позади остались годы военных забав, почти полностью поглощавших его помыслы и энергию. Началась продолжительная и изнурительная борьба за выход к морю.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

1695 г. можно считать переломным в жизни Петра. Вспоминая прежние годы военных забав, Петр писал: «Хотя в ту пору, как трудились мы под Кожуховом в марсовой потехе, ничего более, кроме игры, на уме не было, однако эта игра стала предвестницею настоящего дела».

При чтении этих строк появляется соблазн обвинить Петра в пристрастии к войне, ибо под «настоящим делом», которое было продолжением марсовых потех, он подразумевал Азовский поход — первый самостоятельный шаг своего правления. Подобное "суждение было бы ошибочно. К войне он не питал отвращения, но и не считал ее своим призванием. Однажды он сказал: «Какой тот великий герой, который воюет ради собственной только славы, а не для обороны отечества, желая быть обладателем Вселенной!» Достоин подражания не Александр Македонский, а Юлий Цезарь. «Сей был разумный вождь, а тот хотел быть великаном всего света». Война для царя была суровой необходимостью. «Я не научаю, чтоб охоч был воевать без законные причины, — наставлял царь своего сына, — но любить сие дело и всею воз-можностию снабдевать и учить, ибо сия есть едина из двух необходимых дел к правлению: еже распорядок и оборона». Ставя на первое место внутренний «распорядок», Петр все же начал свою деятельность не с совершенствования этого распорядка, а с «обороны», с военной акции. Тому были, употребляя объяснение Петра, «законные причины».

Когда в зимние месяцы 1695 г. обсуждался план похода на Азов, Петр, разумеется, еще не связывал овладения крепостью с началом борьбы?а выход в Европу через южные моря. Цель похода была более скромной — обезопасить южные границы государства от ежегодных вторжений крымских татар, грабивших население и сжигавших посевы, уводивших тысячи украинцев и русских в плен, чтобы затем их продавать на невольничьих рынках в восточных странах.

Походы на Крым предпринимались не раз, но все они заканчивались неудачно: русской рати приходилось двигаться по безлюдной и безводной степи, и она, подвергаясь постоянным нападениям татарской конницы, достигала Крыма столь обессиленной, что не рисковала вступить на полуостров и ни с чем возвращалась, домой.

На этот раз удар решено было нанести не по крымским татарам, находившимся в вассальной зависимости от Османской

империи, а по Азову. Овладение этой крепостью делало уязвимым как Крымский полуостров, так и турецкие владения на побережье Черного моря.

Новое стратегическое направление имело ряд преимуществ по сравнению со старым, нацеленным непосредственно на Крым. Главное из них состояло в том, что войска получали возможность передвигаться не по безлюдной и безводной степи, а по реке Дон, вдоль которой стояли поселения донских казаков. Отпала надобность в колоссальном обозе, доставлявшем не только продовольствие, но и воду. Войска достигли Азова в конце июля 1695 г. Начались осадные работы. Они обнаружили слабую выучку русских войск. Уверенность царя в высокой боеспособности армии оказалась необоснованной.

Принудить гарнизон крепости к сдаче путем осады не удалось, так как в город имели свободный доступ османские корабли, доставлявшие в помощь осажденным войскам продовольствие и боеприпасы. Русское командование, не располагая флотом, не могло изолировать Азов с моря. Тогда Петр велел готовиться к штурму. Хотя царь и находился среди осаждавших в скромной должности бомбардира, но фактически он, опираясь на советы иностранных офицеров, осуществлял общее командование войсками, разбитыми на три группы, во главе которых стояли Головин, Лефорт и Гордон.

Но и дважды осуществленный штурм не. принес желаемого успеха — русские понесли значительные потери и должны были снять осаду и возвратиться домой.

Первая же неудача обнаружила одну привлекательную черту характера Петра — он умел извлекать уроки и не расхолаживался, а напротив, доискивался до причин неуспеха и с удесятеренной энергией исправлял допущенные промахи.

Петру стало ясно, что блокировать Азов, не имея флота, невозможно; поэтому зимой на верфи в Воронеже началось интенсивное строительство кораблей. Неудачи в штурме крепости объяснялись, в частности, слабой инженерной подготовкой войск: взрывы мин оставляли нетронутыми крепостные стены, но зато Наносили урон самим осаждавшим. Не содействовало успеху и то обстоятельство, что командование войсками, осаждавшими Азов, было сосредоточено в руках трех военачальников, что затрудняло согласованные действия и возможность одновременного нанесения ударов.

В следующем, 1696 г. армия вновь оказалась у стен крепости. Сполна были учтены промахи кампании прошлого года, и гарнизон крепости, оказавшись блокированным не только с суши, но и с моря, должен был капитулировать.

8 августа русские войска, оставив в Азове гарнизон, отправились в Москву. Столица встретила победителей необычно. До этого повелось возвращавшиеся войска встречать колокольным звоном и молебнами. Теперь во встрече церковную обрядность заменил светский праздник, и население столицы стало свидетелем небывалого зрелища. Все в нем было диковинным, и москвичи, не привыкшие к подобным церемониям, похоже, выражали больше удивления, чем радости и восторга.

Поток воинов, пеших и конных, растянувшийся на несколько верст, двигался через всю Москву. Два главнокомандующих — боярин Шеин и адмирал Лефорт важно восседали в роскошных каретах. Сам царь, теперь уже в чине не бомбардира, а капитана, шествовал пешком вслед на каретой Лефорта. Одет он был в черное немецкое платье, на шляпе красовалось белое перо. На плече он нес протазан — широкое копье пешего воина.

Войска проходили через триумфальную арку, специально для этого воздвигнутую. Она имела не менее 10 метров высоты и была украшена фигурами и приличествующими случаю текстами, вроде «Приидох, увидех, лобедих» или ироническими в адрес побежденных: «Ах, Азов мы потеряли и тем бедство себе достали». У арки произносились речи, читались стихи и исполнялись песни.

Надо отдать должное Петру — победа не вскружила ему голову. Он понимал, что находится у самых истоков борьбы за превращение России в морскую державу. Не строил он иллюзий и относительно военной мощи России. Между тем предстояла нелегкая борьба за выход к Черному морю, за право пользоваться проливами.

Пышно отпраздновав победу, Петр вновь погрузился в заботы. Уверовав в силу флота, обеспечившего овладение Азовом, он сразу приступил к созданию военно-морского флота, состоящего не из речных кораблей, как то было во время второго Азовского похода, а из крупных судов, вооруженных десятками пу-' шек. Для этого были организованы так называемые «кум'панства», состоявшие из помещиков, монастырей и богатых купцов. Каждое такое «кумпанство» должно было спустить на воду корабль, оснастить его и вооружить.

Бремя создания флота царь возложил на землевладельцев, а те переложили его на своих крестьян. Купцы окупали свои расходы повышением цен на продаваемые товары.

Создание флота было первым, но не единственным новшеством. Флот нуждался в офицерском составе, знающем военно-морское дело, а верфи — в кораблестроителях. Ни тех, ни других в России не было, и царь идет на необычный шаг — посылает за границу молодых дворян для изучения морского

дела. Среди 35 молодых людей, включенных в список, 23 носили княжеский титул. Позже, в декабре 1696 г., Петру пришла мысль снарядить за границу посольство, поручив ему заботу об организации коалиции европейских держав для продолжения борьбы с Османской империей. Посольство, кроме того, должно было нанять за границей специалистов на русскую службу, закупить оружие, а также пристроить для обучения новую партию дворян. Программа их обучения предусматривала овладение минимумом военно-морских знаний, а затем и искусством кораблестроения.

Подготовка началась немедленно. По дипломатическим каналам шла переписка с правительствами стран, через которые должно было следовать посольство и с которыми намечалось вести переговоры. Ассигновались суммы на приобретение дорогих подарков. Комплектовали штат посольства, из архивов извлекали документы о дипломатических отношениях с европейскими державами, вырабатывали инструкции. Одна из них, предназначенная ученикам-волонтерам, была составлена царем. Программа их обучения предусматривала два цикла. Первый, обязательный для всех волонтеров, имел в виду изучение минимума военно-морских знаний, то. есть кораблевождения, управления боевыми действиями. Второй цикл, факультативный, рекомендовал овладеть кораблестроением.

Создание флота можно считать второй самостоятельной акцией Петра. Она оставила глубокий след в жизни страны и потребовала значительно больших жертв от ее населения, чем Азовские походы. Для простого люда эти жертвы, которых беспощадно требовали от него, были непомерно тяжелы. Пока народ отвечал на притеснения глухим ропотом. Одержимый идеей государственности, царь не щадил и великородных людей, вызывая недовольство даже в их среде. Благородные отпрыски Рюриковичей и Гедиминовичей были принуждены сменить беспечную жизнь при дворе и обычное для знати продвижение по чинам на полное неизвестности путешествие в неведомые края, где предстояло заниматься тяжелым физическим трудом, напрягать ум, отказаться от удобств, привычных с детства.

В разгар подготовки посольства в столице произошло два события, которые, казалось бы, должны были предостеречь Петра от намерения самому отправиться за границу в составе посольства.

Местом одного из них являлась келья строителя подмосковного Андреевского монастыря старца Авраамия, где собирался кружок его единомышленников. Предметом суждений был царь, его поведение и вводимые им новшества. Петра

наблюдали запросто, подобно солдату, шагающего в составе войска, видели его с топором в руках на кораблестроительной верфи в Воронеже, замечали, как он часто навещал Немецкую слободу. Все это считалось предосудительным и недостойным поведения царя. Обмен мнениями на этот счет Авраам оформил запиской, которую намеревался вручить Петру во время личной встречи. Вместо аудиенции старец угодил в учреждение, занимавшееся розыском политических преступлений, — Преображенский приказ. Серьезных последствий розыск не имел — участники собеседований понесли легкие наказания.

Значительно серьезнее и с далеко идущими последствиями был заговор полковника Циклера, к которому были причастны чиновные и родовитые люди. В разговорах друг с другом они выражали недовольство тем, что их детей отрывают от семьи и отправляют учиться за границу. Организатор заговора Циклер таил злобу на Петра и за то, что тот проявлял к нему недоверие и продвигал по, службе не с такой скоростью, как того хотелось карьеристу-полковнику. Циклер намеревался убить Петра, но не мог найти исполнителя.

Заговорщики были схвачены и казнены. Поручив управление страной князю Федору Ромодановскому и боярину Тихону Стрешневу, посольство, точнее, его передовой отряд выехал 2 марта 1697 г. из Москвы. Посольство получило название великого по причине его многочисленности. Его возглавляли три посла: Лефорт, Головин и Возницын. В числе 35 волонтеров, отправлявшихся для обучения кораблестроению и военно-морскому делу, находился Петр Михайлов — под такой фамилией значился царь. Посольство сопровождал многочисленный обслуживающий персонал: священники, лекари, переводчики, повара, хлебники и даже четыре карла. Вместе с солдатами охраны численность посольства превышала 250 человек, а обоз насчитывал тысячу саней.

Петру не удалось скрыть своего пребывания в составе посольства. Его внешний вид запоминал всякий, кому хоть раз довелось с ним встретиться, прежде всего благодаря высокому росту —2 метра 4 сантиметра. Петра узнали в Риге, в других местах, он иногда и не скрывал того, что он был русским царем. Великое посольство направилось в Голландию. Путь туда пролегал через Курляндию, Бранденбург, Германию. Повсюду посольству устраивали торжественные приемы. Петру иногда удавалось сохранить инкогнито, и тогда он оставался в тени, находясь в толпе волонтеров. Среди них царь значился десятником, т. е. человеком, возглавлявшим десяток молодых людей.

Границу Голландии, богатейшей страны Европы, славившейся развитой промышленностью и торговлей, Петр пересек в начале августа и сразу же направился в центр кораблестроения — город Саардам. По своему обыкновению быстро ездить Петр опередил посольство и до прибытия последнего в Амстердам имел неделю времени, чтобы обрядиться в платье, какое носили саардамские кораблестроители, ознакомиться с верфями, осмотреть бумажные и лесопильные мельницы и даже поработать топором. Плотничьи инструменты он купил у одной вдовы.

В плотнике саардамцы, бывавшие в Москве, узнали русского царя. Поэтому его повсюду сопровождала толпа любопытных не только из местных жителей, но и приехавших издалека, чтобы поглазеть, как русский царь ловко управлял яхтой, или сноровисто орудовал топором, или, наконец, сидел в гостях у кого-либо из тех, чьи родственники жили в Москве. «Повсюду, — заметил современник-голландец, — он проявлял необыкновенную любознательность и часто спрашивал о том, что значительно превышало познания тех, к кому он обращался с расспросами. Его тонкая наблюдательность и особый дар понимания не уступали его необыкновенной памяти. Многие поражались особой ловкости его в работе, которой он превосходил иногда даже более опытных в деле людей. Так, рассказывают, что, находясь на одной бумажной мельнице и осмотрев все интересовавшее его, царь взял из рук мастера форму, которой тот черпал бумажную массу, и отлил такой образцовый лист бумаги, что никто другой не сумел бы сделать это лучше».

16 августа 1697 г. состоялся торжественный въезд посольства в Амстердам. В его свите находился и Петр, специально прибывший из Саардама, облаченный в кафтан, красную рубаху и войлочную шляпу.

В Амстердаме было достигнуто соглашение о том, что волонтеры будут обучаться кораблестроению на верфи Ост-Индской компании. Как только об этом стало известно Петру, он, не желая тратить зря ни одной минуты, ночью стал собираться в Саардам, чтобы оттуда привезти вещи и инструменты.

Конец августа и начало сентября прошли в усвоении премудростей кораблестроения, причем Петр работал с топором как простой плотник. 9 сентября был заложен фрегат, над сооружением которого трудились волонтеры. В середине ноября фрегат «Петр и Павел» был спущен на воду. Царь и другие волонтеры получили соответствующие аттестаты. Корабельный мастер Поль засвидетельствовал, что «Петр Михайлов, находившийся в свите великого московского посольства… был прилежным и разумным плотником…; кроме того, под моим

надзором корабельную архитектуру и черчение планов его благородие изучил так основательно, что может, сколько мы сами разумеем, в том и другом упражняться».

Позже Петр скажет, что под руководством мастера Поля он усвоил все, «что подобало доброму плотнику знать». Но царь хотел постичь тайны кораблестроения, усвоить теорию. В Голландии такого рода сведущих людей не было, и Петру пришла мысль посетить «владычицу морей» Англию, где он мог изучить ремесло инженера-кораблестроителя.

11 января 1698 г. военный корабль с Петром на борту доставил царя в Лондон. Современник записал, что он «не пожелал воспользоваться яхтой, а поместился на одном из военных кораблей, что всю дорогу он разговаривал с контрадмиралом; который его сопровождал, о мореплавании и желал знать об этом до последних мелочей; что он одет был в костюм голландского матроса, а при входе в Темзу надел здешнее платье и парик». Царь отказался пересесть в присланную ему королевскую лодку и, «чтобы не быть узнанным, поместился на барке, предназначенной для перевозки багажа».

Из четырехмесячного пребывания в Англии Петр большую часть времени провел в центре кораблестроения страны — Дептфорде, где изучал чертежи и пропорции корабельной архитектуры, т. е. постигал вершины этой науки.

Помимо верфей, царь в Англии осматривал лондонские предприятия, побывал в Английском королевском обществе, являвшемся центром научной мысли, ознакомился с Оксфордским университетом, несколько раз ездил в Гринвичскую астрономическую обсерваторию и на монетный двор. Знаменитый Ньютон управлял монетным двором как раз в то время, когда этот двор посещал Петр. Историки не исключают возможности, что там могла состояться встреча двух великих людей — мудрого государственного деятеля и крупнейшего ученого. В Лондоне царь познакомился с известным английским математиком Фергарсоном и заручился его согласием отправиться в Россию, где он служил сначала в Навигацкой школе, а затем в Морской академии. Здесь же Петр позировал ученику Рембрандта, известному художнику Готфриду Кнеллеру, написавшему его портрет.

Итак, одна из задач великого посольства была успешно решена — волонтеры постигли азы кораблестроения, а некоторые из них усвоили основы инженерного искусства.

Большие трудности пришлось преодолеть при закупке оружия и найме специалистов. Первая была обусловлена подготовкой морских держав к войне с Францией и необходимостью самим

иметь в запасе как оружие, так и снаряжение. Тем не менее удалось закупить 10 тысяч ружей, 5 тысяч мушкетов, 3200 штыков, корабельные припасы и прочее. На русскую службу было нанято множество специалистов, в том числе около 350 матросов, а также боцманы, комендоры, шлюзные мастера и т. д.

Что касается главной задачи, ради которой великое посольство отправилось в столь дальнее путешествие, то здесь и царя, державшего все нити переговоров в своих руках, и его дипломатов постигла неудача. Сколько ни пытались русские послы убедить голландское правительство принять активное участие в войне против «басурман», все их красноречие не находило отклика: представители Голландии вежливо, но твердо отказывали в помощи флотом, в чем Россия более всего нуждалась, мотивируя свою позицию тем, что Голландия сама только что завершила войну с Францией и вновь готовится возобновить вооруженную борьбу с ней.

В мае 1698 г. великое посольство покинуло Голландию, чтобы отправиться в Вену. Коль не удалось заручиться согласием морских держав участвовать в войне с Османской империей, Петр решил довольствоваться малым — предотвратить возможность заключения сепаратного мира с османами и добиться согласия продолжать войну с ними.

В отличие от'Амстердама, где переговоры вели послы, в Вене царь решил сам попытать счастья на дипломатическом поприще и переговоры взял в свои руки. Состоялось свидание с австрийским императором Леопольдом I.

Бесполезность переговоров с венским двором стала очевидной, убедить его продолжать войну с Османской империей не удалось. Доводы о том, что затраты на Азовские походы не окупились овладением крепостью и что надлежало добиваться от неприятеля новых территориальных уступок, остались без внимания. Союзники твердо решили выйти из войны и уже давно вступили в сепаратные переговоры с противником. Петру ничего не оставалось, как дать согласие на участие в переговорах. В противном случае Россия могла оказаться в полной изоляции.

Впрочем, у царя теплилась слабая надежда склонить к продолжению войны третьего союзника — Венецию. Туда он и намеревался держать путь, но получил тревожные вести из Москвы, разрушившие все. планы. Пришлось менять маршрут и срочно отправляться в Россию.

Что дало лично Петру почти полуторагодичное пребывание за границей? Прежде всего возможность познакомиться с западноевропейской наукой, культурой и техникой. Для любознательного ума царя, жадно впитывавшего увиденное,

открывалось широкое поле деятельности. Всюду, где бы ни находился царь, — в Лондоне, Амстердаме, Дрездене, Лейпциге — он не упускал случая осмотреть кунсткамеры, арсеналы, парки, промышленные предприятия. Впрочем, слово «осмотреть» неточно отражает явление. Петр не осматривал, а тщательно изучал увиденное, производил записи и строил планы, как полюбив-шееся ему какое-либо новшество внедрить в России. Тем самым он восполнял пробелы своего весьма скромного образования.

Следует, однако, учитывать, что прорехи в образовании он сумел в какой-то мере заполнить еще до поездки за границу. Во всяком случае, своими познаниями, например, в артиллерии он приводил в изумление западноевропейских специалистов. 2 июня 1698 г. он осматривал в течение трех часов Главный арсенал в Дрездене. Современник отметил: «Он рассматривал все как нельзя внимательнее и, где только попадался ему малейший недостаток в орудии, то он не только примечал его, но и угадывал причину, по которой он произошел, и все это так основательно, что нельзя достаточно тому надивиться». Там же, в Дрездене, царь осматривал королевскую кунсткамеру, проявляя особый интерес к математическим и ремесленным инструментам.

Не новичком царь был и в кораблестроении. Знаменитый немецкий ученый Лейбниц писал о нем в самом начале путешествия: «Главное удовольствие его — морское дело, которое он изучил хорошо и хочет изучить в совершенстве».

В Англии Петр много раз посещал Гринвичскую обсерваторию, в Вуличе, близ Лондона, осматривал главные артиллерийские заводы страны и арсенал. В самом Лондоне посетил музей, осматривал королевский дворец, где его внимание привлекли инструменты. 24 марта 1698 г. для Петра и его спутников в Портсмуте было устроено показательное морское сражение, оставившее у него неизгладимое впечатление.

Особенно часто царь навещал монетный двор, на котором работали самые совершенные станки того времени. Интерес к чеканке монет был обусловлен прежде всего тем, что Петр по приезде в Россию намеревался осуществить денежную реформу.

Петр имел возможность установить личные контакты с некоторыми выдающимися учеными современности. В Голландии он познакомился с известным анатомом Рюйщем, изобретателем особого способа сохранения анатомических препаратов. На царя оказал сильное впечатление анатомический музей Рюйша, где он в сопровождении ученого обозревал великолепно сохранившиеся трупы детей и мелких животных. Петр настолько заинтересовался хирургией, что даже хотел брать уроки у профессора Рюйша.

Позже царь считал себя сведущим в хирургии и, как увидим ниже, иногда делал операции.

Мы оставили Петра в Вене, когда курьер из Москвы сообщил ему новость, заставившую его отказаться от прежде намеченных планов и без остановок день и ночь мчаться в Москву. Этой новостью было известие о нрвом стрелецком бунте.

Еще в марте 1698 г. среди стрельцов четырех полков, отправленных к западным рубежам, началось неповиновение. 175 стрельцов направились в Москву с жалобами на тяготы службы, задержку жалованья и жизнь впроголодь. Правительство пошло на уступки, и конфликт, казалось, был улажен: стрельцам выдали задержанное жалованье, и они вернулись в полки. Вскоре восстание возобновилось, и в пакете с лисьмом Ф. Ю. Ромодановского содержалось известие, что теперь уже все стрельцы четырех полков в полном вооружении движутся к Москве* Петр выехал из Вены 19 июля, делал кратковременные Остановки для обеда и смены лошадей. Лишь на четвертые сутки, то есть 22 июля, он остановился на ночлег. Как раз в этот день в Вене было получено сообщение о разгроме восставших стрельцов верными правительству войсками. Это известие, которое не преминули сообщить и Петру, не изменило раз принятого плана — царь продолжил путь в Россию, правда, теперь уже он ехал не с такой скоростью, как прежде. В маленьком городке Раве Русской он задержался надолго. Здесь он вел переговоры с польским королем Августом II, одновременно являвшимся саксонским курфюрстом. Значение свидания состояло в том, что в Раве Русской произошел обмен мнениями, в результате которого существенно изменился внешнеполитический курс России. Обмен мнениями о внешней политике Петр и Август вели с глазу на глаз, без свидетелей, так что польские вельможи даже не подозревали о предмете переговоров. Участники переговоров без труда убедили друг друга, что у них есть общий неприятель — Швеция. Итоги переговоров не были оформлены договором, Петр и Август всего лишь обменялись «крепкими словами о дружбе». Так было положено основание будущему Северному союзу.

Крутому повороту внешней политики Россия обязана была не обаянию Августа II, а проницательности Петра, сумевшего разглядеть наперед все преимущества нового направления борьбы, за выход к морю. Царь трезво оценил бесперспективность борьбы за выход к южным морям, учитывал он и тщетность надежд на помощь морских держав, поглощенных лихорадочной подготовкой к войне с Францией. Именно поэтому он решил добиваться выхода к морю не на юге, а на северо-западе и в соответствии с этим планом искать союзников не для

продолжения войны с Османской империей, а для войны со Швецией.

Никого не предупредив о своем приезде, Петр появился в Москве 25 августа. Весть о прибытии царя разнеслась лишь на следующий день, и бояре поспешили в Преображенское, чтобы приветствовать его с благополучным возвращением. Царь обошелся с поздравителями самым непредвиденным образом: велел подать ножницы и стал отрезать бороды у бояр. Первым лишился бороды боярин Шеин, разгромивший взбунтовавшихся стрельцов под Новым Иерусалимом. Вторым лишился бороды «князь-кесарь» Ромодановский. За ним следовали прочие бояре, которых лишали бороды либо сам царь, либо по его повелению. От бритья бород освобождались лишь церковные иерархи. Так было положено начало брадобритию — новшеству, которое в наши дни можно считать ничтожным, но тогда оно произвело на современников огромное впечатление, так как борода считалась признаком солидности и добропорядочности. Не случайно борода станет символом старины, знаменем протеста против новшеств.

С бородой пришлось расстаться не только боярам. Петр возвел преследование бороды в ранг правительственной политики и бра-добритие было объявлено обязанностью всего городского населения. Право ношения бороды разрешалось купить, но налог установили столь высокий, что даже богатые купцы предпочитали расстаться с бородой, чем платить за нее ежегодно по 100 рублей. Дворянская борода оценивалась дешевле —60 рублей в год. Крестьяне могли не брить бород, но всякий раз при въезде в город и выезде из него должны были платить по копейке. Была выбита специальная металлическая бляха — бородовой знак, которую бородачи носили на шее. На лицевой ее стороне изображались усы и борода, а на обратной была надпись: «Деньги взяты». Это была своего рода квитанция об уплате пошлины с бороды. От уплаты налога освобождалось только духовенство.

Предметом главных забот царя быЛа| разумеется, не борьба с бородами, а выяснение обстоятельств стрелецкого бунта. Цель бунта была ясна: истребить неугодных бояр, лишить престола Петра и посадить на трон Софью. Вопрос, занимавший царя, состоял в том, чтобы получить ответ: кто подстрекал стрельцов на выступление, кто им подсказал программу?

У Петра на этот счет имелся ответ, высказанный им еще в Вене тотчас после получения известия о начавшемся неповиновении стрельцов. Он был уверен, что движение стрельцов в 1698 г., как и бунт 1682 г., было инспирировано сторонниками царевны Софьи, томившейся в Новодевичьем

монастыре. Но кто мог подтвердить догадки царя?

Дело в том, что боярин Шеин, разгромив стрельцов, схватил главных зачинщиков и после весьма поверхностного расследования велел их казнить, а бунтовавшие полки распределил по уездным городам и подмосковным монастырям.

Петр решил возобновить розыск, причем все руководство им взял в свои руки. Начал он с топ в столицу всех стрельцов мятеж общей сложности 1041 человек.

Начался страшный стрелецкий розыск: работа в застенках кипела и день, и ночь. Используя пытки и истязания, следователи, и среди них Петр, пытались установить причастность к заговору Софьи. Но вытягивание признания с помощью огня, палок и батогов не дало прямых улик против Софьи. Тайну заговора унесли с собой в могилу главари движения, поспешно и неосмотрительно казненные Шейным. Тогда Петр отправился в келью Новодевичьего монастыря, чтобы лично допросить Софью.

Петр не встречался с сестрой в течение 10 лет, то есть с тех пор, как она была сокрушена в 1689 г. Жизнь ее в заточении не отличалась суровым режимом. В этом сказался тоже характер царя — он не мстил поверженным противникам и как бы вычеркивал их из своей памяти. Софье предоставлялись условия для общения с внешним миром, она имела прислугу, получала подарки от родственников.

При встрече брата и сестры столкнулись два. одинаково суровых и непреклонных характера. Зная о том, что в распоряжении Петра нет прямых удик против нее, Софья решительно отрицала свою причастность к стрелецкому бунту и существование каких-либо контактов с главарями движения. Она отклонила и заявление одного из стрельцов, добытое под пытками, что в полках будто бы читали присланное ею письмо.

По жестоким законам того времени всякие выступления «скопом и заговором» против властей карались смертью. Следовательно, все стрельцы, независимо от того, активно или пассивно они вели себя во время бунта, подлежали казни.

Стрелецкий розыск начался 17 сентября. Еще не было закончено следствие, как начались казни. Первая партия стрельцов численностью в 201 человек подверглась казни 30 сентября. Кортеж из десятков телег, на каждой из которых сидели по два стрельца с зажженными восковыми свечами в руках, медленно двигался из Преображенского в Москву. У Покровских ворот в присутствии Петра, высших сановников и иностранных дипломатов стрельцам зачитали царский приговор о предании «воров и изменников и крестопреступников и бунтовщиков»

смертной казни.

Вспомним знаменитую картину Василия Сурикова «Утро стрелецкой казни». На телегах в ожидании казни сидят стрельцы. Каждый из них по-своему готовится к смерти. Лица одних выражают скорбь, других — раскаяние и мольбу, в глазах третьих светятся ненависть и презрение, четвертые находятся в состоянии шока. Поодаль виден силуэт Петра, по чьему сигналу вот-вот должна начаться кровавая расправа.

Осужденных развезли по разным районам столицы, все они были повешены.

Казнь второй партии обреченных состоялась 11 декабря.

Вся группа казненных, а их насчитывалось 144 человека, не подвергалась розыску. Стрельцов вешали не только на специально сооруженных виселицах, но и на бревнах, вставленных в бойницы Белого города. Через неделю — новые казни.

Столица долгое время находилась под впечатлением массовых казней. Трупы казненных не убирались в течение пяти месяцев.

В сентябре — октябре было повешено, обезглавлено и четвертовано в общей сложности 799 стрельцов. Жизнь сохранили лишь малолетним участникам выступления — юношам от 14 до 20 лет. В стрелецком розыске проявилась еще одна, на этот раз крайне неприглядная черта характера Петра — его неистовая жестокость. Но таков был век. Новое пробивало себе дорогу так же свирепо и беспощадно, как цеплялось за жизнь отжившее старое. Стрельцы олицетворяли косную старину, тянули страну назад и поэтому были обречены.

Стрельцы в глазах Петра являлись «не воинами, а пакастниками», и прежде всего потому, что они многократно не только «пакостили», то есть создавали препятствия на его пути к трону, но и покушались на его жизнь. Это они пытались преградить ему путь к власти в 1682 и 1689 гг. Это они казнили его родственников по матери во время бунта 1682 г. Неприязнь к стрельцам со временем переросла в фанатическую ненависть. Необузданный деспотизм сильной личности, оказавшейся победителем в этих столкновениях, завершился кровавым финалом — истреблением сотен стрельцов и фактическим уничтожением стрелецкого войска. Сказанным, однако, можно объяснить жестокость царя, но не оправдать ее.

После стрелецкого розыска царь отправился в Воронеж, чтобы взглянуть на верфь, где кумпанства строили корабли. Первое впечатление от увиденного оказалось обнадеживающим. «Мы, слава богу, зело во изрядном состоянии нашли флот и магазины

обрели», — писал Петр в Москву. Впрочем, при более глубоком ознакомлении с делом обнаружились значительные недостатки в организации работ. Один из них, едва ли не самый главный, состоял в том, что согнанные со всех концов страны плотники и кузнецы жили в крайне тяжелых условиях: без крова в зимнюю стужу и осеннюю слякоть, со скудными запасами сухарей в котомках они валили лес, пилили доски, углубляли фарватер реки, строили корабли. Треть, а то и половина людей, не вынеся тягот, убегала с верфи. Молва о тяжелых условиях жизни в Воронеже разносилась по стране, и люди, подлежавшие набору на работы, хоронились в лесах, чтобы уклониться от мобилизации.

Недостаточная техническая подготовка руководителей постройки кораблей привела к тому, что каждое спущенное на воду судно оказалось с крупными дефектами: одни из них имели высокие борта и, следовательно, были неустойчивы на воде; другие не имели надежной прочности, так как обшивка крепилась вместо железных гвоздей деревянными.

К концу года царь возвратился в Москву, где участвовал в развлечениях «всепьянейшего собора». Шумная компания, состоявшая из двухсот человек, во главе с Петром разъезжала на восьмидесяти санях по улицам столицы и, останавливаясь у дома то вельможи, то богатого купца, требовала угощения и вознаграждения.

На следующий, 1699 г., выпало множество событий, на важнейших из которых мы остановимся.

В этом году на конгрессе в Карловицах в результате переговоров союзников (России, Австрии и Венеции) было заключено двухлетнее перемирие с Османской империей. Заметим, что это был не мир, а всего лишь кратковременное перемирие. Из этого следовало, что русской дипломатии не удалось добиться устойчивого замирения на южной границе, и правительство, заинтересованное в мирном договоре с южным соседом, принимает энергичные меры для продолжения переговоров с султанским двором.

Заинтересованность России в мире с Османской империей станет понятной, если мы учтем, что отсутствие мирного договора с нею ограничивало активность русского правительства в сколачивании союза для начала борьбы за выход к Балтийскому морю. Не добившись мира с Османской империей, нечего было и думать о войне со Швецией, так как Петру было ясно, что отсталой России не выдержать напряжения борьбы на два фронта — на юге и северо-западе.

Для продолжения переговоров с султанским двором Петр направляет в Константинополь известного дипломата Емельяна

Ивановича Украинцева, причем не традиционным путем по суше, а морем и на военном корабле.

5 августа 1699 г. эскадра в составе десяти кораблей снялась с якоря, чтобы держать путь к Керчи. Формально эскадрой командовал адмирал Федор Алексеевич Головин, а фактически все нити управления ею находились в руках царя.

Когда эскадра подошла к Керчи, в османской крепости начался переполох — для коменданта, не подозревавшего о существовании в России военно-морского флота, появление такого количества кораблей было полной неожиданностью. Участник экспедиции говорил: «Ужас турецкой можно из лица их видеть о сей нечаянной визите с такою* изрядно вооруженной эскадрой, и много труда имели, чтоб турки верили, что сии корабли в России строены и что на них российские люди. И как турки услышали, что его величество указал своего посла на собственных своих кораблях отвезть, то туркам еще больше ужаса придало».

Комендант Керчи долго не соглашался пропустить русский корабль в Черное море, но затем уступил, и корабль «Крепость» с Украинцевым на борту отделился от эскадры и взял курс на Константинополь. Появление у стен Царьграда русского военного корабля, возвестившего о своем прибытии артиллерийским залпом, вызвало у османского правительства не меньшее изумление, чем у коменданта Керчи. Демонстрация оказала свое воздействие на ход переговоров Украинцева, ибо в Константинополе воочию убедились в существовании в России военно-морского флота.

Проводив «Крепость», Петр возвратился с эскадрой в Азов, а оттуда в Москву. Здесь он вел переговоры с представителем саксонского курфюрста Августа II о заключении союза для борьбы со Швецией. В итоге дружеский обмен мнениями и взаимные заверения Петра и Августа II в Раве Русской 11 ноября 1699 г. были оформлены договором. Обе стороны обязались «имети войну обще против короны Свейской за общие их неправды». Цель России в этой войне состояла в возвращении русской территории на Балтийском море (Ижорской земли) и Карелии. Август обязался начать военные действия в 1699 г., а Петр — после заключения мира с Турцией. Чуть позже, 23 ноября, был ратифицирован союзный договор с Данией. Так был создан союз трех государств (России, Саксонии и Дании), получивший название Северного. Союзники обязались вести совместную борьбу со Швецией. Петру в ожидании благоприятных вестей от Украинцева из Константинополя оставалось проявлять терпение.

К 1699 г. относятся новшества и во внутренней жизни России.

Важнейшее из них связано с городской реформой.

Давным-давно, еще в 1667 г., правительство обещало городскому населению создать «пристойный приказ», который бы ограждал его от произвола воевод. Понадобилось свыше 30 лет, чтобы правительство организовало выборные органы городского управления: Ратушу в Москве и земские избы в уездных городах.

Проводя городскую реформу, правительство исходило из того, что введением органов городского самоуправления оно настолько облагодетельствует горожан, что те с охотой согласятся платить подать в двойном размере, лишь бы освободиться от опеки воевод. Однако это условие оказалось настолько обременительным, что многие города его не приняли, и они отказались от самоуправления. В итоге правительство вынуждено было отменить взимание двойного размера подати и объявило реформу обязательной для всех городов.

Проводя реформу, правительство пеклось не столько об интересах горожан, сколько о собственных выгодах. Оно рассчитывало, что горожане, освободившись от произвола воевод и их вымогательств, станут интенсивнее заниматься промыслами и торговлей. В результате в казну ручьем потекут деньги, взимаемые в форме пошлин с торговли и налогов с промыслов. Другая выгода казны состояла в том, что сбор таможенных и кабацких денег, приносивших основной доход государству, отныне должен был проводиться не оплачиваемыми правительством чиновниками, а Ратушей и земскими избами. Тем самым правительство получало гарантию своевременного поступления налогов и в то же время освобождалось от содержания аппарата, осуществлявшего сбор этих налогов.

Из сказанного видно, что городская реформа не принесла выгод горожанам и в конечном счете не содействовала развитию экономики городов. Именно этим обстоятельством объяснялась недолговечность городской реформы. Другие новшества оказались не столь значительными, тем не менее и они оставили след в преобразованиях Петра.

В феврале 1699 г. состоялось шуточное освящение только что построенного дворца для фаворита царя Лефорта. Гости при-были на пир бритыми, но в традиционной русской одежде — долгополом и широкорукавном платье. Царь к этой одежде питал неприязнь, считая, что она стесняла движения и мешала в работе. На пиру царь действовал уже раз испытанным способом: он взял ножницы и стал укорачивать платье и рукава.

Несколько месяцев спустя москвичи читали листы, прибитые у ворот Кремля, в Китай-городе, у Чудова монастыря и в других людных местах. У листов стража, чтобы их не сорвали, а на

листах царский указ: отныне в Москве и прочих городах надлежало носить вместо русского платья венгерские кафтаны.

Еще одно новшество было осуществлено под занавес уходившего 1699 г. Указом 19 и 20 декабря было велено счисление лет производить не от сотворения мира, а от рождества Христова, а новолетие начинать не с 1 сентября, а с 1 января. По старому летоисчислению шел 7208 г., а по новому, принятому во всех европейских государствах, наступил 1700 г. Царь велел новый год встречать как праздник. 1 января на Красную площадь были выведены солдатские полки и в Кремле расставили свыше 200 пушек.

Шесть дней палили из пушек. Петр хлопотал над устройством фейерверка, своей красотой поразившего столичных жителей. Горожане тоже должны были участвовать в торжествах: ворота каждого двора надлежало украсить сосновыми, еловыми и можжевеловыми ветками, а те, у кого в доме имелись пушечки и огнестрельное оружие, тоже должны были салютовать наступающему Новому году. Так начиналось новое, XVIII столетие, принесшее стране и ее народу множество радостей и множество невзгод. Но главным событием нового, 1700 г. было начало Северной войны, круто изменившей жизнь страны.

КАТАСТРОФА ПОД НАРВОЙ. ШВЕДСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ

Петр, находясь в Москве, живо интересовался тем, что происходило в Константинополе. «Только конечно учини мир: зело, зело нужно», — торопил царь Украинцева. Мольба царя станет понятной, если мы вспомним его обязательства перед союзниками начать военные действия против Швеции, как только курьер доставит известие о заключении мира с Османской империей. Между тем Дания и Саксония уже начали военные действия и надеялись на вступление в войну России.

Царь не нарушил данных им обещаний. Курьер доставил долгожданное донесение Украинцева о заключении мира на 30 лет 8 августа 1700 г., и Петр тут же распорядился о походе на неприятеля. Объектом атаки должна была стать мощная шведская крепость Нарва.

На десятки верст растянулся обоз из 10 тысяч телег, нагруженных снаряжением, боеприпасами, артиллерией и продовольствием. Царь в чине капитана бомбардирской роты Преображенского полка тоже находился в составе войск. В Твери курьер Августа II доставил ему неприятное известие: шведский король вынудил капитулировать Данию. Он во главе 15-тысячного войска внезапно оказался под стенами Копенгагена, куда его доставили английские и голландские корабли, и под угрозой разрушительной бомбардировки вынудил датского короля Фредерика IV заключить Травендальский мир. Дания, таким образом, вышла из Северного союза. Это случилось в тот самый день 8 августа, когда курьер Украинцева привез весть о заключении мира в Константинополе.

Из услуг, оказанных Швеции, Англия намеревалась извлечь выгоду: она считала, что Карл XII, разгромив Данию, с такой же легкостью расправится и с другими участниками Северного союза, чтобы потом оказать ей помощь в войне с Францией. Именно поэтому англичане выступили главными гарантами Травендаль-ского договора, что позволило шведскому королю, не опасаясь за свои тылы, бросить все сухопутные и морские силы на восток — против России и Саксонии.

Новость была ошеломляющей, но тем не менее она не оказала влияния на планы русского командования: армия продолжала движение на запад, и первые русские полки численностью в 10 тыс. человек, преодолевая осеннее бездорожье,

23 сентября достигли Нарвы. Остальные медленно подтягивались к крепости, и их сосредоточение в основном завершилось к середине октября. Царь распоряжался расстановкой батарей и осадными работами.

Гарнизон Нарвы был невелик: 1300 человек пехоты и 200 человек конницы. Хотя он был обеспечен годовым запасом продовольствия, а толстые стены крепости с девятью бастионами, окруженные рвом, надежно укрывали защитников, в русском лагере тем не менее считали, что крепость не способна долго сопротивляться: достаточно было пробить брешь, чтобы завершить дело штурмом. Бомбардировка крепости, начавшаяся 20 октября, без всякого результата продолжалась две недели — ровно столько, на сколько хватило пороха, ядер и бомб. Бомбардировка не наносила сколь-либо значительного урона осажденному гарнизону: в войсках недоставало осадной артиллерии, ядер и бомб. Ниже всякой критики находилась и боевая выучка войск: сильную крепость осаждали полки, большая часть которых не имела опыта войны. Армия, кроме того, испытывала нехватку продовольствия и фуража.

Между тем шведский король Карл XII не стал задерживаться в Копенгагене. В свои 18 лет он проявил незаурядные полководческие дарования и действовал энергично, напористо, целеустремленно. Если к этому добавить личную отвагу, то станет понятно, почему королю без особого труда удалось завоевать и себе, и своей великолепно вымуштрованной и столь же хорошо вооруженной армии репутацию сильнейших в Европе.

Шведский король вновь посадил армию на корабли и, высадясь в Лифляндии, двинулся к Нарве, где он намеревался оказать помощь осажденному гарнизону, а если подвернется удобный случай, то и дать генеральное сражение русским войскам.

Получив известие о приближении неприятеля, Петр уехал из-под Нарвы, передав командование армией только что нанятому на русскую службу герцогу фон Круи. Этот поступок царя трудно объясним, если бы историкам не были известны многочисленные случаи храбрости царя, то можно было бы заподозрить его в малодушии. Скорее всего, Петр недооценил меру опасности и трудностей, выпавших на долю его армии.

Русское командование, зная о движении шведских войск к Нарве, отправило навстречу им отряд под командованием Бориса Петровича Шереметева, поручив ему в удобном месте занять оборонительные рубежи и преградить путь неприятелю на восток. Три дня Шереметев двигался на запад, углубившись на вражеской территории на 120 верст. Здесь ему встретились два небольших

швед'ских отряда, по терминологии того времени «партии». Сначала шведы, имея дело с русским авангардом, нанесли ему урон, но затем подоспевшие главные силы окружили неприятеля и разбили его. Пленные показали, что к Нарве движется шведская армия в 30 тыс. человек. Шереметев отступил.

Между тем шведские войска 4 ноября 1700 г. двинулись из Ревеля на восток. Первым вступил в соприкосновение с неприятелем Шереметев, причем действовал он, как и во время первой встречи со шведами, не лучшим образом. Он занял удобную для обороны позицию: «оседлал» единственную дорогу, лежавшую между двумя утесами; ее никак нельзя было обойти, ибо кругом лежали болота и кустарники. Однако, вместо того чтобы разрушить два моста через речушку и изготовиться для сражения со шведскими войсками, Шереметев предпринял спешное отступление к Нарве. Прибыл он туда рано утром 18 ноября, сообщив, что по его пятам двигалась к крепости армия Карла XII. Таким образом, Карл ХП подошел к Нарве столь же неожиданно, как он появился под стенами Копенгагена.

Шведская армия сосредоточилась под Нарвой 18 ноября. Сражение произошло на следующий день и закончилось катастрофическим поражением русской армии. Этому способствовали три обстоятельства: во-первых, расположение русского лагеря было ориентировано на осаду Нарвы, поэтому войска заняли позиции тонкой линией вокруг крепости протяженностью в семь верст; во-вторых, перед началом сражения повалил сильный снег, что позволило шведам под его покровом незаметно подойти к русскому лагерю и внезапно атаковать его; третья и главная причина поражения состояла в слабой выучке русских войск, слабом их вооружении и отсутствии опытных, знающих свое дело офицеров.

Стремительная атака шведских войск, без труда прорвавших оборону, вызвала всеобщую панику. Послышались крики: «Немцы нас предали!» Шереметев с конницей во главе ринулся вплавь через Нарву, потеряв во время переправы свыше тысячи человек. Мост, по которому бежали пехотинцы, не выдержав скопления толпы, рухнул, и многие беглецы тут же утонули. Фон Круп и многочисленные офицеры-иностранцы, не желая рисковать жизнью и оказывать неприятелю сопротивление, первыми подались сдаваться в плен.

Высокую боеспособность проявили лишь три полка: два гвардейских — Преображенский и Семеновский, а также Лефортов. Сколько раз ни пытались шведы смять их ряды и вынудить к бегству, все их попытки разбивались о стойкость этих полков.

Ночью наступило затишье, а затем начались переговоры о капитуляции. Русским войскам предоставлялось право уйти из-под Нарвы со всем имуществом и оружием, за исключением артиллерии. Однако король вероломно нарушил эти условия. Как только организованно прошли через восстановленный мост гвардейские и Лефортов полки, шведы набросились на остальных солдат, отняли у них оружие и имущество. Но самая главная потеря армии под Нарвой состояла в утрате офицерского состава: король велел всех офицеров в чине капитана и выше оставить в шведском плену, еще раз проявив неверность своему слову.

Итак, начало войны, первое же столкновение с противником закончилось для русских войск сокрушительным поражением. Под Нарвой Россия потеряла убитыми, утонувшими, умершими от голода в результате плохой организации снабжения провиантом шесть тысяч человек и всю артиллерию в 135 пушек разных калибров. Армия почти полностью лишилась офицерского состава.

Нарва могла привести в уныние кого угодно, но не Петра. Другой монарх, как, например, датский король Фредерик IV, прекратил бы борьбу с более сильным противником и сдался на милость победителя. У царя неудача под Нарвой, как и ранее случившаяся неудача под Азовом во время похода 1695 г., вызвала удесятеренный прилив энергии для устранения тяжелых последствий поражения. К- Маркс по поводу неудачи под Нарвой писал: «Нарва была первым серьезным поражением поднимающейся нации, умевшей даже поражение превратить в орудие победы».

Последствия катастрофы удалось преодолеть, в частности, потому, что этому способствовали действия Карла XII. Шведский король, вместо того чтобы окончательно разгромить русскую армию и продиктовать Петру угодные себе условия мира, счел, что эта армия настолько деморализована и слаба, что Петру понадобятся многие годы для поднятия ее боеспособности. Поэтому Карл XII отправился на запад, в Польшу, громить третьего участника Северного союза — Августа II.

Поражение под Нарвой являлось данью общей отсталости России. Послушаем, как объяснял причины неудачи сам Петр: «Итако, шведы над нашим войском викторию получили, что есть безспорно; но надлежит разуметь, над каким войском оную учинили, ибо только один старый полк Лефортовский был (который перед тем назывался Шепелева); два полка гвардии только были на двух атаках у Азова, а полевых боев, а наипаче с регулярными войски, никогда не видали. Прочие ж полки, кроме некоторых полковников, как офицеры, так и рядовые, самые были

рекруты, как выше помянуто, к тому ж за поздним временем великий голод был, понеже за великими грязьми провианты привозить было невозможно, и единым словом сказать, все то дело яко младенческое играние было, а искуства ниже вида. То какое удивление такому старому, обученному и практикованному войску над такими неискусными сыскать викторию?»

«Неискусным рекрутом», по сути дела, был и Шереметев. Он успешно действовал против османов и крымцев, но не мог устоять против великолепно вымуштрованной и столь же великолепий вооруженной регулярной армии Карла XII.

У Петра, потерявшего под Нарвой почти весь офицерский корпус, выбора не было, и он вновь прибегнул к услугам Шереметева. Две недели спустя после Нарвы царь поручает ему принять командование конными полками и, с ними «итить в даль для лучшего вреда неприятелю». Тут же последовало предупреждение: «…Не чини отговорки ничем». Петр считал: войск достаточно да и реки и болота замерзли, следовательно, препятствий для марша не будет.

Справедливости ради отметим, что Шереметев, конечно же, не располагал ни силами, ни средствами, чтобы «итить в даль» и начать активные боевые действия в широких масштабах. Требовалось время для восстановления духа армии, деморализованной неудачей под стенами Нарвы. Еще больше времени надобно было для того, чтобы армия овладела современным военным искусством. Поэтому единственно возможной формой боевых операций была так называемая малая война — действия небольшими отрядами, наносившими локальные удары.

На ведение малой войны в Восточной Прибалтике молчаливо согласились обе стороны. Петру генеральное сражение не сулило никаких надежд на успех, ибо предстояло восстановить артиллерийский парк, укомплектовать нозые полки, а главное, превратить необстрелянных новобранцев, пока еще представлявших толпу вооруженных людей, в подлинных воинов. Не стремился к генеральному сражению и Карл XII. Король уверовал в крайне низкие боевые качества русской армии, выведенной из строя, как он полагал, на долгие годы. После победы под Нарвой он считал главным своим противником саксонское войско Августа II, против которого и двинул свои основные силы. В пограничных с Россией районах Прибалтики Карл XII оставил корпус полковника Шлиппенбаха, поручив ему оборону этих районов, издавна являвшихся житницей Швеции, а также овладение Гдовом, Пе-чорами и в перспективе Псковом, Новгородом. Поход на восток король откладывал до той поры,

когда он разгромит саксонскую армию и тем самым обеспечит безопасность своих тылов.

Шереметев, получив царский приказ «итить в даЛь», не спешил его выполнять. Внутренне он, надо полагать, не был готов немедленно откликнуться и на второй призыв царя, обращенный к нему 20 января 1701 г., действовать активно, «дабы, по крайней мере, должность отечества и честь чина исправити потщились».

Обращение Петра к патриотическим чувствам боярина было обусловлено тем, что после Нарвы престиж России и царя в глазах Европы пал настолько, что они стали предметом зубоскальства остряков. Петру не терпелось реабилитировать реноме своей армии. У нас нет оснований полагать, что Шереметев не разделял этого желания царя. В одном из писем Бориса Петровича, отправленном, правда, чуть раньше описываемых событий, есть слова, звучащие как клятва: «… Сколько есть во мне ума и силы, с великою охотою хочу служить; а себя я не жалел и не жалею». Однако на риск ради сиюминутного успеха он не шел.

В конце 1700 и в первой половине 1701 г. инициатива в Прибалтике принадлежала шведам. Правда, выгод из этой инициативы Шлиппенбах не извлек: он пытался овладеть Гдовом, но успеха не достиг; его отряд атаковал Печору, но был отброшен. Шведам пришлось довольствоваться опустошением окрестных деревень.

Карл XII, несомненно, ошибся в своих прогнозах относительно времени, требуемого для восстановления боевого духа русской армии и ее вооружения. Но следует ли признать ошибочным его намерение разгромить саксонского курфюрста? Сказать трудно, так как погоня за русской армией, уходившей на восток, была сопряжена с огромным риском: в тылу оставалась боеспособная саксонская армия, шведские коммуникации растянулись бы настолько, что потребовали бы огромных усилий для их обороны.

Просчет шведского короля состоял здесь в том, что он намеревался разгромить саксонские войска в одном генеральном сражении, а на поверку оказалось, что шведам пришлось куролесить по территории Польши долгих шесть лет, наносить саксонцам бесчисленное множество мелких и крупных поражений, но решающего успеха достичь так и не удалось.

В то время как Карл XII, по образному выражению Петра, «увяз в Польше», в России ценой огромного напряжения материальных ресурсов, подобно фениксу из пепла, восстанавливалась армия. Принятые для этой цели меры отличались широтой, взаимообусловленностью и охватывали

самые разнообразные сферы жизни страны: экономику, социальный строй, просвещение и культуру.

Для вооружения армии и флота требовался металл. В этой связи в короткий срок в новом металлургическом районе — на Урале создается несколько металлургических заводов. Они действовали на базе рудных месторождений высокого качества, и получаемое на заводах железо отличалось мягкостью, а чугунные пушки и ядра прочностью.

Личный состав армии и флота нуждался в единообразной экипировке и снаряжении. Его могли создать только крупные промышленные предприятия. В этой связи создаются суконные, парусно-полотняные, портупейные и прочие мануфактуры.

Стране необходимо было множество специалистов самых разнообразных профессий, но прежде всего специалистов, военного профиля: артиллерийских офицеров, навигаторов, инженеров — строителей крепостей, командиров частей и соединений, лекарей и т. д. Отчасти потребность в офицерских кадрах удовлетворяли гвардейские полки. Они являлись своеобразной(Практической школой, где гвардейцы, набиравшиеся преимущественно из дворян, проходили все ступени службы, начиная от рядового солдата, затем направлялись в полевые полки офицерами. Но Преображенский и Семеновский полки поставляли офицеров в пехоту, т. е. в род войск, не требовавших специальных познаний. Для теоретической подготовки инженеров, навигаторов нужны были особые учебные заведения. В 1701 г. Петр учредил такое учебное заведение — Навигацкую школу, где преподавались дисциплины, из которых можно было извлечь разнообразные знания, необходимые в практической деятельности: математика, геометрия, тригонометрия, навигация, астрономия. По мнению царя, «не токмо к морскому ходу нужна сия школа, но и артиллерии и инженерству».

Выпускников Навигацкой школы использовали затем в качестве преподавателей в других учебных заведениях.

Подготовка навигационных кадров — дело продолжительное. Требовалось время не только для обучения, но и овладения опытом на практической работе. Поэтому царь, хотя и знал о ненадежности иноземных специалистов, как то показали события под Нарвой, но вынужден был обнародовать манифест с приглашением офицеров-иностранцев на русскую службу. Преимущество отдавалось владевшим каким-либо славянским языком.

Постепенно шло формирование новой армии. Большая часть стрелецких полков после бунта 1698 г. были, по терминологии

того времени, «раскассованы» т. е. расформированы. Их сменили солдатские, рейтарские и драгунские полки. Они существовали и раньше и комплектовались из так называемой вольницы — добровольцев, пожелавших сменить орало на меч. Теперь на смену добровольной службе пришла обязательная — вводилась рекрутская система. Суть ее состояла в том, что правительство по мере надобности объявляло призыв в армию и на флот годных к воинской службе людей от определенного количества крестьянских и посадских дворов: 50, 100 или 200, в зависимости от потребности в рекрутах.

Служба в армии являлась пожизненной, то- есть продолжалась до тех пор, пока солдат способен был носить ружье. Больные и увечные определялись в монастыри либо возвращались, если того желали, на прежнее место жительства. Бывшие крепостные крестьяне обретали свободу.

¦Военная реформа состояла в том, что по-новому комплектовались вооруженные силы. Мало-помалу устанавливалась единая система обучения, единообразные экипировка, вооружение и порядок боевых действий. Такая армия называется регулярной. Ее создание заняло много лет.

Главной школой, где ковались победы русской армии, был театр роенных действий. Боевые операции войска начали проводить! вскоре после нарвской катастрофы.

Шереметев открыл серию побед над шведами. Действовал он осмотрительно, проявлял максимум осторожности й осмеливался вступать в сражения только тогда, когда имел двукратное и трехкратное превосходство над противником. Но в первые месяцы войнь^ важны были любые победы и при любом соотношении сил в! пользу русских войск. Нужны они были прежде всего русской армии, чтобы поднять ее моральный дух и снять оцепенение после Нарвы. Необходимы они были и для того, чтобы поднять военную репутацию России в Западной Европе.

Шведская пропаганда умело использовала свой военный успех под Нарвой: известие о нем стало достоянием всей Европы и имело огромный резонанс. В насмешку над русским царем шведы выбили медаль: на одной стороне ее был изображен Петр у пушек, обстреливавших Нарву, и надпись: «Бе же Петр стоя и греяся». На другой — бегство русских от Нарвы с Петром во главе: шапка валится с головы царя, шпага брошена, царь утирает слезы платком. Надпись гласила: «Изшед вон, плакася горько».

Первая значительная победа была одержана в самом начале 1702 г. Во главе 17-тысячного корпуса Шереметев напал на шведского генерала Шлиппенбаха и наголову разбил его семитысячный отряд у деревни Эрестфер, неподалеку от Дерпта.

Здесь полегла половина неприятельского отряда. «Мы можем, наконец, бить шведов!» — воскликнул Петр, получив донесение Шереме-тева. Победителей царь щедро наградил — от солдата до командующего. К Шереметеву Петр отправил Меншикова с орденом Андрея Первозванного и извещением, что ему присвоено звание фельдмаршала.

Россия в то время не располагала необходимыми ресурсами для ведения непрерывных наступательных операций. Царь, как и его фельдмаршал, понимал, что русские войска до сих пор имели дело не со всей шведской армией, самая боеспособная ее часть находилась под командованием короля в Польше, а всего лишь с корпусом Шлиппенбаха. У северных союзников не было уверенности, что Карл XII станет последовательно осуществлять раз выбранный план борьбы с ними и не прибудет с главными силами к Пскову или Новогороду, вместо погони за войсками Августа II, столь же неожиданно, как он оказался под стенами Нарвы.

Именно поэтому русскому командованию до тех пор, пока шведский король основательно не «увязнет» в Польше, надобно было не только держать в кулаке свои силы, но и не изнурять войска и в то же время обучать их военному ремеслу.

Конечно, затмить нарвскую неудачу, вытравить ее из памяти эрестферская победа не могла — слишком неравноценны были последствия той и другой. Значение успеха состояло в том, что он положил начало победам русского оружия.

Летом 1702 г. русские овладели двумя крепостями: одной у мызы Менза и Мариенбургом. Одному из мариенбургских трофеев волей случая суждено было войти в историю. Речь идет о пленнице, позже ставшей супругой царя, а затем императрицей Екатериной I. О ее происхождении ходили различные слухи. Согласно одному из них мать ее была крестьянкой и рано умерла. Марту взял на воспитание пастор Глюк. Накануне прихода русских под Мариенбург она была обвенчана с драгуном, которого во время брачного пира срочно вызвали в Ригу. По другой версии пленница была дочерью лифляндского дворянина и его крепостной служанки. Третьи считали ее уроженкой Швеции и т. д.

Достоверным является лишь факт, что девочка, рано лишившись родителей, воспитывалась в семье пастора Глюка, где она выполняла обязанности служанки. С семьей пастора она попала в плен и обратила на себя внимание царя. В 1712 г. Петр заключил с ней церковный брак.

С осени 1702 по весну 1703 г. русские вбйска были заняты изгнанием шведов с берегов Невы. Формально командовал

войсками Шереметев, фактически — Петр, принимавший непосредственное участие в кампании.

Военные действия начались с осады Нотебурга.

Для овладения крепостью Петр сосредоточил 14 полков. После трехдневной канонады супруга коменданта крепости от имени всех офицерских жен отправила в лагерь русских барабанщика с письмом. Оно попало в руки бомбардирского капитана Петра Михайлова, и тот отправил шутливый ответ.

Жены жаловались на неудобства, испытываемые ими от осады крепости, и просили, чтобы они были выпушены из нее, ибо более не могут переносить дыма и огня. Петр Михайлов галантно ответил гарнизонным дамам, что он не осмеливается передать их просьбу фельдмаршалу, «понеже ведает подлинно, что господин его фельдмаршал тем разлучением их опечалить не изволит, а естьли изволят выехать, изволили бы и любезных супружников своих с собой вывесть купно».

Офицерские жены, однако, не вняли совету бомбардирского капитана, и непрерывная бомбардировка крепости продолжалась около двух недель. Затем горнисты протрубили атаку, и начался 12-часовой штурм, кровопролитный и трудный. Подвиг русских солдат вызвал удивление иностранного наблюдателя: «Поистине удивительно, как русские, могли взобраться на такую крепость и взяли ее с помощью одних осадных лестниц».

Петру этот успех доставил нескрываемую радость, и он, используя созвучие слов «орех» и «Орешек» (так назывался Нотебург, когда он находился в руках русских), каламбурил: «Правда, что зело жесток сей орех был, однако, слава богу, счастливо разгрызен». Орешек — Нотебург царь переименовал в Шлиссельбург (ключ-город), подчеркивая этим названием ключевое положение города на Неве, открывавшего путь к овладению течением всей реки.

На кампанию 1703 г. русское командование наметило овладеть крепостью у впадения Невы в Финский залив — Ниеншан-цем. Эта крепость была слабее Нотебурга, ее гарнизон, не ожидая штурма, капитулировал 1 мая. На следующий день об этом событии Петр донес «князю-кесарю» Ромодановскому: «Известую вашему величеству, что вчерашнего дня крепость Ниеншан-ская по 10 часной стрельбе из мартиров (также из пушек только 10-ю стреляно) на акорт здалась». В этом же письме царь распорядился, чтобы «сие торжество отправить хорошенько, и чтоб после соборного молебна из пушек, что на площади, было по обычаю стреляно».

У Ниеншанца произошло событие, память о котором Петр сохранил на всю жизнь. Шведский адмирал Нумере, не зная о

том, что Ниеншанцем уже овладели русские, отправил 5 мая два корабля своей эскадры в устье Невы. Петр решил атаковать корабли. Ранним утром 7 мая под покровом тумана от берега отчалили 30 лодок с солдатами. Половиной из них командовал Петр, другой — Меншиков. Оба отряда лодок подкрались к шведским кораблям и одновременно взяли их на абордаж. Быстротечная схватка закончилась овладением кораблями и почти полным истреблением экипажей, поскольку они «пардон зело поздно закричали».

Атака кораблей примитивными лодками, экипажи которых располагали лишь ружьями и гранатами, была крайне рискованной. Надо било обладать огромной отвагой, чтобы решиться на это предприятие. Петр рисковать не любил, предпочитал действовать наверняка, и благополучно окончившаяся операция, кажется, была единственной, где царь отступил от своего праг вила.

Успех большого значения не имел, во всяком случае, по своим результатам он был менее важным, чем овладение Ниеншанцем. Тем не менее восторгу царя не было конца. Объяснялось это тем, что виктория была одержана на воде и при неравенстве сил. Она положила начало славным победам русского флота. В честь этого события была выбита медаль с лаконичной и выразительной надписью: «Небываемое бывает». Двумя словами выражена и суть события и дана ему оценка: не бывало, чтобы лодки напали на корабли, вооруженные пушками; не бывало, чтобы атака лодок завершилась столь успешно.

За эту операцию два ее руководителя — Петр и Меншиков — были удостоены орденов Андрея Первозванного.

Отпраздновав победу, Петр 16 мая 1703 г. на одном из островов заложил крепость, назвав ее Санкт-Петербургом. Так возникла будущая столица империи — город Петербург. Тогда же рядом с крепостью было возведено первое здание гражданского назначения — деревянный домик для царя, сохранившийся до настоящего времени.

Суровый климат и своенравная Нева дали о себе знать в первые же месяцы строительства города. «Городовое дело управляется, — доносил Петру 6 июля 1703 г. Меншиков, назначенный петербургским губернатором. — Только то бедно, что здесь солнце зело высоко ходит».

Месяц спустя Петру писал Репнин: «Зело, государь, у нас жестокая погода с моря, и набивает в нашем месте, где я стою с полками, воды до самого моего станишку, а ночесь в Преображенском полку в полночь и у харчевников многих сонных людей и рухлядь их помочило. А жители здешние сказывают, что

в нынешнем времени всегда то место заливает».

Самому Петру довелось быть свидетелем более суровых капризов Невы. 11 сентября 1706 г. царь сделал зарисовку с натуры: «У меня в хоромах была сверху полу 24 дюйм, а по городу и на другой стороне по улице свободно ездили на лотках; однакоже (вода. — Н. П.) недолго держалась, меньше 3-х часов. И зело было утешно смотреть, что люди по кровлям и по деревьям будто во время потопа сидели, не точию мужики, но и бабы».

Все эти невзгоды и неудобства не смутили Петра, в новый город он был влюблен, и, хотя в нем не было ни одного кирпичного здания, а стояли лишь неказистые мазанки, он называл его «Парадизом», т. е. раем. В письмах царя то и дело встречаются такие фразы: «Не могу не писать вам из здешнего Парадиза» или: «Истинно, что в раю здесь живем».

Основание Петербурга обеспечивало выход к морю. Казалось, что цель, ради которой началась война, была достигнута и наступил час для мирных переговоров. Но Карл XII, гоняясь за войсками Августа II, и слышать не хотел о мире. Поэтому надобно было продолжать войну и проявлять заботу о защите возвращенных земель от сильного и коварного неприятеля, не раз пытавшегося морем и сушей добраться до устья Невы.

Для обеспечения безопасности Петербурга Петр создает на острове Котлин, что в 30 верстах от города, крепость, позже получившую название Кронштадта. 3 мая 1704 г. царь подписал коменданту крепости на искусственном острове (Кроншлот) инструкцию, в которой есть такие слова: «Содержать сию ситадель с божиею помощью, аще случится, хотя до последнего человека». Царь часто навещал остров, наблюдая и проверяя ход строительства укреплений. Когда дело подходило к концу, он сказал:

«Теперь Кронштадт в такое приведен состояние, что неприятель в море близко появиться не смеет. Инако разобьем корабли в щепы. В Петербурге спать будем спокойно».

Другим средством обеспечения безопасности города было создание флота. К его строительству Петр приступил тотчас после того, как он зацепился за берега Невы. Уже в 1703 г. на Олонецкой верфи состоялась закладка 43 кораблей разных типов, а сам царь, руководивший строительством, вернулся в Петербург на фрегате с символическим названием «Штандарт».

Одновременно была заложена верфь в самом Петербурге. Знаменитая Адмиралтейская верфь приступила к сооружению кораблей в 1705 г. Так создавалось любимое детище Петра и было положено начало морскому могуществу нашей Родины — Балтийский военно-морской флот.

Когда Карлу XII донесли, что русские овладели Ниеншанцем и царь создает там новый город, он высокомерно заявил: «Пусть царь трудится над закладкой новых городов, мы хотим лишь оставить за собой честь впоследствии забрать их».

Царь, однако, не собирался одаривать короля новым городом, и коль война продолжалась, то принимал меры к расширению своих балтийских приобретений. Здесь ему опять сопутствовал успех — в 1704 г. русские войска овладели двумя мощными крепостями: Дерптом и Нарвой.

Вспомним события начала войны. Тогда Россия не располагала военными ресурсами для успешной осады одной Нарвы. За четыре года армия в своем совершенствовании достигла таких рубежей, что оказалась в состоянии вести одновременную осаду двух крепостей. Правда, все еще недоставало осадной артиллерии большого калибра, но операции были спланированы так, что сначала должен был пасть Дерпт, с тем чтобы освободившиеся там пушки можно было использовать при осаде Нарвы.

Передовые отряды подошли к Дерпту в ночь с 3 на 4 июня. «Город велик, и строение полатное великое, ратуша вся крыта жестью», — делился Шереметев с одним из своих корреспондентов визуальными наблюдениями о крепости. Действительно, крепостные стены имели шесть бастионов и 132 пушки разных калибров. Число защитников крепости вместе с жителями города, которым было выдано оружие, достигало 5 тыс. человек.

Осадные работы велись под непрерывным огнем крепостной артиллерии. «Как я взрос, такой пушечной стрельбы не слыхал», — писал Шереметев. Впрочем, артиллерийская дуэль не наносила существенного урона ни осажденным, ни осаждавшим, хотя, как доносил Шереметев, «пушки их больше наших», да и по количеству крепостная артиллерия в 2,5 раза превосходила русскую.

Комендант крепости полковник Шютте — по отзыву шведских офицеров «великой фурьян и безпрестанно шумен и буен» — решил помешать осадным работам удачной вылазкой. 27 июня неприятельские пехотинцы и драгуны напали на осаждавших и достигли временного успеха, но оправившиеся от Внезапности удара русские войска отбили нападение. Неприятель не выполнил главной своей задачи — не сумел засыпать апроши землей.

Осадой Дерпта руководил фельдмаршал Шереметев, а Нарвы — Петр. Фельдмаршал долгое время действовал впустую, и нетерпеливый царь отправился из-под Нарвы к Дерпту, чтобы на месте выяснить причины неудач и выправить положение.

Оказалось, что Шереметев расположил батареи не против самых слабых стен крепости, которые, как выразился Петр, ожидали указа, чтобы упасть, а против самых мощных укреплений. Зато русские батареи в тщетных попытках проделать в стене бреши были установлены на сухих, возвышенных местах, в то время как обстрел менее мощной стены надо было вести из пушек, которые надлежало расположить в болоте.

Петр тут же велел изменить расположение батарей. 12 июля начался, по образному выражению царя, «огненный пир», продолжавшийся с вечера до утра следующего дня. Один за другим четыре шведских барабанщика подавали сигналы о капитуляции, но все они погибли, так как в грохоте сражения ничего не было слышно. Гарнизон капитулировал, и Петр отправился к Нарве, велев туда же двигаться войскам Шереметева.

Комендантом Нарвы был тот самый Горн, который командовал гарнизоном крепости во время осады в 1700 г. Горн полагал, что под стенами Нарвы стояла такая же слабо обученная и плохо вооруженная армия, какой она была четыре года назад, и поэтому на предложение капитулировать издевательски напомнил о горькой участи, постигшей осаждавших в 1700 г. Надменный отказ Горна царь велел зачитать перед войсками.

Во время осады Петр по совету Меншикова пошел на военную хитрость. В лагере русских войск стало известно, что Горн ждал прихода подкреплений. На виду у осажденных было разыграно «сражение» между будто бы спешившим им на помощь «шведским» отрядом и русскими войсками. Двумя полками солдат, облаченными в такие же синие мундиры, что и шведские войска, командовал Петр. Полками в русских зеленых мундирах командовал Меншиков. Инсценировка сражения удалась вполне, шведы поверили, что к ним подоспела помощь, и комендант Горн велел открыть ворота, чтобы ударить по русским войскам с тыла. Выманенные из крепости шведы понесли значительные потери.

Штурм крепости продолжался всего три четверти часа и завершился полной победой русских войск. Используя созвучие слов «Нарва» и «нарыв», Петр вновь каламбурил. Он извещал своих приятелей в Москве: «Инова не могу писать, только что Нарву, которая 4 года нарывала, ныне, слава богу, прорвало, о чем пространнее скажу сам».

14 декабря в Москве состоялась церемония в честь победителей. Впереди ехали герои штурмов. Колонну пленных возглавлял генерал-майор Горн, за ним—159 офицеров- Далее следовало 80 пушек. «Народ смотрел с изумлением и любопытством, на пленных шведов, на их оружие, влекомое с

презрением, на торжествующих своих соотечественников и начал мириться с нововведениями». Эти слова принадлежат Пушкину.

Однако народ смирился не со всеми нововведениями. Он протестовал против новых поборов, новых повинностей и новых обременительных налогов.

Всякое продвижение вперед в классовом обществе достигается за счет трудового населения. Продвижение вперед в годы преобразований осуществлялось одновременно с ведением напряженной войны. Это означало, что ко всем тяготам, обеспечивавшим прогресс, прибавлялись еще и тяготы войны.

Театр военных действий поглощал множество денег. Вопрос о том, откуда и как их извлечь, стал волновать правительство в самом начале войны.

Андрей Нартов, знаменитый царский токарь и изобретатель токарных станков, записал рассказ о том, как были добыты деньги. Царь размышлял об этом в одиночестве целые сутки. Вошедшему Ромодановскому царь объяснил причину своей озабоченности: казна пуста, войско ничем не обеспечено, нет артиллерии, а все это крайне необходимо именно сейчас. Выход один: «убавить в монастырях сокровища в золоте и серебре и натис-нуть из него деньги». «Сие дело щекотно, должно придумать иное», — возразил Ромодановский и отвел царя в Кремль, где находилась тайная кладовая. Когда вошли в нее, то «к несказанному удивлению увидел его царское величество груды серебряной и позолоченной посуды и збруи, мелких серебреных денег и голландских ефимков». Ромодановский поведал царю тайну происхождения сокровищ. Их, оказывается, предусмотрительно за-\готовил отец Петра, царь Алексей Михайлович, на тот случай, когда «воспоследует в деньгах крайняя нужда».

Скорее это легенда, чем быль, тем более что по другой версии в роли доброй феи выступил не князь-кесарь Ромодановский, а Прозоровский. Доподлинно известно, что Петр преодолел финансовые затруднения очень простым и в то же время малонадежным способом — повысил производительность монетного двора, где день и ночь чеканили деньги с уменьшенным количеством серебра. До 1700 г. обесцененных денег выпускалось от 200 до 500 тысяч рублей в год; в 1700 г. в оборот было выброшено около 2 миллионов рублей, а в 1702 г. — свыше 4,5 млн. рублей. Царская казна из этой операции извлекла кратковременный доход и возможность заполнить пустоты в бюджете. Но денежная реформа сопровождалась инфляцией, жертвами которой стали прежде всего те слои населения, которые кормились денежным жалованьем.

Одновременно использовались и другие источники пополнения казны. Одним из них являлись услуги прибыльщиков.

В январе 1699 г. в Ямском приказе был обнаружен кем-то подброшенный запечатанный пакет с надписью: «Поднесть благочестивому государю, царю Петру Алексеевичу, не распечатав». Автором письма, как выяснилось позже, был дворецкий Шереметева Алексей Курбатов, сопровождавший барина в заграничном путешествии. Наблюдательный Курбатов заметил, что за границей частные, лица подавали в правительственные учреждения жалобы, прошения и прочие документы не на простой, а на гербовой бумаге, стоившей во много крат дороже, чем бумага обыкновенная. Курбатов предлагал ввести продажу гербовой, или, как она называлась, орленой (герб России — двуглавый орел), бумаги и в России.

Петр обласкал первого прибыльщика, назначил дьяком Оружейного приказа, наградил деревнями. Так началась блестящая карьера Курбатова, будущего президента Ратуши, а затем архан-гелогородского вице-губернатора. Но какую бы должность Курбатов ни занимал, службу прибыльщика он не оставил. «Повели мне, — обращался он к царю, — где мочно учинить какие в ко- тором приказе прибыли или какие в делах поползновения судьем, наедине доносить безболезненно, в чем усердие мое обещаюся являти тебе, государю, яко самому богу».

Примеру Курбатова следовали многие другие изобретатели налогов. Им было велено, как засвидетельствовал современник, «сидеть и чинить государю прибыль».

Старания прибыльщиков все же не обеспечили значительных денежных поступлений. Правительство вводит бесконечное количество налогов специального назначения. Их было так много и они так часто менялись, что историки не знают их точного числа. Налоги взимали на приобретение седел и лошадей, приобретение амуниции и строительство кораблей, на наем подвод и покупку провианта, на сухари и муку, на приобретение ремней и мундиров и т. д. и т. п. В общей сложности бремя налогов увеличилось в несколько раз. Но тяготы трудового населения этим не ограничились.

Жители городов и сел должны были выполнять так называемую постойную повинность, т. е. предоставлять ночлег командам, направлявшимся к театру военных действий. На практике воинские команды за кратковременное пребывание в населенном пункте опустошали его настолько, что оставляли крестьян и горожан без птицы, мелкого скота и муки.

Рядом с постойной стояла подводная повинность — обязанность населения предоставлять транспортные средства для

перевозки продовольствия, снаряжения, оружия, фуража. В тех случаях, когда театр военных действий требовал срочного восполнения потерь в живой силе, на подводах доставляли и рекрутов. Нередко подводы велели поставлять в страдную пору, когда земледельцу дорог каждый час, и тогда крестьянин нес большие потери при сборе и без того скудного урожая.

С войной и строительством регулярной армии и флота была связана рекрутская повинность. Она отрывала от семьи самых физически здоровых работников.

Наконец, в годы преобразований население остро ощущало бремя трудовой повинности. Правительство периодически привлекало крестьян и посадских на всякого рода строительные работы. После присоединения к России Азова было начато сооружение морской гавани на Азовском море — Таганрога. На верфи в Воронеже работали плотники и кузнецы, привлеченные со всех уездов России на сооружение флота. На строительстве Петербурга были заняты тоже крестьяне и горожане, мобилизованные в разных концах страны.

Подводя итоги тяготам трудового населения, следует отметить, что они увеличились отчасти за счет введения новых повинностей (рекрутчина, городовое и корабельное строительство, экстренные налоги), отчасти за счет более интенсивной эксплуатации традиционных повинностей, с которыми была знакома и практика XVII в.

В такой обстановке достаточно было возникнуть искре, чтобы загорелось пламя. Оно и вспыхнуло на одной из окраин государства, где, как правило, ко всем тяготам добавлялся еще произвол местных властей.

Астрахань являлась крупным торгово-промышленным центром России. Ее значение определялось прежде всего тем, что через нее велась торговля с Востоком: Средней Азией, Индией, Закавказьем, Ираном. Отсюда — пестрый национальный состав города. В нем можно было встретить, помимо русских, также индийских, хивинских, бухарских, иранских купцов. Своими размерами выделялась колония армянских торговцев. Вторую группу населения составляли горожане и пришлый люд, особенно многочисленный в теплое время года, когда производилась добыча соли на озерах Эльтон и Баскунчак и доставка ее в центральные районы страны. В эти месяцы население города пополнялось бурлаками и работными людьми, занятыми на соляных и рыбных промыслах. Особое место среди жителей Астрахани занимал гарнизон. Он состоял из 3650 стрельцов и солдат. Среди стрельцов было немало тех, кто участвовал в стрелецких бунтах в Москве и затем сосланных в окраинные

города.

Колоритной фигурой Астрахани являлся воевода Тимофей Ржевский — человек, отличавшийся невероятной алчностью и жестокостью. Всюду, где можно было поживиться, он использовал свою власть. Он, например, сдал на откуп торговлю хлебом и сам же вступил в долю с откупщиками. В итоге произошло резкое повышение цен на хлеб, что вызвало недовольство тех, кто жил на жалованье: работных людей и стрельцов.

Стрельцам, кроме того, в 1705 г. уменьшили на 40 процентов жалованье, выдаваемое хлебом, но зато увеличили норму поставки дров на селитренные заводы. В полках царил произвол стрелецких полковников и командиров, должности которых занимали иноземцы.

Произвол воеводы испытывали также купцы и рядовые горожане. Все виды городской торговли, в том числе и мелочная, подлежали обложению. Нередко сумма сборов превышала стоимость продаваемых товаров. С прибывавших в город судов взыскивали привальные и отвальные, с горожан взимали налог на погреба, печи, бани, варку пива. Некоторые налоги воевода взимал в свою пользу.

Раздражение городского населения усиливали указы о брадобритии и ношении одежды иноземного покроя, тем более что они исполнялись грубыми методами:.бородачей, случалось, лишали бород прямо на улице, прихватывая при этом кожу, тут же на улице укорачивали платье.

Внес свою лепту в настроение горожан и слух о том, что будто бы всех невест будут выдавать замуж за иноземцев. Слух оказался ложным, но он вызвал переполох в семьях с девушками на выданье, и там в пожарном порядке устраивались свадьбы: за короткий срок состоялось сто свадеб.

Восстание началось в ночь на 30 июля 1705 г., когда на площадь по зову набата сбежались стрельцы, солдаты и горожане, перебившие 300 иноземцев и начальных людей. Долго разыскивали ненавистного воеводу Ржевского, наконец на следующий день обнаружили его в курятнике, тут же выволокли и казнили.

В тот же день на кругу восставшие для управления городом избрали совет старшин. В него вошли богатый ярославский купец и владелец рыбных промыслов в Астрахани Яков Носов, земский бурмистр Гаврила Ганчиков и стрелец Иван Шелудяк. Круг отменил введенные при Ржевском налоги, из конфискованной казны выдал стрельцам жалованье и принял меры к расширению района восстания. К восставшим вскоре примкнули Красный Яр, Черный Яр, Гурьев и Терки.

Попытки восставших поднять на борьбу донских казаков и жителей Царицына закончились неудачей. Более того, войсковой круг в Черкасске в помощь правительственным войскам выслал двухтысячный отряд казаков. Не встретили поддержки призывы астраханцев и у населения Царицына. Объяснялось это узостью социальных требований астраханцев, локальными лозунгами движения, не вызывавшими отклика у населения других городов. В самом деле, призывы постоять за длиннополое платье, за крест и бороду не относились к числу животрепещущих, способных побудить на выступление, скажем, царицынцев, кстати не испытывавших бесчинств, творимых в Астрахани Ржевским.

Известие о восстании в Астрахани вызвало переполох в ставке царя. Царь и не скрывал своей тревоги прежде всего потому, что подавление восстания должно было отвлечь силы с театра военных действий. У Петра даже мелькнула мысль, не спровоцировали ли астраханцев на выступление шведские агенты. Во всяком случае, царь распорядился строго проверять почту, чтобы известие о восстании не докатилось до Архангельска, а оттуда через иностранных купцов — до шведского короля, который мог бы предпринять наступательные операции.

На подавление восстания во главе пеших и конных батальонов был направлен фельдмаршал Шереметев. Это тоже свидетельство того, сколь важными царю представлялись астраханские события, ибо карательные отряды возглавил самый опытный военачальник и единственный в стране фельдмаршал.

Приходится согласиться с выбором царя. В его распоряжении действительно не было лучшей кандидатуры для руководителя карательной экспедиции, чем Шереметев. Для этой роли не подходили ни Меншиков, ни Головин, ни Апраксин, ни тем более Ромодановский. Все они являлись друзьями царя и людьми, непосредственно причастными ко всем новшествам, вводимым в стране. Сами восставшие считали виновниками нововведений жителей Немецкой слободы и Меншикова: «Все те ереси от еретика Александра Меншикова». Поскольку астраханцы выступали за бороду и длиннополое платье, назначение карателем, скажем, Ромодановского не только бы лишило царя надежд на мирное урегулирование конфликта, но и подлило бы масла в огонь.

В этом плане Шереметев, всецело занятый борьбой с внешними врагами и стоявший как бы в стороне от преобразовательных начинаний Петра по гражданской линии, был самой подходящей фигурой. Но Борис Петрович обладал еще рядом преимуществ, ставивших его вне конкуренции при назначении на этот пост. К ним прежде всего относится

репутация Шереметева среди населения как полководца, научившегося побеждать шведов. Имело значение и то, что руки фельдмаршала не были обагрены кровью казненных стрельцов: в казнях он не участвовал.

Особой популярностью Шереметев пользовался у дворян: чин боярина и принадлежность к древнему аристократическому роду способствовали консолидации вокруг него дворянства.

Похеже, Петр, отправляя Шереметева против астраханцев, руководствовался еще одним соображением: он собирался разделить командование русской армией между новым фельдмаршалом Г. Б. Огильви и Б. П. Шереметевым, не раня самолюбия последнего. Совершенно очевидно, что Петр, принимая это решение, предпочел опыт, знания и таланты иноземца опыту, знаниям и талантам отечественного полководца.

Семь месяцев, пока правительственные войска двигались к мятежному городу, власть в Астрахани находилась в руках выборных органов восставших. Им удалось организовать нормальную жизнь города: работали торговые бани, рыбные промыслы, действовали таможни и питейные дворы. Из получаемых доходов стрельцам и солдатам платили жалованье.

Но ряды восставших разобщали внутренние противоречия, то исподволь накапливавшиеся, то прорывавшиеся наружу. Их возникновение было обусловлено пестрым социальным и национальным составом астраханцев.

Купеческая верхушка и часть стрелецких полковников, примкнувшие к ввсстанию, равно как и духовенство, искали путей примирения с правительством. Они даже отправляли в Москву делегацию с повинной. Из Москвы делегация отбыла на театр военных действий, где вела переговоры с царем. Стрельцы, солдаты и работные люди высказались за вооруженное сопротивление правительственным войскам. Раскол среди повстанцев облегчал правительству подавление движения.

12 марта 1706 г. войска Шереметева подошли к Астрахани и изготовились к штурму, состоявшемуся на следующий день. Астраханцы встретили штурмовавших огнем из пушек, но силы были неравны, и восставшие, сначала укрывавшиеся в кремле, после того, как там начался пожар, вызванный обстрелом, сдались. Петр, получив известие об этом, настолько ему обрадовался, что велел отметить его салютом, т. е. так же, как отмечались победы над неприятелем.

Вслед за падением Астрахани правительственные войска заняли без сопротивления Красный Яр и Гурьев. Еще раньше сдался Черный Яр, население которого в знак покорности встретило войска с топором и плахой.

Опасаясь, что крутые меры вызовут новую вспышку недовольства, царь не спешил с расправой. По его предписанию Шереметев исподволь" арестовывал руководителей движения, тайно собирал сведения как о них, так и о наиболее активных участниках восстания. Сначала им объявили, что их отправят на театр военных действий, а затем, после того как отъехали от Астрахани, повезли их в Москву, где передали в руки заплечных дел мастеру, жестокому князю-кесарю Ромодановскому.

В застенках Преображенского приказа производились пытки. Многие из пытаемых, в том числе и Яков Носов, не выдержав истязаний, умерли, а около 300 погибло на эшафоте и виселицах.

Состав лиц, привлеченных к следствию и суду, свидетельствует, что движущей силой Астраханского восстания являлись стрельцы: из 504 человек 427 были стрельцами и солдатами, посадских людей насчитывалось всего 18 человек, а работных—45. Приведенные данные позволяют сделать вывод, что Астраханское восстание было четвертым выступлением стрелецкого войска. Восстание было подавленоЛ но оно все же оказало, правда кратковременное, влияние на внутреннюю политику правитель-; ства: в некоторых уездах, примыкавших к району восстания, царь велел прекратить сбор недоимок и отменить некоторые поборы; был также издан указ, временно приостановивший за-: прещение носить русское платье и бороду.

В месяцы, когда внимание Петра было приковано к Астрахани, на театре военных действий наблюдалось относительное затишье. Оно, однако, не означало, что события, там происходившие, сопровождались безмятежным спокойствием и не вызывали тревоги и напряженного ожидания побед и поражений.

Неприятные известия перемежались с известиями, доставившими удовлетворение. К числу первых относились сведения, поступавшие из Польши, где войска Августа II терпели одно поражение за другим. Позиции польского короля настолько ослабели, что Карлу XII ничего не стоило в июле 1704 г. созвать в ' Варшаве сейм, который лишил Августа короны и передал ее Станиславу Лещинскому. Это был карманный король Карла XII, во всем ему послушный, ибо великолепно знал, что именно ему был обязан троном. О лучшем короле, чем эта безвольная марио-§. нетка, впрочем достаточно образованная и знавшая светское t обхождение, Карл XII не мог и мечтать.

Август II не смирился с потерей трона. У него в Польше было; немало сторонников, готовых поддержать его в борьбе за корону. Впрочем, сил Августа было явно недостаточно, чтобы одолеть Станислава Лещинского, опиравшегося на шведские

штыки. Отсюда заинтересованность Августа II в союзе с Россией.

Другая новость, не доставившая радости, пришла от Шереметева. Его войска при Мурмызе понесли потери во встрече со Шведскими войсками генерала Левенгаупта. Поражение не было обескураживающим, оно носило тактический характер. Петр в утешение фельдмаршалу отправил письмо со знаменитыми словами: «Не извольте о бывшем нещастии печальным быть (понеже всегдашняя удача много людей ввела в пагубу), но забывать и паче людей обадривать».

Неприятные воспоминания о Мурмызе вскоре были оттеснены на второй план куда более важным успехом — русские войска под командованием Петра 4 сентября 1705 г. овладели Митавой, где достались богатые трофеи — около 200 пушек.

Главная беда, которая могла перерасти в катастрофу, подстерегала русскую армию в Гродно. Дело в том, что в этой крепости разместились на зиму 1705/06 г. самые боеспособные полки численностью в 40 тысяч человек.

В январе 1706 г. были получены известия, что к Гродно движется шведская армия во главе с самим королем. Гродненскому гарнизону грозила блокада и верная гибель от голода, если он своевременно не уйдет из крепости. Помощи ждать было неоткуда, ибо в феврале саксонские войска понесли сокрушительное поражение у Фрауштадта.

Случилось, однако, так, что шведы не рискнули предпринять в зимнюю стужу осаду Гродно. Карл XII сам совершил рекогносцировку крепости и, убедившись в том, что овладеть ею с налета невозможно, отвел войско на 70 верст в сторону. В ожидании лета король решил тревожить гарнизон молниеносными наскоками, а главное, лишать русские войска возможности пополнять свои запасы продовольствия и фуража.

В этих условиях главная задача русского командования состояла в том, чтобы вывести войска из мышеловки, избежать осады и уклониться от генерального сражения, которого так жаждал шведский король.

Эту задачу, четко определенную царем, не понимал или делал вид, что не понимает, барон Огильви, недавно нанятый на русскую службу и вместо отправленного в Астрахань Шереметева занявший пост главнокомандующего. Огильви настаивал на необходимости ожидать лета, и тогда он совместно с саксонским войском Августа II разгромит Карла XII. Петр, стремившийся в Гродно, но не имевший возможности туда попасть вследствие того, что шведы перекрыли все пути, должен был руководить операциями издали, пользуясь курьерами. «Что же до лета хочете быть, и о сем не только то чинить, но ниже думать», — возбранял

царь Огильви.

Не надеясь на точное выполнение бароном своих распоряжений, царь обращался через его голову к подчиненным ему генералам. Петр разработал план выхода из Гродно: «Выступать из Гродно надлежит зело тайно таким образом: прежде всего поставить караул такой крепкий, чтоб из жителей никто не мог не только выйти, даже выползти; в то время собраться как возможно скоро тайно». С собою надлежало взять только полевые пушки, а тяжелую артиллерию утопить в Немане. Главная цель маневра — сохранить солдат. Царь писал Репнину: «Хотя б нужное что и во артиллерии какое было, не жалей ничего; что возможно береги людей».

Вечером 24 марта 1706 г. русские войска вышли из крепости, переправились на противоположный берег Немана и, останавливаясь лишь для ночлега, через 12 дней достигли Бреста. Здесь армия получила дневной отдых.

План удался на славу благодаря тому, что был сохранен в тайне от противника. Время выхода из крепости было выбрано тоже удачно: начался ледоход, и Карл, узнав об оставлении крепости русскими войсками, ровно неделю не мог устроить переправы.

Время было упущено, тем не менее король ринулся в погоню, но настичь русских так и не сумел. Они двигались к Киеву. Петр, находясь в Петербурге, получив известие о благополучном выходе армии из окружения, писал, что он воспринял «с неожиданною радостию, а до того хоть и в раю (в Петербурге. — Н. П.) жили, однакож на сердце всегда скребло».

К армии в Киев прибыл и царь. Здесь в ожидании подхода неприятельских войск стали строить оборонительные сооружения. Карл, однако, отложил поход на Россию. В июле 1706 г. он повел свою армию на запад, в Саксонию, чтобы окончательно сломить сопротивление Августа II. Этого он достиг осенью 1706 г., когда саксонские министры по указанию Августа II втайне от Петра заключили со шведами Альтранштедтский мирный договор.

Шведы продиктовали условия мира: Август отказывался от польской короны в пользу Станислава Лещинского, разрывал союзные отношения с Россией, обязывался содержать всю зиму шведские войска. Договор зарегистрировал еще одно предательство Августа: он обязался выдать шведам не только находившихся в плену их соотечественников, но и вспомогательное войско русских при саксонской армии.

Сам ход переговоров саксонцев со шведами и события, развернувшиеся на театре военных действий, а также поведение

Августа II создали такой интригующий сюжет, что если бы поступки действующих лиц не были подтверждены источниками, то можно было бы подумать, что они заимствованы из какого-либо детективного романа.

В дни, когда саксонские министры в деревеньке Альтранштедт, что близ Лейпцига, сидели со шведами за столом переговоров, Август II вместе с армией находился в Польше, где пребывали и русские войска под командованием Александра Даниловича Меншикова.

Саксонский курфюрст делал вид, что он верен союзу с Россией. Более того, он, буквально рыдая, клянчил деньги у Меншикова. 26 сентября 1706 г. князь доносил царю: «Королевское величество зело скучает о деньгах и со слезами на глазах на одине у меня просил, понеже так обнищал что есть нечего». Петр знал, что Август II— транжира и тратил деньги на удовольствия, но, ничего не подозревая о его измене, отвечал Меншикову: «Сам можешь знать, каковы деньги, и как их у нас мало; однакож, ежели при таком злом случае король сохранит постоянство, то, чаю, надлежит его во оных крепко обнадежить».

Август «постоянства» не сохранил, но 10 тысяч ефимков от Меншикова, тоже не подозревавшего об измене, получил.

При службе двум господам — Петру и Карлу — Август II так запутался, что, прояви Меншиков больше проницательности, саксонскому курфюрсту не миновать бы русского плена. Но Август продолжал рискованную игру и довел ее до благополучного конца.

Август вместе с саксонскими войсками находился в ставке Меншикова под Калишем. Меншиков, командовавший русскими войсками, рвался дать сражение шведскому корпусу Мардефельта, в то время как Август всячески уклонялся от участия в нем. Ход мыслей курфюрста был, примерно, таким: принять участие в сражении на стороне русских — значит вызвать гнев своего нового патрона Карла XII; противодействовать настойчивым намерениям князя — значит вызвать у него подозрения, и, зная решительный нрав светлейшего, можно было оказаться его пленником.

Август придумал третий выход: он решил не доводить дело до сражения, но воздействовать в этом направлении не на Меншикова, а на Мардефельта. С этой целью в штаб шведского генерала, втайне от Меншикова, Август посылал одного за другим парламентеров, чтобы они убедили Мардефельта не ввязываться в сражение и поспешно отступать.

Мардефельт, не зная о том, что Август из противника шведского короля превратился в его союзника, полагал, что акция

с парламентерами — военная хитрость. Парламентеры получили высокомерный ответ, игнорировавший разумный совет саксонского курфюрста: он, Мардефельт, не нуждается в советах своих врагов.

Сражение при Калише все же состоялось, причем шведы были разбиты наголову, союзники захватили огромный обоз, богатые военные трофеи, множество пленных, среди которых — генерала Мардефельта. Решающая роль в победе принадлежала русским войскам, но и саксонцы тоже участвовали в сражении. Когда Карлу доложили о том, что его новый вассал участвовал в разгроме шведов, тот пришел в бешенство. Август и здесь вышел сухим из воды.

Он знал, что любые объяснения причин участия саксонцев в Калишском сражении не удовлетворят разгневанного короля. Успокоить его могли только какие-то полезные услуги нового вассала. В этом направлении и работала мысль Августа.

Саксонский курфюрст стал настойчиво просить у Меншикова всех шведских пленных, в том числе и генерала Мардефельта, которых он обещал обменять на русских, многие годы томившихся в шведском плену.

Меншиков долго сопротивлялся, но, убоявшись, что Август пожалуется на него Петру, в конце концов уступил — пленные были выданы, отпущен был на волю под честное слово и Мардефельт: он обещал вернуться в ставку Меншикова, если обмен не состоится, но, конечно же, обманул.

В Варшаве Август отметил победу русско-саксонских войск над шведами торжественным молебном, а вслед за тем отправился в Лейпциг и отдался на милость Карлу. Там он пировал уже в обществе двух новых своих друзей — Карла XII и Станислава Лещинского.

Калишской победе Меншиков придавал огромное значение, ибо рассчитывал, что теперь число сторонников Станислава Лещинского поубавится, а влияние Августа на поляков, наоборот, возрастет. Все эти расчеты были перечеркнуты Альтранштедтским миром.

Главная армия Карла XII после походов 1706 г. пожинала плоды капитуляции Августа II— в богатой Саксонии она отдыхала, пополнялась рекрутами, прибывшими из Швеции, износившиеся мундиры меняла на новые, изготовленные из сукна, поставленного саксонскими мануфактурами, начисто грабила местное население.

Петр понимал, что шведский король, глядя на наступавшую зиму, не двинется с места, — чтобы откормить изголодавшихся солдат, необходимо время. Понимал царь и другое: отдохнувшую

армию Карл двинет на Россию, так как других противников у него уже не стало. Если раньше Карл должен был двигаться на восток с оглядкой на свои тылы, то теперь за тылы беспокоиться не приходилось — Северного союза более не существовало. Россия оказалась в одиночестве, и вся тяжесть войны перекладывалась на ее плечи. Петр не уставал внушать своим помощникам мысль, что раз «сия война над одними нами осталась», то необходимо готовиться к тому, чтобы неприятель не застиг нас врасплох.

Впрочем, приготовления русских нисколько не волновали шведов. Сидя в Саксонии, они рассуждали так: «Мышам живется вольно, когда кошки нет дома. Стоит только шведам вернуться — московиты побегут, как под Нарвой, и запрячутся в свои мышиные норы».

Подобные рассуждения разделяла вся шведская армия от последнего солдата до короля. Она все еще продолжала жить воспоминаниями о первой Нарве, о многочисленных победах над поляками и саксонцами и иллюзией своей непобедимости. И Карлу XII, и его генералам была недоступна мысль, что это не толпа вооруженных людей, как при Нарве, а регулярное войско, постигшее основы военного ремесла.

Конец 1706 и четыре месяца 1707 г. Петр провел в западно-украинском местечке Жолква. Оно попало на страницы истории потому, что в Жолкве царь вместе с вызванными туда генералами составил стратегический план ведения войны.

Главный вопрос, обсуждавшийся участниками военного совета, состоял в том, давать или не давать генеральное сражение шведам, если русские войска будут находиться за пределами своих земель. Все высказались за то, ˆтобы «дать баталию при своих границах, когда того необходимая нужда требовать будет», а в Польше надлежало «томить неприятеля» нападениями мелких отрядов, стычками на переправах, а также уничтожением провианта и фуража. Жолквиевский стратегический план лег в основу действий русской армии, когда та находилась не только в Польше, но и на собственной территории, вплоть до Полтавской виктории.

В 1707 г. на театре военных действий наступило полное затишье. Энергия Петра была направлена на укомплектование и обучение армии, обеспечение ее снаряжением, обмундированием и боеприпасами, на сооружение и ремонт укреплений в Москве на случай прихода туда шведов.

В истекшем году царь искал и путей выхода из войны, заключения мира, пытался достичь его при посредничестве Пруссии, Дании, Франции и Англии. Но предложений о мире с любыми территориальными уступками Карл не желал

выслушивать. В Стокгольме французскому послу, зондировавшему почву относительно мирных переговоров, сказали: «Король помирится с Россией только, когда он приедет в Москву, царя с престола свергнет, государство его разделит на малые княжества, созовет бояр, разделит им царство на воеводства». На меньшее Карл XII не соглашался. Не забыл он о вознаграждении своих генералов, участвовавших в завоевательных походах. Еще находясь в Саксонии, король щедро раздавал доходные должности своим военачальникам. В московские губернаторы он прочил генерала Шпарра.

В 1707 г. произошел инцидент, давший Петру повод высказать слова, получившие потом хрестоматийную известность.

Ответственность за ремонт кремлевских и Китайгородских стен, а также сооружение новых укреплений царь возложил на своего сына, царевича Алексея, и боярина Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина, ему было велено передать боярам, чтобы те до начала работ выслали из Москвы шведского резидента Книперкрона.

Петр узнал, что работы уже начались, а резидент спокойно живет в Москве, Мусину-Пушкину царь отправил нелюбезное письмо. Три дня спустя Петр пытался смягчить допущенную резкость и свое новое послание заключил словами: «А ныне не знаю, что и делать».

Петр придумал, что ему делать. Он велел написать «князю-кесарю» Рбмодановскому указ: «Изволь объявить всем министрам, чтобы они великие дела, о которых советуются, записывали, и каждый бы министр подписывался под принятым решением, что зело надобно». Указ принесли царю на подпись. Вслед за приведенным выше текстом, написанным четким канцелярским почерком, Петр внес собственноручное дополнение: «И без того отнюдь никакого дела не определять, ибо сим всякого дурость явлена будет».

ПОЛТАВСКАЯ ВИКТОРИЯ

1707 год прошел в ожидании шведского вторжения. Основные силы русских — так называемая полевая армия численностью 57,5 тыс. человек под командованием Шереметева — были нацелены на главную армию шведов, насчитывавшую 30–35 тыс. человек, во главе с самим Карлом XII. Помимо этого существовало еще две группировки войск. 16-тысячному корпусу Левен-гаупта в Риге противостоял равной численности корпус русского генерала Боура, расположенный между Дерптом и Псковом. Действия финляндского корпуса Либекера (15 тыс. человек) должен был парализовать ингерманландский корпус Ф. М. Апраксина (24,5 тыс. человек).

Карл XII покинул Саксонию в августе 1707 г. Полевая армия Шереметева начала откатываться на восток. Отступление было нелегким. Фельдмаршал извещал Меншикова: «Нужда велика, взять негде; деревни, которые есть, все пусты; не токмо что провианту сыскать невозможно, но и жителей никого нет». Еще больше испытаний выпало на долю армии противника: она двигалась по территории, опустошенной отступавшими.

Карл XII страстно желал генеральной баталии. Русское командование, напротив, всячески уклонялось от нее, во-первых, потому, что неприятель, по мнению царя, еще недостаточно был подвержен воздействию «томления», а во-вторых, потому, что Петр в своей стратегии строго руководствовался правилом: «Искание боя генерального суть опасно — в единый час все испровержено, того для лучше здоровое отступление, нежели безмерный газард».

Наступил 1708 год. Новогодие Петр встретил в Москве и пять дней спустя отбыл из. столицы в армию. «Молю бога, — писал он Меншикову, — чтобы в этом году он даровал благополучный исход дела нашего».

Время вторжения неприятеля на русскую землю приближалось. Но каков путь движения войска шведского короля? Пойдет ли он на северо-восток отвоевывать искони русские земли, возвращенные России, и стирать с лица земли Петербург или двинется на восток, чтобы после победы с триумфом войти в русскую столицу и продиктовать там условия мира? Ответить на этот вопрос никто не мог, включая, кажется, и самого шведского короля.

Между тем осведомленность о намерении неприятеля, как писал Петр, «есть главнейшая вещь на войне». Знание этих

намерений для Петра было тем более «главнейшей вещью», что инициативой владел Карл XII, а не он, царь, и последнему приходилось свои действия сообразовывать с действиями короля, парировать его выпады ответными мерами. Короче, царю на первых порах приходилось быть готовым к движению шведов в любом из двух направлений.

Прояснились планы короля в начале февраля 1708 г., когда он из Гродно двинулся не в сторону Петербурга, а на восток, в направлении к Москве. Двигался он туда медленно, с продолжительными остановками. Русская армия начала претворять в жизнь жолквиевский план обороны — на пути своего отступления она уничтожала провиант и фураж, уводила скот, устраивала засеки, затруднявшие движение. Весной 1708 г. произошли два важных события: шведы перешли русскую границу; 8 апреля пришли вести о восстании на Дону.

Земля Донская не знала помещиков и крепостного права. Казаки пользовались автономией, имели самоуправление во главе с выборным атаманом. Вольность казачьей жизни издавна привлекала на Дон беглых крестьян. Туда они устремлялись еще и потому, что там действовал обычай — «с Дону выдачи нет», то есть крестьяне могли быть уверенными в тщетности попыток помещиков вернуть их в крепостное состояние. Особенно много пришлых крестьян появилось на Дону в последнее десятилетие, когда бремя разных повинностей вынуждало их покидать насиженные места.

Положение земли Донской резко изменилось после 1696 г., когда к России был присоединен Азов. Эта крепость была расположена южнее территории, занимаемой донскими казаками. Если раньше правительство нуждалось в услугах казаков по охране южных рубежей и скрепя сердце мирилось с обычаем «с Дону выдачи нет», то теперь их функции выполнял гарнизон Азова, и правительство стало на путь лишения казаков их привилегии. Царским указом 6 июля 1707 г. на Дон был отправлен князь Юрий' Владимирович Долгорукий с заданием переписать всех пришлых, появившихся там после 1695 г., и вернуть их на прежние места жительства.

Князь со свирепой беспощадностью стал выполнять царский указ: все городки, населенные пришлыми, он предавал огню и сравнивал с землей, а самих пришлых возвращал помещикам. Это и вызвало гнев насельников Дона, и они, объединившись под предводительством атамана Кондратия Афанасьевича Булавина, напали на отряд Долгорукого и вырезали его. Богатые казаки во главе с атаманом Лукьяном Максимовым снарядили против повстанцев отряд и разбили их. Это дало повод царю сообщить

Меншикову в ноябре 1707 г.: «Итак, сие дело милостию божиею все окончилось». Царь, однако, в своих прогнозах ошибся.

Весной 1708 г. Булавин, перезимовав близ Запорожской Сечи, вновь появился на Дону. Численность его отряда быстро росла, и Петр, почувствовав серьезную угрозу, отправляет на Дон брата убитого в прошлом году Юрия Владимировича Долгорукого, Василия Владимировича, вооружив его еще более высокими полномочиями: городки «жечь без остатку, а людей рубить, и завотчиков на колесы и кольи, дабы сим удобнее оторвать охоту к приставанью воровства у людей, ибо сия сарынь (сволочь. — Н. П.) кроме жесточи; не может унята быть».

Устрашающими указами, а их царь подписал несколько1, Петр намеревался погасить пламя восстания в самом его зародыше, ибо отправлять на Дон значительные воинские подразделения в то время, когда неприятель пересек границу для вторжения в Россию, не входило в его расчеты.

Между тем восстание успешно развивалось, отряды Булавина пополнялись новыми повстанцами. И хотя среди них были, помимо донских казаков, казаки Запорожья, бурлаки и крестьяне соседних с Доном уездов, восстание в своей основе являлось казачьим. В этом отношении оно отличается от крестьянской войны под предводительством Разина или Пугачева, которые начинались как казачьи движения, а затем переросли в крестьянские воины.

В прелестных письмах, исходивших от Булавина и его сподвижников, отсутствовали призывы к ликвидации феодального землевладения и помещиков, поскольку ни того, ни другого на Дону не было.

1 мая 1708 г. восставшие овладели Черкасском, и на кругу атаманом всего войска Донского был избран вместо казненного Лукьяна Максимова Кондратий Булавин.

Булавинцы одержали крупные победы над правительственными войсками под Царицыном и Валуйками. Сам Булавии с главными силами не рискнул двинуться на север. Имея у себя в тылу Азов, он решил овладеть этой крепостью. То была главная ошибка Булавина — карателям было легче справиться с разобщенными силами повстанцев, чем с силами, сконцентрированными в одном месте.

В первых числах июля правительственные войска нанесли повстанцам два крупных поражения: под Тором и Азовом. Сам Булавин. был предательски убит заговорщиками из числа старшин. Гибель предводителя движения вызвала большую радость в правительственных кругах. Петр отметил это известие молебном и салютом.

Радость была преждевременной. Еще два года отдельные очаги восстания оказывали сопротивление правительственным войскам. Как и все восстания феодальной поры, оно было царистским, стихийным, слабо организованным и поэтому обреченным на неудачу.

Сколь серьезное значение придавал царь событиям на Дону, свидетельствует его намерение отправиться в район восстания, чтобы непосредственно руководить его подавлением. Первоначально он велел на этот счет распространять заведомо ложный слух с целью устрашения восставших. Но затем, после того как восставшие овладели Черкасском, Петр уже всерьез думал о поездке на Дон. 27 мая он писал Меншикову: «Необходимая мне нужда месяца на три туды ехать».

Поездка царя на Дон по неизвестным причинам не состоялась, и в июле 1708 г. он уже находился в действующей армии. Будучи в пути, Петр получил донесение Шереметева о первом столкновении со шведами. Если верить реляции, то русские, если и не одержали победы, то нанесли противнику урон. Петр рассматривал сражение под Головчином как репетицию перед генеральным сражением, позволившую новобранцам понюхать пороху: «Я зело благодарю бога, что наши прежде генеральной баталии виделись с неприятелем хорошенько и что от всей его армии одна наша треть так выдержала и отошла». На поверку оказалось, что реляция отразила события неточно и что в действительности не шведы, а русские понесли значительные потери. Проверка обнаружила неприглядный факт: многие полки дивизии Репнина «пришли в конфузию», беспорядочно отступили, оставив неприятелю пушки, а те, которые оказывали сопротивление, сражались, как писал царь, «казацким, а не солдатским боем».

Головчинское сражение в летописи Северной войны занимает особое место: во-первых, это был последний успех шведов; во-вторых, итоги сражения Петр использовал в воспитательных целях. Царь распорядился двух генералов, виновных. в поражении, Репнина и Чамберса, отдать под суд. Репнин принадлежал к числу боевых и лично уважаемых царем генералов. Но сколько он ни просил о милосердии, Петр оказался глухим к этим просьбам: виновнику пришлось сменить генеральский мундир на мундир солдата и, кроме того, возместить казне убытки за пушки, утраченные во время сражения. Наконец, в-третьих, изучение опыта Головчинского дела позволило Петру составить «Правила сражения», определившие поведение солдат и офицеров в бою.

Любопытная деталь в поведении Карла XII после

Головчинского сражения. Казалось бы, что азартный король, для которого поле брани, артиллерийская канонада и стоны раненых являлись родной стихией, должен был развить успех и искать нового сражения с русскими. Но Карл XII проявил несвойственную своему характеру и непонятную на первый взгляд пассивность: он отправился в Могилев и простоял там почти месяц.

Все станет на свои места, если мы вспомним про жолквиевский план борьбы с агрессором: неприятельские войска испытывали недостаток в продовольствии. А в Могилеве Карл задержался в ожидании прибытия обоза Левенгаупта. Этот обоз, организованный в Риге, должен был доставить королевской армии запасы продовольствия, фуража, пороха, обмундирования. Обоз сопровождал 16-тысячный корпус Левенгаупта, который должен был влиться в состав главной армии шведов.

Не дождавшись обоза, Карл тронулся с места, но пошел не на север, навстречу Левенгаупту, а в противоположную от него сторону, к Смоленску. Под селом Добрым на Смоленщине 30 августа состоялось сражение, закончившееся блестящей победой русских. Петр по случаю этой победы ликовал, его привели в восторг организованные и четкие действия русских войск. Сражение происходило в присутствии короля, что дало повод царю писать: «Сей танец в очах горячего Карлуса изрядно станцевали». Радовала Петра и высокая боевая выучка его войск: «Я как начал служить, такого огня и порядочного действа от наших солдат не слыхал и не видал».

Противник оставил на поле боя около трех тысяч убитых, в то время как потери русских войск составили всего 375 человек.

В сентябре противник потерпел еще одно поражение под Раевкою, причем в бою была убита лошадь короля и тот едва не попал в плен. После этого король круто повернул на юг.

Петру стало известно, что обоз Левенгаупта вышел из Риги. Царь принимает дерзкое решение организовать подвижный отряд, состоящий из драгун, а также солдат, посаженных на коней, и налегке, без обоза, двинуться навстречу Левенгаупту.

Отряд под командованием Петра настиг неприятеля в белорусских топях и болотах у деревни Лесной. Началось сражение. «Гистория Свейской войны», в написании которой царь принимал живейшее участие, сообщает любопытную деталь: через несколько часов боевых действий «на обе стороны солдаты так устали, что более невозможно биться было, и тогда неприятель у своего обоза, а наши на боевом месте сели и довольное время отдыхали, расстоянием линий одна от другой в половине пушечного выстрела полковой пушки, или ближе».

Отдых продолжался часа два; набравшись сил, противники возобновили борьбу. Она велась с переменным успехом, и, не подоспей подмога русским, — неизвестно, чем бы она закончилась. Успех решила кавалерия, с марша ринувшаяся в битву. Противник дрогнул. Шведов спасли от полного уничтожения ночь и ранняя для тех мест вьюга.

Утром следующего дня русские не обнаружили шведов — под покровом темноты Левенгаупт бежал, оставив на поле боя обоз в две тысячи телег и восемь тысяч незахороненных трупов.

Петр вполне оценил значение одержанной победы. Его радовало и то обстоятельство, что 10 тысяч русских одолели 16 тысяч шведов, и то, что шведская армия лишилась так необходимого ей провианта и фуража, и, наконец, то, что Карл XII вместо боеспособного подкрепления в 16 тысяч солдат и офицеров получил 6700 оборванных и деморализованных вояк.

Победа имела стратегическое значение, ее царь называл матерью Полтавской виктории. «Сия у нас победа, — писал Петр в «Гистории Свейской войны», — может первая назваться, понеже над регулярным войском никогда такой не бывало, к тому же еще гораздо меньшим числом будучи пред неприятелем».

Известие об итогах битвы у щ Лесной было получено в ставке Шереметева раньше, чем в ставке шведского короля, — майор, отправленный Левенгауптом с рапортом о катастрофе, попал в плен к русским. Карлу поэтому вначале пришлось довольствоваться устным рассказом солдата, который 1 октября поведал ему, что битва длилась с утра до позднего вечера и Левенгаупт покинул поле боя.

Карл не поверил невразумительному рассказу солдата. Того не могло статься, рассуждал король, чтобы его опытнейший генерал, возглавлявший отборные войска, потерпел поражение от московитов, он пытался убедить окружающих и прежде всего самого себя, что солдат все перепутал и наговорил несуразностей от страха.

Когда последние сомнения относительно катастрофы у Лесной развеялись, король утратил покой. Его одолела бессонница, и он ночью заходил то к одному, то к другому приближенному и сидел в грустном молчании. 12 октября прибыл и Левенгаупт.

До потери корпуса Левенгаупта и обоза король располагал широким выбором направлений, по которым он мог двигаться: он мог пойти на север, в сторону Петербурга, мог отправиться на восток добывать Москву; третьим направлением могла стать Украина, то есть движение на юг. Наконец, Карл мог не испытывать судьбу и благополучно возвратиться в края, откуда он

пришел непрошеным гостем.

После катастрофы у Лесной король мог двинуться только в двух направлениях: либо отступить, либо отправиться на юг, к изменнику Мазепе. Маршруты на Москву и Петербург отпадали из-за отсутствия продовольствия, фуража, недостатка артиллерии и т. д. Практически у Карла XII оставался единственный путь — на Украину, ибо вопреки всем разумным доводам король считал отступление порухой своей славы непобедимого полководца.

На юге Карл XII намеревался получить все то, чего он не получил от Левенгаупта: продовольствие, впрок заготовленное Мазепой в своей резиденции Батурине, там же находившуюся артиллерию и запасы пороха. Мазепа, кроме того, обещал передать в распоряжение короля 30-тысячную армию казаков.

Измена Мазепы являлась следствием едва ли не самых значительных промахов Петра и его окружения. Ни царь, ни его сподвижники за слащавыми улыбками, подобострастной речью, уснащенной комплиментами, и выражением внешней покорности не разглядели подлинное лицо гетмана. Напротив, Петр считал его своим верным слугой, а Меншиков и другие вельможи относили его к числу своих друзей.

За двадцатилетнее гетманство Мазепы в Москве было получено множество на него доносов, но изворотливый гетман всякий раз выходил сухим из воды. Последние по времени доносы, поданные в 1707 г., исходили от генерального судьи Кочубея и полтавского полковника Искры. Оба они располагали достоверными сведениями о предательских связях Мазепы с Карлом XII и Станиславом Лещинским. И оба в мгновение ока превратились из обвинителей в обвиняемых. Этой метаморфозе способствовали Меншиков и Головин, убедившие царя в невиновности гетмана и необходимости сурово наказать клеветников.

Меншикову Мазепа писал: «Извествую вашей княжной светлости, что Кочубей исконный есть мой враг» и много раз сочинял «на мене пашквильные подметные письма». Искра тоже, по словам гетмана, «завзял на мене вражду и злобу». Письмо заканчивается просьбой выдать ему доносителей, уже находившихся под стражей и подвергавшихся пыткам.

Своего Мазепа достиг — Кочубей и Искра были ему выданы с царским повелением казнить их. 14 июля 1708 г. гетман торжествовал победу: его разоблачение не состоялось. Кочубей и Искра были казнены. Более того, гетман получил царскую грамоту с обещанием не оставить без милости «непоколебимую верность» его и обязательство не верить «никаким клеветникам, которой бы дерзнул что на вас, противное нам, великому

государю, доносить».

Но «верный подданный», как называл Петр гетмана, давно решил переметнуться к шведам и лишь ждал удобного момента, чтобы совершить предательский шаг. О своем намерении Мазепа сообщил узкому кругу приближенных, которым, впрочем, полностью не доверял.

«Смотри, Орлик, — говорил он, обращаясь к войсковому писарю, — додержи мне верность! Ведаешь ты, в какой я у царского величества милости, не променяют там меня за тебя. Я богат, а ты беден, а Москва гроши любит. Мне ничего не будет, а ты погибнешь».

Развязка наступила в октябре 1708 г., причем ее приближение ускорил Меншиков. Светлейший пригласил к себе гетмана для обсуждения плана совместных действий против неприятеля. Гетман заподозрил неладное: князю, подумал он, наверное, что-то известно о заговоре. Страх за жизнь вынудил Мазепу сказаться тяжело больным. К Меншикову послал племянника Войнаровского с письмом, в котором извещал, что готовится к соборованию. Меншиков поделился печальной новостью с царем: «Сия об нем ведомость зело меня опечалила». Ему искренне жаль утраты «такова доброго человека».

А «добрый человек» тем временем пребывал в нерешительности: настал ли тот час, когда надо действовать?

— Послать к королю или нет? — спрашивал он сообщников.

— Как же не послать, давно пора, не надобно откладывать. Мазепа принял роковое для себя решение после того, как прискакавший Войнаровский сообщил о намерении Меншикова прибыть в Борзну, чтобы проститься со смертельно больным.

«Больной» гетман садится на коня и в окружении сообщников скачет в Батурин, затем в Короп, наконец переправляется через Десну и встречается с шведским отрядом.

Опасения Мазепы, что Меншикову что-то известно и он едет в Борзну, чтобы заковать предателя в цепи, оказались напрасными — князь еще ничего не подозревал. Единственная странность, которой он, впрочем, не придал большого значения, состояла в том, что Войнаровский уехал от него тайно, не попрощавшись.

Меншиков приезжает в Борзну, но гетмана там уже нет. Отправляется по его следам в Батурин, но и оттуда гетман успел отбыть. Подозрения укрепились после того, как Меншиковым был схвачен гонец сообщника Мазепы с письмом, извещавшим, что они уже находятся в шведском лагере. Князь срочно доносит царю: «И тако об нем инако разсуждать извольте, только что совершенно изменил».

Новость потрясла царя. Он и не скрывал этого в ответе

Меншикову: «Письмо ваше о нечаянном никогда злом случае измены гетманской мы получили с великим удивлением».

После того как измена Мазепы стала точно установленным фактом, главное внимание воевавших сторон было приковано к Батурину. Именно туда, в свою резиденцию, гетман свез вдосталь то, в чем крайне нуждались шведы. Об этом Мазепа не преминул сообщить шведскому королю, и тот был полон желания овладеть городом, а вкупе с ним и всем добром.

Ключевое значение Батурина понимал и Петр. Если запасы попадут к неприятелю, то он станет намного сильнее и обстановка на Украине осложнится настолько, что поставит под угрозу успех всей кампании. Кто раньше проникнет в Батурин, тот останется в выигрыше, стоившем и риска, и перенапряжения сил. Именно поэтому к Батурину одновременно спешили шведы с мазепин-цами и русские войска. Время исчислялось не сутками, а часами.

У стен гетманской резиденции первым оказался Меншиков. На предложение князя открыть ворота сторонники Мазепы, укрывшиеся в крепости, давали уклончивые ответы, заявляя, что им ничего не известно об измене гетмана. Меншикову стало ясно, что комендант Батурина в надежде на подход Мазепы и главных сил шведов тянет время. Отряд Меншикова предпринял ожесточенный штурм и в ночь на 2 ноября овладел Батурином. От изменнического гнезда он оставил руины: все, что можно было вывезти, он взял с собою, а остальное предал огню.

В итоге шведы не получили обещанного Мазепой ни продовольствия, ни артиллерии, ни фуража. Не получил шведский король и обещанной Мазепой помощи в живой силе. Вместо 30 тысяч гетман привел в шведский лагерь горстку казаков, большинство из которых пошли за ним только потому, что он заявил им, что они идут сражаться с неприятелем.

Рухнули надежды Мазепы и на враждебные действия украинского народа против России. Идея подчинения Украины Польше, перспектива наплыва на украинскую землю, алчных магнатов, ожидаемые притеснения православной церкви сплачивали разные социальные слои населения — крестьян, горожан, казаков, духовенство — на борьбу и с Мазепой, и с шведскими захватчиками. Мазепа, таким образом, стал политическим банкротом, не выполнившим ни одного из своих обещаний. Он и примкнувшие к нему предатели оказались в изоляции.

В обстановке необычайно суровой для этих мест зимы армия Карла XII нуждалась в зимних квартирах, отдыхе и продовольствии. Ни того, ни другого, ни третьего шведы на

Украине не обрели. Они находились в окружении русской армии и подвергались постоянным нападениям конницы и украинских партизан. Вместо теплых квартир им пришлось довольствоваться открытым небом.

На Украине велась так называемая малая война. Крупных сражений царь велел избегать, оберегая главные силы от возможных неудач. В «деле» находились небольшие отряды, охотившиеся за языками и дерзко нападавшие на обозы и фуражиров.

Во время одного из таких нападений небольшого русского отряда шведский король едва не оказался в плену. Не заметив отступления своих рейтар, он с несколькими солдатами должен был искать спасения в мельнице, «которая, как написано в «Гистории Свейской войны», нашими людьми была окружена и ежели б не застигла ночная темнота, то б он, конечно, тут взят был».

Конец 1708 г. и половину следующего года Петр находился вдали от армии. Тому были веские причины. По традиции на театре военных действий в зимние дни, а также во время весеннего половодья наступало затишье, и враждовавшие армии, отдыхая, готовились к грядущим сражениям. Впрочем, Карл XII, вопреки традиции, стремился к генеральной баталии, полагая, что ему посчастливится одним ударом добиться уничтожения русской армии, доставлявшей ему столько хлопот, и завершить войну победоносным миром. Петр, напротив, не намечал генерального сражения ни в зимние, ни в весенние месяцы 1709 г., так как полагал, что время к тому не приспело — неприятель еще недостаточно измотан. Рисковать царь не хотел, ибо, как он говорил, можно утратить «на одной баталии главной счастие и благосостояние всего государства».

Около полутора месяцев царь провел в Сумах, затем в феврале отправился в Воронеж, где пробыл без малого два месяца, а оттуда — в Азов и Таганрог. В армию он прибыл в начале июня, в разгар безуспешных попыток Карла XII овладеть Полтавой. В Сумах Петра можно было наблюдать за просмотром напечатанных книг, чтением переводов, составлением указа об организации губерний, совершенствованием гражданского шрифта.

Книги в России печатались церковнославянскими литерами, имевшими сложную и витиеватую конфигурацию, что затрудняло чтение текста. Петр активно участвовал в выработке более упрощенного начертания букв. «Литеры «буки», также «покой» вели переправить, — писал царь Мусину-Пушкину, — зело дурно сделаны почерком, также толсты». Из нового алфавита были исключены буквы со сложным звучанием: «кси» и «пси»,

устранены были и титлы, употреблявшиеся для сокращений в середине слов.

Первые книги «новоизобретенными литеры» появились в 1708 г. Но и после этого шрифт непрерывно совершенствовался и окончательно был утвержден в 1710 г., когда Петр внес в алфавит последние поправки и на обороте листа написал: «Сими литерами печатать исторические и мануфактурные книги», т. е. сочинения светского содержания. Церковные книги продолжали печатать церковнославянским шрифтом. Еще раньше было изменено обозначение чисел. До этого числа обозначались буквами: единица изображалась буквой «а», двойка — «в», тройка — «г» и т. д. Изображение десятков начиналось с буквы «і» десятеричной, «к» = 20, «л» = 30 и т. д. Для сотен использовались буквы начиная с «р». Чтобы не спутать букв текста с буквами, обозначавшими числа, над последними сверху изображали волнообразную линию — титло. Теперь вместо букв числа стали обозначать арабскими цифрами, которыми мы пользуемся и поныне. Первая книга с арабскими цифрами появилась в 1703 г. Это был учебник, составленный талантливым педагогом Леонтием Магницким: «Арифметика, сиречь наука числительная».

При содействии Петра Россия вступила в полосу расцвета книжного и типографского дела. Если в XVII в. единственная типография, существовавшая в Москве, выпускала книги преимущественно церковного содержания, то к концу первой четверти XVIII в. в новой и старой столицах действовало шесть типографий, печатавших исключительно светские книги. Свыше трети из 320 книг гражданской печати, опубликованных с 1708 по 1725 г., было посвящено военной и военно-морской тематике. Выходили также художественные произведения, книги юридического содержания, словари, календари и т. д.

К новым видам печатной продукции относились также сенатские и царские указы, реляции о победах русских войск. С конца 1702 г. в России стала выходить первая печатная газета «Ведомости».

Большинство печатавшихся в России книг были переведенными. Петр в этом деле принимал живейшее участие, снабжая переводчиков соответствующими наставлениями. Так, он рекомендовал сначала «выразуметь» смысл переводимого текста, а затем «на своем языке уже так писать, как внятнее может быть».

Убежденного рационалиста, каким был Петр, интересовала не близость перевода к оригиналу, а суть описываемого дела, возможность без труда усвоить смысл переводимого. Отсюда требование к переводу — он должен быть лаконичным и понятным.

Другая забота Петра в Сумах — создание губерний. Указ 18 декабря 1708 г. извещал о намерении создать 8 губерний. До осуществления губернской реформы страна делилась на 250 уездов, непосредственно подчинявшихся центральным учреждениям в Москве — приказам. Теперь между уездной администрацией и приказами должна была появиться промежуточная инстанция — губернские власти.

Во главе губернской администрации стояли губернаторы, пользовавшиеся на управляемой территории всей полнотой судебной, административной и военной власти. Губернаторами Петр назначал близких себе людей. Во главе Петербургской губернии был поставлен Меншиков, Воронежской — адмирал Федор Матвеевич Апраксин, Казанской — его брат Петр Матвеевич, Московской — боярин Тихон Никитич Стрешнев. Губернские учреждения должны были начать работать с 1710 г.

Цель проведения губернской реформы станет понятной, если мы вспомним о событиях, ей предшествовавших, — астраханском восстании, восстании на Дону, а также волнениях в Башкирии. Губернские учреждения должны были укрепить местную администрацию. Огромные права губернатора позволяли ему оперативно подавлять вспышки недовольства в самом зародыше. Учреждение губерний давало правительству еще одно преимущество — появилась возможность более эффективно взимать налоги, набирать рекрутов, и мобилизовывать людей на строительные работы. Эффективность обеспечивалась наличием в распоряжении губернаторов воинских команд, используемых и для выколачивания недоимок, и для привлечения на службу в армию и во флот крестьян и горожан.

Из Сум царь, как было сказано выше, отправился в Воронеж. Что его туда влекло? Личная страсть к кораблестроению или интересы государства?

Цель поездки — наблюдение за строительством и спуском кораблей. Эта забота на первый взгляд кажется странной, ибо у России не было более важной задачи, чем изгнание шведов. Но война с захватчиками велась не на море, а на суше.

При ближайшем рассмотрении обнаружим, что Петр, заботясь о флоте, проявил завидную дальновидность. Он рассудил, что в связи с походом Карла XII на Украину у Османской империи и крымских татар наступил самый благоприятный момент для нападения на Россию.

Задача состояла в том, чтобы предостеречь южных соседей от совместных действий со шведами.

В Азове царь не был свыше десяти лет. Увиденное оказало на него самое благоприятное впечатление. «А здесь гораздо люднее,

нежели при нас перво было», — отзывался царь об Азове. Запомнилась панорама гавани в Таганроге: «Сие место, которое перед десяти летами пустое видели… ныне изрядной город купно с гаваном обрели».

Распорядившись о постройке новых кораблей и углублении гавани в Азове, Петр 27 мая отправился к армии.

В месяцы, проведенные царем в Сумах, Воронеже и Азове, армия Карла XII в жестокую стужу бродила по заснеженным степям Украины. Русские отряды и население не давали. этой армии ни отдыха, ни крова, ни пищи. Каждый населенный пункт шведы брали штурмом. Героическое сопротивление шведам оказала ничтожная крепость Веприк, наспех окруженная валом, возведенным в зимнюю стужу. Карл сначала велел подвергнуть городок артиллерийскому обстрелу, но, истратив уйму снарядов и обнаружив бесплодность затеи, велел штурмовать его. Малочисленный гарнизон русских и украинцев, располагавший всего тремя пушками, трижды отбивал приступы. Шведы ворвались в крепость 6 января 1709 г. лишь после того, как осажденные израсходовали весь порох. Королевская армия недосчиталась при этом свыше 1200 солдат и офицеров. Путь на северо-восток был усеян такими же городами, которые надо было осаждать, неся потери, тратя боеприпасы.

В феврале Карл достиг крайнего восточного пункта Слободской Украины — Коломака. Там произошел любопытный разговор между шведским королем и Мазепой. «Старый Мазепа, который со своими казаками участвовал в этой экспедиции, хотел польстить королю, рядом с которым он ехал на лошади, принося ему поздравления с его военными успехами и говоря ему по-латыни, что уже находятся не более, как в восьми милях от Азии». Карл принял всерьез льстивую речь бывшего гетмана и поручил генерал-квартирмейстеру Гилленкроку разведать дороги, ведущие в Азию. Гилленкрок, более осведомленный в географии, чем его повелитель, заметил, что до Азии еще далеко.

— Но Мазепа сказал мне, что граница отсюда недалеко. Мы должны туда пройти, чтобы иметь возможность сказать, что мы были также и в Азии.

Гилленкрок стоит на своем:

— Ваше величество изволите шутить, и, конечно, вы не думаете о подобных вещах серьезно.

Возражать королю было бесполезно:

— Я вовсе не шучу. Поэтому немедленно туда отправляйтесь и осведомитесь о путях.

Жестокие морозы сменились внезапной оттепелью. 12 февраля разразилась гроза и сильный ливень. Реки и речушки

выступили из берегов, так что русской и шведской пехоте пришлось передвигаться в ледяной воде.

С первых чисел апреля внимание Карла XII было приковано к Полтаве. Он решил во что бы то ни стало овладеть этой крепостью, обнесенной всего лишь дубовыми стенами, ибо вполне оценил ее стратегическое значение. Если бы королю удалось принудить гарнизон Полтавы к сдаче, то в этом случае облегчились бы коммуникации с Крымом.

Значение Полтавы в стратегических замыслах Карла XII вполне разгадал Петр, когда писал Меншикову: «Сие место зело нужно».

Генерал-квартирмейстер шведской армии Гилленкрок записал свой разговор с Карлом XII, состоявшийся в двадцатых числах апреля. В диалоге столько же королевской самоуверенности, сколько полнейшего пренебрежения к русским. За это королю придется жестоко поплатиться, а пока он не принимал никаких доводов, противоречивших его замыслу.

Гилленкрок. Разве ваше величество намерен осаждать Полтаву?

Король. Да, и вы должны составить диспозицию осады и сказать нам заранее, в какой день мы завладеем городом; так делает Вобан во Франции, а вы здесь маленький Вобан.

Гилленкрок. Я полагаю, что и сам Вобан, великий инженер и генерал, увидел бы себя в немалом затруднении, потому что не имел бы под рукой того, что нужно для осады.

Король. У нас довольно всего, что может быть нужно против Полтавы. Полтава крепость ничтожная.

Гилленкрок. Крепость, конечно, не из сильных; но по многочисленному гарнизону из 4000 русских, кроме казаков, Полтава не слаба.

Король. Когда русские увидят, что мы хотим атаковать, то после первого выстрела сдадутся все.

Гилленкрок долго убеждал короля, что осада Полтавы связана с огромным риском, что у стен города может полечь вся пехота, если дело дойдет до штурма.

Король твердил свое: «Говорю наверное, что дело не дойдет до штурма. Они сдадутся».

Гилленкрок. Не вижу и не понимаю, как это может случиться без особого счастья.

Король. Мы совершим необыкновенные дела и приобретем славу и честь.

Дальнейшие события показали, что прогнозы короля были абсолютно беспочвенными.

Сосредоточение шведской армии у стен Полтавы было

завершено к концу апреля, а первый штурм ее Карл XII предпринял 29 числа этого месяца.

Уверенность короля, что гарнизон крепости капитулирует, как только обнаружит подготовку к штурму, оказалась банальным бахвальством. Шведы чередовали осадные работы со множеством штурмов, но гарнизон, руководимый полковником Алексеем Степановичем Келиным, устоял. Число защитников города постепенно уменьшалось, тем не менее осажденные не только отбивали штурмы, но и совершали вылазки.

2 июня к коменданту крепости в восьмой раз явился барабанщик с предложением сдать город на самых выгодных условиях. Шведы грозили в случае отказа всех защитников истребить. Парламентер ушел со следующим ответом Келина:

— «Мы уповаем на бога, а что объявляешь, то мы чрез присланные, коих 7 имели, известны; тако же знаем, что приступов было восемь и из присланных на приступе более 3 тысяч человек головы положили.

И так тщетная ваша похвальба; побить всех не в вашей воле состоит, но в воле божией, потому что всяк оборонять и защищать себя умеет».

Связь с русским командованием Келин осуществлял при помощи ядер, «начиненных» вместо пороха письмами, донесениями, просьбами. Выстреленное из крепости ядро не разрывалось и благополучно достигало расположения русских войск, занимавших противоположный от шведов берег реки Ворсклы.

Русскому командованию даже удалось восполнить потери гарнизона крепости — в ночь на 15 мая туда проник отряд в 900 человек. Пришедшие в город солдаты «не токмо что платье все, но и штаны ради болотных зело глубоких переправ поскидали». Они доставили в крепость свинец и порох.

Петр прибыл к Полтаве 4 июня 1709 г. С этого дня он взял в свои руки непосредственное руководство армией. Оценив обстановку на месте, он решил, что настало время дать противнику генеральное сражение. 7 июня Петр писал Федору Матвеевичу Апраксину: «Сошлись близко с соседьми, с помощью божиею, будем конечно в сем месяце главное дело с оными иметь». Под «главным делом» подразумевалось генеральное сражение.

Заслуга Петра как выдающегося полководца состояла, в частности, в умении выбрать для решающего сражения такое время, когда противник оказался слабее его собственных войск. Шведы были ослаблены изнурительными переходами, потерями от налетов партизан и небольших отрядов русской армии,

болезнями солдат и офицеров. Холодная зима 1708/09 г. нанесла значительный урон шведским войскам. Напротив, русская армия, постоянно пополнявшаяся рекрутами и овладевшая основами современного военного искусства, стала неизмеримо сильнее, чем в начальный период вторжения неприятеля в Россию.

Русские войска переправились через Ворсклу 20 июня. Карл не сомневался, что Петр решил дать у стен Полтавы главную битву войны. Чтобы обезопасить тыл, король предпринял два отчаянных штурма Полтавы, но ни 21, ни 22 июня успеха не добился.

Защитники крепости выстояли и на этот раз — ранним утром.

21 июня на площади у Спасской церкви они дали клятвенное обещание сражаться со шведами до последней капли крови и сдержали эту клятву.

Начиная с 20 июня в русском лагере кипела напряженная работа: стучали топоры, солдаты работали лопатами — готовили укрепления. Петр, как и у Лесной, для предстоящего сражения избрал закрытую местность. Оба фланга русского лагеря упирались в густой лес, в тылу — крутой берег реки Ворсклы, через которую. были наведены мосты. Открытая равнина находилась лишь перед фронтом русского лагеря. Именно оттуда Петр ждал наступления шведов. Он велел соорудить шесть редутов на расстоянии ружейного выстрела один от другого. Перпендикулярно к ним намечалось строительство еще четырех редутов, из которых только два оказались готовыми к началу сражения. Назначение шести редутов состояло в том, чтобы ослабить силу наступательного порыва шведов. Четыре перпендикулярных редута должны были рассечь их боевые порядки.

25 июня Петр произвел смотр войскам, в этот же день военный совет разработал диспозицию сражения. Командование первой дивизией Петр взял на себя, а прочие дивизии распределил между генералами. Кавалерия была поручена Меншикову, командование артиллерией Петр возложил на генерал-лейтенанта Брюса, снабдив его планом размещения мортир и гаубиц. В «Гис-тории Свейской войны» записано: «Фельдмаршал и генералитет просил его царское величество, чтоб в баталию не приобщаться (то есть не участвовать в сражении), на что изволил сказать, чтоб ему о том более не говорили».

День 26 июня Петр провел в непрерывных хлопотах. В этот день царю сообщили неприятную новость: из Семеновского полка к неприятелю бежал унтер-офицер. Царь понимал, что изменник

сообщит королю о слабых местах обороны и посоветует нанести удар по необстрелянному полку, укомплектованному новобранцами. Петр велел обрядить в форму этого полка опытных и закаленных в боях солдат Новгородского полка.

В преддверии генеральной баталии, в тот же день 26 июня, Келину было переброшено ядро с новым предписанием Петра: «Ныне инако вам повелеваем, чтоб вы еще держались до половины июля и далее, понеже мы лучшую надежду отселя, с помощью божиею, имеем вас выручить, о чем паки подтверждаем: держитесь, как возможно, и нам давайте знать о себе».

Шли последние приготовления к сражению. Петр в мундире гвардейского офицера из темно-зеленого сукна, с красными обшлагами, с развевающимся на ветру офицерским шарфом появлялся то среди драгунских полков, то среди пехотинцев, строивших редуты, то среди артиллеристов. К офицерам гвардейских полков он обратился с речью.

— Вам известно, что кичливый и прозорливый их король войску своему расписал уже в Москве квартиры; генерала своего Шпарра пожаловал уже губернатором московским и любезное наше Отечество определил разделить на малые княжества и, введя в оное еретическую веру, совсем истребить. Оставим ли такие ругательства и презрение нами без отмщения?

Далее он говорил о позоре тех, кто оставит поле боя.

26 июня было памятным и для Карла XII. В этот день он принял решение атаковать русский лагерь. Он спешил, так как узнал, что помощи ждать ему неоткуда: из Константинополя пришло известие, что османское правительство не намерено вмешиваться в конфликт между Россией и Швецией; другое известие, столь же неутешительное, Карл получил от Станислава Лещинского, извещавшего, что ни он, Лещинский, ни шведский генерал Крас-сау не появятся у стен Полтавы — у них у самих хватает забот, чтобы отбиваться от налетов кавалерии русского генерала Гольца.

Раз надежды на помощь извне отсутствовали, то Карлу ничего не оставалось, как очертя голову ринуться в бой, ибо он знал, что завтра его армия будет слабее, нежели сегодня.

26 июня король тоже обратился с речью к армии, но как разительно отличалась речь Карла от речи Петра! Русский царь обращался к патриотизму солдат и офицеров, призывал их защищать независимость Родины и ее целостность, в то время как речь шведского короля была типичной речью завоевателя и мародера. Офицеров он приглашал в шатры московского царя на роскошный обед.

— Он приготовил нам много кушанья. Идите же завтра туда,

куда ведет вас слава.

Знаменитая Полтавская битва началась на рассвете 27 июня.

План шведского короля состоял в том, чтобы пехота, предводительствуемая Левенгауптом, овладела русскими редутами. Завершить дело на начальном этапе сражения король поручил коннице: ей надлежало, двигаясь между редутами, разгромить русскую кавалерию. В заключительной фазе сражения пехота и конница, соединившись в тылу редутов, должны были нанести удар по основным силам русской армии.

Действительность опрокинула планы короля, и сражение протекало не в соответствии с его волей, а по воле Петра. Уже в самом начале сражения королю не удалось застигнуть русских врасплох: конница Меншикова уследила движение шведов к русскому лагерю, и там были сделаны необходимые приготовления.

Шведской пехоте все же удалось овладеть двумя недостроенными редутами. Среди атаковавших уже раздавались радостные возгласы: «Победа! Победа!»

Развить успех неприятелю не удалось. Он оказался под губительным огнем артиллерии, расстреливавшей его в упор и с флангов.

Превосходство русской артиллерии было подавляющим — против 4 стволов шведов действовали 102 русские пушки.

Опьяненному успехом Меншикову казалось, что еще одно усилие — и неприятель будет сломлен. Он трижды просил царя прислать ему подкрепление, чтобы разгромить шведов.

Петр, однако, обоснованно придерживался ранее разработанного плана сражения и велел Меншикову вывести конницу с поля боя. Отвод конницы шведы приняли за отступление, бросились ее преследовать и приблизились к русским орудиям транжемента (главного лагеря), потерпев существенный урон.

Около 8 часов, утра Петр решил вывести свою армию из лагеря. В центре построения находилась пехота, между ее боевыми порядками размещалась артиллерия. Кавалерия была расположена на флангах.

Шереметеву царь велел вывести шесть драгунских полков с передовой линии, непосредственно противостоящих неприятелю, подойти к стоящим в стороне войскам Скоропадского и наблюдать за ходом сражения; в случае если шведы двинутся против украинских войск гетмана, то оказать им помощь. «А о вступлении в баталию ожидать указу», — заключил свое распоряжение Петр.

Ослабление передовой линии встретило возражение

Шереметева, его поддержал князь Репнин. Они говорили: «Надежнее иметь баталию с превосходным числом, нежели с равным». Петр им ответил: «Больше побеждает разум и искусство, нежели множество».

Царь, готовясь пустить в дело главные силы, располагавшиеся позади редутов, выступил перед пехотой со знаменитой речью, известной иод названием приказа Петра:

— Ведало бо российское воинство, что оной час пришел, который всего Отечества состояние положал на руках их: или пропасть весьма, или в лучший вид отродитися России. И не помышляли бы вооруженных и поставленных себя быти за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за народ всероссийский.

Царь закончил свою речь словами:

— А о Петре ведали бы известно, что ему житие свое недорого, только бы жила Россия и российское благочестие, слава и благосостояние.

Началась долгожданная генеральная баталия.

Карл попытался концентрированным ударом прорвать центр построения русских войск, состоявший из солдат Новгородского полка. Шведам удалось потеснить первую линию полка. Заметив это, Петр сам повел второй батальон новгородцев в контратаку и восстановил положение. Между тем конница, находившаяся на флангах, ринулась'в атаку на шведскую кавалерию и прогнала ее с поля битвы. Огромное опустошение рядов атаковавших шведов производила артиллерия. Вот как описывает ее действия современная хроника: «Первой залп учинен от войска царского величества так сильно, что в неприятельском войске от падших тел на землю и ружья из руки убиенных громкой звук учинился, которой внушал, якобы огромные здания рушились».

Шведы дрогнули. Карл, поднятый на руках, сколько ни призывал бегущих остановиться, не смог предотвратить паники. Примерно через два часа сражения шведская армия была наголову разбита. Победа была полной. О напряженности битвы свидетельствует то обстоятельство, что под азартным Меншиковым было убито две лошади, а фетровая шляпа Петра была пробита пулей, другая пуля застряла в седле царя.

Еще не подсчитаны трофеи, еще неизвестны потери свои и неприятельские, еще неясно,'что сталось с королем и где он, «с нами или с отцы нашими», а разгоряченный сражением Петр, не чувствуя усталости после нескольких бессонных ночей, берется за перо, чтобы известить «о зело превеликой и нечаемой виктории».

Среди восьми тысяч шведов, навеки оставшихся под Полтавой, искали и короля. Основанием для поисков послужили

найденные на поле носилки Карла, разбитые ядром. «Неужели не увижу сегодня брата моего Карла?» — допытывался Петр.

Царю так и не довелось увидеть Карла ни «сегодня», ни в последующие годы. В то время, как русские солдаты тщательно осматривали поле боя и близлежащие рощи в поисках живого или мертвого короля, он безостановочно мчался в карете на юг, к Днепру, на правом берегу которого намеревался найти спасение.

В третьем часу дня Петр устроил обед для генералов и старших офицеров, участвовавших в битве. В царский шатер были приглашены и пленные шведские генералы, а также министры. Петр, узнав о хвастливой речи короля, обещавшего своим офицерам обед в шатре русского, царя, обратился к ним с ироническими словами:

— Вчерашнего числа брат мой король Карл просил вас в шатры мои на обед, и вы по обещанию в шатры мои прибыли, а брат мой Карл ко мне с вами в шатер не пожаловал, в чем пароля своего не сдержал. Я его весьма ожидал и сердечно желал, чтобы он в шатрах моих обедал, но когда его величество не изволил пожаловать ко мне на обед, то прошу вас в шатрах моих отобедать.

За этим же обедом царь в шутку произнес тост за здоровье шведских учителей в ратном деле. Первый шведский министр граф Пипер бросил реплику:

— Хорошо же ваше величество отблагодарил своих учителей!

28 июня русские войска с триумфом вошли в Полтаву. Преследовать шведов царь отправил драгун во главе с Меншиковым. Король и остатки армии безостановочно бежали, показывая преследователям спины. Лишь единственный раз они отважились повернуться к ним лицом, пытаясь воспрепятствовать их переправе через речку Кобылячку, но робкое сопротивление тут же было сломлено.

30 июня шведы достигли Днепра у Переволочны. Спасение — на противоположном берегу реки, но лихорадочные поиски средств переправы не увенчались успехом, их своевременно уничтожили русские войска; с трудом удалось обнаружить лишь несколько лодок. На них перевезли Карла XII и его охрану. Король, оставив командование генералу Левенгаупту, отправился искать убежища во владениях Османской империи, то и дело оглядываясь назад — нет ли погони. Погоня была отправлена, но настичь Карла и Мазепу, чуть раньше переправившегося на противоположный берег, она так и не смогла. Незадачливый завоеватель укрылся в Бендерах.

Три часа спустя после бегства короля к Переволочне подоспела конница Меншикова. В общей сложности в его

распоряжении находилось девять тысяч человек, в то время как Левенгаупт располагал шестнадцатью. Князь знал, что перед ним стояла армия, деморализованная поражением под Полтавой и утомленная трехдневным бегством. Знал он также, что шведы не располагали ни артиллерией, ни порохом, ни запасами продовольствия и фуража. Все это вместе взятое и дало ему основания потребовать от Левенгаупта немедленной капитуляции. После продолжительных совещаний с офицерами Левенгаупт решил сдаться. 2 июля прибывшему к Переволочне Петру Меншиков доло-,жил, что сдались в плен 16 295 шведов. Трофеями русских войск оказалось все оружие, снаряжение, пушки, 400 тысяч ефимков в шведской казне и 4300— в мазепинской. Все, что шведы награбили за девять лет непрерывных побед в Польше, а затем в поверженной Саксонии, досталось победителям. Среди пленных находился Левенгаупт.

Пленение остатков шведского войска у Переволочны позволило Петру заявить: неприятельская армия, «толь в свете славная», перестала существовать, «от оной, кроме немногих сот, которые с королем через Днепр перешли, никто не убежал». Полтавская победа стоит в ряду таких великих патриотических подвигов русского народа в истории дореволюционной России, как Куликовская битва и Бородино. Владимирские, московские, вологодские, нижегородские, рязанские, тверские и многие другие крестьяне и горожане, пройдя изнурительный ратный путь от Нарвы до Полтавы, защищая родную землю от иноземных захватчиков, проявили столько героизма и сноровки, что сокрушили одну из лучших в Европе армий. Петр щедро наградил победителей — генералов, офицеров и солдат. В наградах за Полтаву-он ввел новшество — многие участники сражения получили медали: солдаты — серебряные, офицеры — золотые. На их лицевой стороне был изображен портрет Петра, а на обороте — сражение пехоты на фоне Полтавы с надписью: «За Полтавскую баталию».

Графа Гавриила Ивановича Головкина Петр I возвел в канцлеры, Петра Павловича Шафирова — в вице-канцлеры, Репнину, Брюсу и другим генералам пожаловал орден Андрея Первозванного, генерал-лейтенантам Голицыну и Боуру — деревни. Многие генералы и офицеры были повышены в чинах. Но все эти награды не шли ни в какое сравнение с тем, как были отмечены заслуги Меншикова. Светлейшего царь пожаловал чином второго фельдмаршала (первым был Шереметев), а также городами Почеп и Ямполь. И без того уже огромные владения князя увеличились на 43 362 души мужского пола. По числу крепостных он стал вторым после царя душевл а дельцем России.

Этим наградам Меншиков обязан был прежде всего своей близостью к царю. Справедливости ради должно отметить, что все самые яркие страницы истории Северной войны в предполтавский и полтавский периоды написаны при активнейшем участии Меншикова: Калиш, Батурин, Полтава, Переволочна. Никого из соратников Петра нельзя поставить на одну доску со светлейшим по вкладу, лично внесенному в разгром шведов. Наконец царь намеревался увековечить память о победе монументальными сооружениями. Спустя две недели после битвы он отправил Монастырскому приказу повеление основать на месте сражения «в знак и вечное напоминание преславной той виктории» мужской монастырь, построить каменную церковь, а также воздвигнуть памятник. Он должен был выглядеть так: «А пред церковию сделать пирамиду каменную с изображением персоны нашей в совершенном возрасте на коне, вылитую из меди желтой, и под ней бой самым добрым художеством. А по сторонам той пирамиды на досках медных учинить подпись с объяснением всех действий от вступления в Украину того короля шведского и с получением сей баталии».

В обстановке праздничной атмосферы, царившей в лагере под Полтавой, а затем в Решетиловке, «понеже у Полтавы ради духу от мертвых тел и долговременного стояния двух армий великих долее стоять было невозможно», Петр счел, что его личные заслуги в разгроме шведов тоже должны быть отмечены. «Господин фельдмаршал, — обращался полковник «Piter» к Шереметеву, — прошу, дабы вы рекомендовали государям нашим обеим о моей службе, чтоб за оную пожалован был чином рыр (то есть вице) адмиралом или шаутбейнахтом, а здесь в войске ранг, а не чин старшего генерал-лейтенанта. И о первом, как к вам с Москвы указ послан будет, тогда б и к адмиралу о том моем чине указ послан был же от их величества».

Челобитная сочетает шуточное с серьезным. «Государи», к которым по просьбе челобитчика должен был обратиться с представлением Шереметев, — это «князь-кесарь» Федор Юрьевич Ромодановский и Иван Иванович Бутурлин, судья приказа земских дел.

«Государи», разумеется, не заставили себя упрашивать. Ромодановский сообщил Царю, что он пожалован просимыми чинами за «храбрые кавалерские подвиги и в делах воинских мужественное искусство». Петр ответил выражением благодарности. В духе сложившихся отношений между членами «компании» царь свою признательность «князю-кесарю» формулировал так: «И хотя я еще столько не заслужил, но точию ради единого вашего благоутробия сие мне даровано, в чем молю

господа сил, дабы мог вашу такую милость впредь заслужить».

Петр спешит развить успех, нанести новые удары, на этот раз по шведским гарнизонам, расположенным в прибалтийских крепостях, и тем самым принудить упрямого короля к миру.

В середине июля царь отправляет армию под командованием Шереметева в Прибалтику, а сам спешит в Польшу и страны Западной Европы пожинать дипломатические плоды победы.

Навстречу Петру, овеянному славой победителя, спешили союзники, ранее оставившие его в одиночестве. Август II вновь стал польским королем — Станислав Лещинский, получив известие о разгроме войска своего патрона под Полтавой, решил убраться из Польши. По этому поводу Петр иронизировал: «Лещинский бороду отпустил (остался с бородой. — Н. П.) для того, что корона ево умерла».

Петра поздравили Август II и польский сейм в полном составе, представители прусского и датского королей.

Все эти торжественные встречи, высокопарные слова, заискивающие, взгляды, фейерверки, всеобщее признание полководческих дарований не вскружили голову Петру. Он оставался самим собой, сохранив ту же простоту и обыкновение решать дела в непринужденной обстановке за обеденным столом.

Дипломатическая миссия царя завершилась полным успехом. Важнейший результат ее — восстановление Северного союза. Полтавская победа высоко подняла престиж России. Теперь уже при европейских дворах перестали язвить по поводу неудачи под Нарвой и не сомневались ни в военной мощи России, ни в дарованиях полководца, сумевшего разгромить «непобедимых шведов».

Луи Сен-Симон, вельможа французского короля Людовика XIV, записал в своих мемуарах: 1709 год «принес полное изменение положения на севере: упадок, чтобы не сказать уничтожение Швеции, которая так часто приводила в трепет весь север, не раз заставляла дрожать империю и австрийский дом, и необычайное возвышение другой державы, доселе известной лишь по названию и никогда не влиявшей на другие страны, за исключением их ближайших соседей».

Под Полтавой умерла великодержавная Швеция. Под Полтавой же родилась новая великая держава — Россия.

Пока Петр хлопотал о восстановлении Северного союза, Шереметев тем временем осадил Ригу. Царь поручил фельдмаршалу овладеть городом не штурмом, а осадой, полагая, что желаемые результаты будут достигнуты при минимальных жертвах. Получилось наоборот. Затяжная осада города и крепости стоила 9800 жизней русских солдат и офицеров, унесенных

моровым поветрием.

9 ноября 1709 г. по пути из-за границы в Россию Шереметева навестил Петр. Он произвел первые три выстрела по городу и отбыл на родину, где начал подготовку к встрече героев Полтавы. В ближайшие к Москве города были свезены шведы, взятые в плен под Лесной и Полтавой, — в общей сложности 22 085 человек.

Взору толпы, стоявшей вдоль улиц и уже привыкшей к такого рода зрелищам, предстали невиданные до сих пор масштабы парада — такого количества пленных и трофеев еще наблюдать не доводилось.

Парад открывали трубачи и литаврщики в красивом убранстве. За ними следовал батальон Семеновского полка, отличившегося в битве у Лесной. Вслед за ним везли трофеи, взятые у Лесной: пушки, знамена, штандарты. Затем шли плененные в том же сражении шведские офицеры. Замыкал шествие, посвященное Лесной, второй батальон Семеновского полка.

Полтавскую часть шествия открывал Преображенский полк, затем шли плененные под Полтавой офицеры. В промежутке между высшими и низшими офицерами везли взятые у шведов артиллерию и знамена. Среди трофеев находились и носилки Карла XII. Главный трофей Полтавской виктории — министр Карла XII граф Пипер замыкал ряды пленных.

Последним, верхом на том самом коне, на котором он участвовал в Полтавской баталии, с простреленной шляпой на голове, ехал полководец, одержавший блестящую победу, — Петр. Сбоку от него и чуть позади ехал второй герой Полтавы — князь Меншиков.

Несколько дней спустя — новый праздник — встреча Нового года. Новогодние торжества тоже проходили необычно. Зрители были удивлены фейерверком, которому царь, его сочинивший, придал характер пародии на медаль, выбитую шведами после заключения Альтранштедтского мирного договора.

Медаль изображала шведского льва посреди двух колонн, увенчанных коронами. Одну колонну лев повалил. Это был намек на судьбу Польши и ее незадачливого короля. Вторую колонну лев пока только наклонил, и она вот-вот свалится. Под этой колонной подразумевалась Россия.

События, как известно, развивались не совсем так, как они представлялись шведскому королю, — в их ход внес существенные коррективы Петр.

Сначала засветились обе колонны, увенчанные коронами. Лев двинулся на одну из них и опрокинул ее. Но как только лев двинулся к другой, из горящего орла, символизировавшего

Россию, вылетела ракета, насмерть поразившая льва.

1710 год ознаменовался рядом замечательных побед. В марте началась осада мощного Выборга по плану, разработанному Петром. 25 мая царь велел Апраксину: «Как бреши и прочее по моей диспозиции готовы будут, ис которых стрелять надлежит не меньше недели и штурмовать». До штурма дело не дошло, гарнизон капитулировал, и 14 июня Петр вошел в крепость во главе Преображенского полка. В том же году русские войска без труда овладели Ревелем (Таллинном), Эльбингом, Динамюидом, Перновом и Кексгольмом — древнерусским городом Корела. Затяжной оказалась осада Риги. В мае 1710 г. там началась эпидемия чумы. В те времена радикальным средством против распространения заразы считалось установление строжайшего карантина, устройство застав, следивших за тем, чтобы не допускать к войску людей «из моровых мест». Курьеров, в случае крайней нужды прибывавших из армии, надлежало окуривать дымом можжевельника. Такому же окуриванию подлежали и письма.

Эффективность принятых мер была ничтожной. Чума буквально косила как осажденных, так и осаждавших. Современник, находившийся в эти скорбные месяцы в Риге, записал: «Кажется, не хватит живых, чтобы погребать умерших». В городе, наглухо блокированном, стал ощущаться недостаток продовольствия.

Рига капитулировала. Царь писал Шереметеву: «А за труды ваши и всех при вас будущих, зело благодарствую и взаимно поздравляю. И прошу огласить сне мое поздравление всем».

Каждый успех кампании 1710 г. отмечался фейерверком. Датский посол Юст Юль, современник и очевидец событий, отмечал, что во время каждого фейерверка было истрачено больше пороху, нежели при взятии каждой из крепостей.

ПРУТСКИЙ ПОХОД

Близился конец 1710 г. Ничто будто бы не предвещало неприятностей, и Петр уже размышлял о том, как отметить уходящий год, доставивший столько радостей, как из Константинополя курьер привез тревожные новости: Османская империя объявила войну России.

Эта акция султанского двора принадлежит к числу парадоксов истории. В самом деле, в 1708–1709 гг., когда до войск Карла XII было подать рукой и объединенным силам Швеции и Османской империи, быть может, удалось бы сломить сопротивление России, в Константинополе не помышляли о войне.

Теперь же, когда армии султана противостояло опытное войско, сокрушившее Карла XII, в Константинополе сочли, что наступил благоприятный момент, чтобы помериться силами с Россией.

Странность во внешнеполитических зигзагах Османской империи станет понятной, если мы учтем посторонние влияния, которым с каждым десятилетием все больше и больше подвергался султанский двор. Главным подстрекателем, не жалевшим ни слов, ни посулов, был Карл XII, нашедший после полтавского разгрома приют в Османской империи. Он стращал султана тем, что Россия, сокрушив Швецию, направит свою армию на юг и сначала овладеет Крымом, а затем и Константинополем. Не скупился король и на территориальные уступки, благо они ему ничего не стоили: Турции были обещаны принадлежавшие Польше несколько провинций, крепость Каменец, а также 4 миллиона годовой дани.

Открытие военных действий Турцией, по планам Карла, должно было облегчить положение Швеции — России пришлось бы значительную часть своих войск перебросить на юг, следовательно, ее давление на севере станет слабее, и Швеция получит возможность поправить свои дела после катастрофы под Полтавой.

Все эти старания любителей загребать жар чужими руками оказались бы бесплодными, если бы в самой Османской империи не существовало реваншистской группировки, домогавшейся возвращения Азова и земель, отошедших по Константинопольскому договору 1700 г., заключенному Украинцевым.

Для России война была крайне нежелательной прежде всего

потому, что возникал второй фронт, вынуждавший страну еще больше напрягать ресурсы, и без того достаточно истощенные за 10 военных лет. Поэтому Петр предпринимает шаги к улаживанию конфликта с Османской империей, но султан остался глухим к его призывам. Войны на два фронта избежать не удалось. 25 февраля 1711 г. в Успенском соборе в Москве был обнародован манифест об объявлении войны Османекой империи. После молебна Петр в качестве полковника Преображенского полка, обнажив шпагу, сам повел этот полк, отдавая честь проходившим вельможам. В тот же день оба полка отправились на юг, куда из Прибалтики уже давно двигалась армия Шереметева. Царь выехал из Москвы в действующую армию б марта 1711 г. Этому предшествовало событие огромной государственной важности — учреждение Сената.

Сенат был образован указом 2 марта 1711 г. Он заменил старинную Боярскую думу. Чем не устраивала Петра Боярская дума, в чем смысл и значение проведенной реформы?

Ответ на эти вопросы дал еще В. И. Ленин. Вдумаемся в его слова: «Монархия XVII века с боярской думой не похожа на чиновничьи-дворянскую монархию XVIII века». Следовательно, отличие монархии XVII в. от монархии XVIII в. состояло в том, что первой сопутствовала Боярская дума, в то время как характерной особенностью второй являлось управление страной при помощи дворян-чиновников.

В комплектовании Боярской думы сложились определенные традиции. Это было учреждение аристократическое. Именно отпрыски родовой знати, или, как тогда говорили, породных людей, шаг за шагом поднимались по ступенькам карьеры, пока не достигали чина боярина. Бояр, таким образом, поставляло ограниченное числр фамилий. Исключение допускалось только в отношении родственников царицы — отцу ее и братьям царь сразу же после свадьбы сказывал боярство.

Боярский чин был пожизненным. Если боярин попадал в опалу, то его, как правило, отстраняли от двора и отправляли в какой-либо глухой уезд воеводой. Такой опальный сохранял за собой чин боярина.

Сложившиеся традиции пожалования в бояре приводили к тому, что в высшем правительственном учреждении находилось немало людей, которые могли похвастаться только породой, а остальные качества, необходимые для управления огромной страной, у них отсутствовали.

Царь, однако, был лишен возможности неспособного боярина заменить другим представителем дворянства, более одаренным и подготовленным.

По-иному происходило комплектование Сената. Сенатор — не чин, а должность. Назначения в Сенат, как и освобождение от присутствия в нем, производились царем, руководствовавшимся при этом отнюдь не породой, а способностями кандидата в сенаторы. В итоге зависимость сенатора от царя была неизмеримо большей, чем у боярина. В этом проявилась одна из черт утверждавшейся в России абсолютной, т. е. неограниченной, монархии.

Отмеченные особенности Сената выкристаллизовались много позже, а сейчас мартовским указом 1711 г. этот орган власти создавался в спешке, без четких представлений о его правах и обязанностях. Уже первая фраза указа у историков вызывала и вызывает споры о том, каким учреждением представлялся царю Сенат: временным или постоянным. Она гласила: «Определили быть для отлучек наших Правительствующий сенат для управления».

Из текста явствует, что учреждение создавалось «для отлучек наших», т. е. на время пребывания царя вне столицы, в данном случае в походе к границам Османской империи. На деле Сенат продолжал существовать и после возвращения Петра из похода. Более того, Сенат принадлежал к числу самых долговечных учреждений, созданных Петром, — он был упразднен лишь в результате Великой Октябрьской социалистической революции.

Не сразу сложились обязанности Сената. Сохранилось три редакции указа с перечислением поручений Сенату на время отсутствия царя. В окончательной редакции Петр повелевал этому учреждению наДлюдать за правосудием и расходованием денег. В указе была помещена крылатая фраза: «Деньги суть артериею войны». Далее перечислялись пути увеличения денежных поступлений в казну. По мнению Петра, следовало «потщиться» о повышении прибыли от продажи соли, расширить торговлю с Китаем и Ираном.

Круг вопросов, которые должен был решать Сенат, как видим, был сравнительно узок — в указе, например, ничего не сказано о взимании налогов, наборе рекрутов, строительных работах государственного значения и т. д. и т. п. Этого рода обязанности возлагались на Сенат позже, в процессе его деятельности.

Более четко были определены права высшего учреждения: «всякий их указам да будет послушен так, как нам самому, под жестоким наказанием или смертию, по вине смотря». Даже указы, наносившие ущерб государству, надлежало выполнять безоговорочно, «до нашего возвращения». Впрочем, и в определении прав Сената ничего не сказано о месте этого учреждения в государственном механизме, об отношении к нему

всех прочих учреждений страны.

Указ об учреждении Сената содержал пункт о создании в стране неведомой ранее должности с иностранным названием — фискалов. О них сказано было глухо: «Учинить фискалов во всяких делах, а как быть им, пришлетца известие». Такое «известие» Петр прислал через три дня — 5 марта 1711 г. В нем было сказано об обязанностях нового должностного лица: «Дела же его сие суть: должен он над всеми делами тайно надсматривать и проведывать про неправой суд, также и в сборе казны и протче-го. И кто неправду учинит, то должен позвать его перед Сенат (какой высокой степени ни есть) и тамо его уличать. И буде уличит кого, то половина штрафа в казну, а другая ему, фискалу». Итак, фискал должен был осуществлять негласный, тайный надзор над всем и вся. Задача фискала состояла не в предупреждении преступления и не в пресечении его в самом зародыше, а в регистрации уже совершенного преступления и разоблачении преступника.

Вместо жалованья фискал получал половину штрафа, взимавшегося с виновника. Рукою Петра был вписан пункт, освобождавший фискала от ответственности за неправый донос: «Буде же и не уличит (не докажет виновность. — Я. П.) отнюдь фискалу в вину не ставить, ниже досадовать под жестоким наказанием и разореньем всего имения». Промысел фискала обеспечивал его безбедной жизнью, и никакая беда не подстерегала его, даже если он явно клеветал. Поставленный на страже законности и справедливости, фискал сам попирал справедливость.

Полная безнаказанность фискала, неограниченные возможности для его произвола вызвали враждебное отношение к этой должности со стороны всех слоев. Устюжские фискалы жаловались на то, что их всячески поносят и называют не фискалами, ' а свисталами. Некоторые из сенаторов величали их антихристами и плутами.

Осуждали должность фискалов и церковные иерархи, причем местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский отважился публично, в проповеди, высказать протест против безнаказанности фискалов. Свои рассуждения на этот счет он заключил выводом: «искал он моей головы, поклеп на меня сложил, а не довел (не доказал.—Я. Я.) — пусть положит свою голову».

Публичное слово Стефана Яворского вызвало гнев царя, и местоблюстителю пришлось потом перед ним оправдываться. Тем не менее царь вынужден был внять доводам Стефана Яворского, и в 1714 г. он издал указ, установивший фискалу за неправый

донос кару, которую довелось бы учинить обвиняемому, если бы обвинение было доказано. Восторжествовал принцип, изложенный Яворским: «Искал он моей головы… а не довел, — пусть положит свою голову».

Должность фискала могла возникнуть только в абсолютистском государстве, где народ безмолвствовал и отсутствовала какая бы то ни было общественная инициатива и гласность. Сама форма контроля за деятельностью чиновников тоже была негласной, тайной.

Создание Сената и учреждение фискалов положило начало реформам высших и центральных учреждений. В последующие годы, когда накал борьбы на театре военных действий спадет, Петр продолжит административные преобразования, придав им более целенаправленный характер.

Распорядившись относительно Сената и фискалов, царь отправился к армии, имея готовый план военных действий. Суть его состояла в том, чтобы громить неприятеля не на своей, а на вражеской территории. Для этого Петр располагал, по крайней мере, двумя вескими основаниями. Одно состояло в том, что всем были известны бесчинства крымских татар и османов, и если им представится возможность для вторжения на русские земли, начнется повальный грабеж, увод скота, пленение гражданского населения с целью последующей продажи пленных на невольничьих рынках, предание огню населенных пунктов и т. д. Другой довод, не менее важный, состоял в том, что Петр рассчитывал на присоединение к русской армии валашского господаря Бран-кована и молдавского господаря Кантемира.

Царь полагал, что вслед за этим против османских поработителей восстанут другие христианские народы — сербы и, особенно, болгары.

Но для того, чтобы Бранкован и Кантемир стали союзниками России, а болгары и сербы с оружием в руках выступили против османского гнета, надобно было, чтобы русская армия раньше османской достигла Дуная. Вот почему Петр то и дело напоминал Шереметеву «ити с поспешанием», «дабы вы немедленно отправили полки в марш в назначенные места», «А маршировать весьма нужно, понеже, ежеле пехота не поспеет, а неприятель на одну конницу нападет, то не без великова страху».

Сколько ни старался фельдмаршал достичь «указных мест» в сроки, намеченные Петром, сделать ему это не удавалось. Причиной опоздания являлась не только природная медлительность фельдмаршала, но и ряд неблагоприятных условий, крайне усложнявших марш русской армии.

Историки не располагают сведениями о том, как русская

армия преодолевала огромное расстояние к берегам Дуная, но в их распоряжении имеется походный журнал самого Шереметева, по которому можно судить о трудностях пути.

Шереметев оставил Ригу позже армии — 11 февраля. Ему пришлось преодолевать расстояние, пересаживаясь из кареты в лодку и с лодки вновь в карету. Причина тому — необычайно рано наступившая весна и бурные паводки. В конце февраля Походный журнал пестрит такими записями: «Великая теплота и снег, и дождь». Наконец мокрые снегопады и дожди прекратились, но половодье вызвало" такой разлив рек, что во многих местах единственным средством передвижения были лодки. Все это задержало фельдмаршала в Минске на 16 дней. Заметим, что Шереметев двигался налегке. Можно лишь догадываться, насколько трудно было преодолевать расстояние десяткам тысяч солдат и офицеров, обремененных обозом, артиллерией.

Другая трудность была обусловлена обеспечением армии продовольствием и фуражом. По обыкновению продовольствие добывали в районе, где дислоцировалась армия, либо в местах, по которым она маршировала. В данном случае источником снабжения провиантом и фуражом, должна была стать Украина.

Но ресурсы Украины были ограниченными: недород предшествовавшего года и массовый падеж скота привели к тому, что «у многих крестьян, как доложил киевский губернатор, ни хлеба, ни соли обретается».

Характерно, что много путевых невзгод довелось испытать и царю. Отправился он не один, а вместе с супругой — Екатериной Алексеевной. Перед отправлением в поход состоялась помолвка, а царицей она стала после возвращения в Россию.

Екатерина в письме Меншикрву из Слуцка объясняла задержку ответа «злым путем, который мы до здешнего места имели, так и за болезнию господина контра-адмирала», т. е. Петра. То же самое сообщал адмиралу Апраксину кабинет-секретарь Алексей Васильевич Макаров, находившийся в свите царя. Как и Екатерина, он оказался тоже неисправным корреспондентом «ради двух причин: первое что от злого пути нимало себе не имели времени, ибо от Слуцка с 60 миль ехал, и не было такова дни, в котором бы по горло в воде на переправах не были»; вторая причина — болезнь царя.

Существует не соответствующее истине мнение о богатырском телосложении и столь же богатырском здоровье царя. И то и другое утверждение можно проверить. Если Вам когда-нибудь в Эрмитаже доведется видеть «восковую персону» Петра — манекен, изготовленный в соответствии с измеренными

частями тела умершего царя, или мундиры Петра, то Вам обязательно бросятся в глаза непропорционально узкие плечи всех экспонируемых мундиров… От долгого хранения сукно село, но, независимо от усадки, фигуру царя никак не назовешь богатырской.

Точно так же обстояло дело и со здоровьем. Редко в какой год он не болел, причем иной раз настолько серьезно, что находился при смерти. Такое, например, случилось в весну 1705 г., когда он из Москвы намеревался выехать в Полоцк к войскам, но в день выезда заболел. Почувствовав облегчение на следующий день, он отправился в путь, однако оказалось, что «чрез-дневная лихорадка протекала в острой форме», и пришлось задержаться в Москве почти на целый месяц.

Тяжелую болезнь Петр перенес и летом 1707 г., когда находился в Варшаве. Сам он об этой болезни писал так: «Я только футов на пять был от смерти: в самый Ильин день уже и людей не знал, и не знаю как бог паки велел жить — такова была жестокая фибра (лихорадка.^ Я. П.), от которой теперва еще вполне в себя не могу притйть». Опасно царь заболел и находясь в пути в армию. Болезнь настолько измотала его, что он должен был учиться ходить.

В письмах-указах Петра 1711 г. самым употребительным словом было «поспешать». В июне спешить было уже некуда — все равно опоздали. В день, когда Петр прибыл в лагерь русских войск— 12 июня, османские войска навели мосты через Дунай и готовы были форсировать реку, чтобы идти навстречу русской армии, только еще начинавшей строить переправу через Днестр.

Теперь со страниц писем царя к Шереметеву и в переписке генералов между собой не сходили слова «провиант», «хлеб», «мясо».

12 июня Петр полушутя-полусерьезно писал Шереметеву: «О провианте, отколь и каким образом возможно, делайте, ибо когда солдат приведем, а у вас не будет что им есть, то вам оных в снедь дадим». Но фельдмаршалу было не до шуток. 16 июня он отвечал царю: «Я в провианте с сокрушением своего сердца имел и имею труд, ибо сие есть дело главное». Однако между сознанием того, что обеспечение армии провиантом «есть дело главное», и возможностью раздобыть этот провиант — дистанция, как говорится, огромного размера.

Шереметев уже в начале июня испытывал недостаток в продовольствии: «Оскудения ради хлеба, начинали есть мясо… Так же зело имею великую печаль, что хлеба взять весьма невозможно, ибо здешний край конечно разорен». В других соединениях и того хуже: «уже пять дней, как ни хлеба, ни мяса».

Трудности с продовольствием — результат несбывшихся надежд на помощь валашского и молдавского господарей. Правда, молдавский господарь Кантемир организовал в Яссах дружескую встречу войскам Шереметева и перешел на сторону России, но реальный вклад его в борьбу с османами был значительно скромнее того, на что рассчитывал царь. Приведенные им отряды оказались не полностью укомплектованными, но, кроме того, Кантемиру не удалось организовать продовольственных магазинов в Яссах. Что касается валашского господаря Бранкована, то он не только не выполнил взятых на себя обязательств, но и вероломно изменил России, выдав все планы кампании османскому везирю.

Эффект борь0ы сербов тоже был невелик, во всяком случае, эта борьба не оказала существенного влияния на ход кампании. Развертывание этой борьбы находилось в прямой зависимости от присутствия русских войск на Дунае, но они туда опоздали.

Недостаток продовольствия — не единственное испытание, выпавшее на долю русских войск. Военно-походный журнал Шереметева в дни перехода армии от Днестра к Пруту изобилует записями типа: «зело жаркий день». В течение немногих дней была выжжена трава, что лишило лошадей подножного корма. То, что не успели сделать палящие лучи солнца, довершила саранча. В итоге — гибель лошадей, усложнившая продвижение вперед.

Войскам, кроме того, довелось испытать недостаток воды. «Вода была, однакож самая худая: не токмо что людям пить, но и лошадям не мочно, ибо многий скот и собаки, пив, померли тут». Вот картинка с натуры, нарисованная датским послом Юстом Юлем со слов царя: «Царь передавал мне, что сам видел, как у солдат от действия жажды из носу, из глаз и ушей шла кровь, как многие, добравшись до воды, опивались ею и умирали, как иные, томясь жаждою и голодом, лишали себя жизни».

Согласно сведениям Кантемира, переданным Шереметеву, на Дунае находилось около 40 тыс. османов и какое-то количество крымских татар. Кантемир полагал, что дней через десять количество османов достигнет 50 тыс. человек. Эту цифру называли ' в письмах адмиралу Апраксину от 30 июня сразу два корреспондента: Головкин и Шафиров.

Шереметев располагал и другими сведениями. Два «шпига», направленные в Бендеры «для проведывания тамошнего состояния и взятья подлинной ведомости о турках и татарах», в рас-, спросных речах 28 июня показали, что в распоряжении везира находилось «тысяч с двести» турок и татар. Правда, оба лазутчика тут же добавили, что «подлинно про то они не знают для того, что сами там не были». Они поручились за точность

сведений о событиях в Бендерах, которые сами наблюдали. Видимо, поэтому сообщениям «шпигов» не придали должного значения.

Итак, ни царь, ни фельдмаршал не располагали точными сведениями о численности неприятеля. Относительно планов османского везира и боевого духа его армии у русского командования тоже были смутные представления. Вице-канцлер Петр Павлович Шафиров, сопровождавший царя постоянно, был человеком в высшей степени осведомленным. Он писал адмиралу w Апраксину: «О неприятеле имеем ведомость, что хотя великий везир с несколькими войсками к Дунаю пришел и по сю сторону Дуная транжамент сделал и некоторую инфантерию осадил, но перейдет ли сюда со всею своею армиею и будет ли при сближении войск его царского величества стоять (хотя многие в том зело сомневаются), о том время явит». Этими сведениями Шафиров располагал на 18 июня.

В уши царя и его главнокомандующего со всех сторон жужжали о страхе османов перед русскими войсками. Долгорукий в донесении царю от 30 мая 1711 г. писал, что взятые в плен османские шпионы сказывали, что «турки не имеют куражу и сами себе пророчествуют гибель».

Войска Шереметева, подошедшие к Пруту, представляли не всю армию, находившуюся в походе, а примерно ее третью часть. Две дивизии^ а также оба гвардейские полка, сопровождавшие царя, вследствие затруднений с продовольствием и фуражом, находились в разных местах. Соединиться в единый кулак их заставили сведения, полученные 7 июля, о том, что османские войска находятся в шести милях от лагеря Шереметева и что конница крымских татар во главе с ханом уже соединилась с османами. Тогда последовала команда всем дивизиям подойти к лагерю Шереметева.

В воскресенье, 8 июля, пленный татарин сообщил, что везирь (командующий османскими войсками. — Я. Я.) наметил сражение на 10 июля. В тот же день стала известна численность неприятельских войск —140 тысяч человек, в то время как в русской армии едва насчитывалось 40 тысяч.

Сражение, однако, началось не 10, а 8 июля. С высот, окружавших русский лагерь, казалось, что достаточно небольших усилий и этот лагерь станет добычей их, янычар и татар.

Сражение в общей сложности продолжалось 36 часов — весь день 8 июля — и возобновилось вечером после двухчасового перерыва. Бывали моменты, когда османы вплотную подступали к рогаткам и, казалось, были близки к тому, чтобы смять русский лагерь, благо их было почти вчетверо больше, чем русских.

Однако губительный огонь артиллерии охлаждал пыл янычар и татар.

Ранним утром 10 июля по повелению Петра из Посольской канцелярии в османский лагерь был отправлен парламентер, но ответа не последовало. Затем в расположение неприятеля отбыл дипломат Петр Павлович Шафиров. Одновременно, в русском лагере, на тот случай, если везирь откажется от переговоров, шла лихорадочная подготовка к генеральному сражению.

Шафиров поначалу донес, что османы не склонны к перемирию, но затем сообщил о начале переговоров. Он уполномочен был царем ради заключения мира вернуть все завоеванные территории не только османам, но и шведам. Более того, царь готов был уступить шведам даже Псков, а «буде же того мало, то отдать и иные провинции».

11 июля — едва ли не кульминационный день Прутской эпопеи. В обоих лагерях не раздалось ни единого выстрела. Но эта тишина была обманчивой. За ней скрывалось напряженное ожидание результатов переговоров и столь же напряженная подготовка к выходу из мышеловки, в которой оказались русские войска. Шафиров получил новые указания Петра: «ежели подлинно будут говорить о мире, то ставь с ними на все, кроме шклав-ства» (рабства. — Н. П.).

Сколь беспокойной и нервной была обстановка в русском лагере, свидетельствует то обстоятельство, что 1Г июля состоялось два военных совета. На первом из них было решено: если неприятель потребует сдачи в плен, то это требование отклонить и двинуться на прорыв кольца блокады. Второе заседание совета наметило конкретный план выхода из окружения: было решено освободиться от всего лишнего, стеснявшего мобильность армии, «за скудостию пулек сечь железо на дробь», «лошадей артиллерийских добрых взять с собою, а худых не токмо артиллерийских, но и всех — побить и мяса наварить или напечь», наличный провиант поделить поровну.

К счастью, этот план не пришлось проводить, в жизнь. После окончания' военного совета к царю прибыл Шафиров с известием, вызвавшим вздох облегчения: ему удалось заключить мир. Он не потребовал от России сколь-либо значительных жертв: османам пришлось вернуть лишь Азов, срыть Таганрог и Каменный Затон. Россия обязалась не вмешиваться в польские дела. Русские, кроме того, должны были обеспечить безопасный проезд Карл, а XII в Швецию.

Условия договора привели шведского короля в бешенство. Как только ему стало известно о подписании договора, он прискакал в ставку везиря и, распалившись, потребовал от него

20–30 тысяч отборных янычар, чтобы привести в османский лагерь пленного русского царя. Упрек шведского короля — «Для чего ты без него с его царским величеством мир учинил?» — не вывел везиря из равновесия, и тот ему резонно намекнул на поражение, нанесенное русскими войсками шведам под Полтавой: «Ты их уже отведал, а мы их видели; и буде хочешь, то атакуй, а я миру, с ними поставленного, не нарушу». Так ни с чем король вернулся в свою ставку.

Чем объяснить податливость османского везиря, согласившегося поставить свою подпись под договором, предусматривавшим совсем необременительные для России условия мира? Во всяком случае эти условия не вытекали из критического положения, в котором находилась русская армия на Пруте, и не соответствовали ему.

Молва связывала успех миссии Шафирова со стараниями и щедростью супруги Петра Екатерины Алексеевны — она будто бы сняла с себя все драгоценности и велела пойти на такую же жертву всем офицерским женам, чтобы собранные таким способом богатства вручить везирю. Этот слух, однако, не подтверждается источниками, внушающими доверие.

Никакой таинственности и загадочности здесь нет. В основе наших суждений о положении в русском лагере лежат документы отечественного происхождения. Если мы внимательно присмотримся к источникам, характеризующим состояние османской армии, то окажется, что это состояние было далеко не блестящим.

Английский посол в Константинополе Суттон доложил своему правительству: «Очевидцы этого сражения говорили, что если бы русские знали о том ужасе и оцепенении, которое охватило турок, и смогли бы воспользоваться своим преимуществом, продолжая артиллерийский обстрел и сделав вылазку, турки, конечно, были бы разбиты». Один турецкий паша заявил, что их изумила «твердость» русских войск и что они предпочли избавиться от соседства с ними, так как сражение будет стоить им много жизней. Кстати, страх перед русской артиллерией среди янычар был столь велик; мчто они утром 10 июля отказались выполнять приказ везиря об атаке, заявив, что «они наступать не хотят и против огня московского стоять не могут». Янычары требовали от везиря быстрейшего заключения мира.

Современников при оценке событий гипнотизировало четырехкратное превосходство османов. Но боевые качества неприятельского войска стояли неизмеримо ниже боеспособности русской регулярной армии.

Несомненно, что результат Прутского похода оставил у царя неприятные воспоминания на всю жизнь. В «Гистории Свейской войны» сказано, что «сей марш против турков зело отчаянно учинен». Есть и признание, «что зело бедственен сей случай и' печален», — но странная логика заложена в рассуждении относительно того, что если бы русские войска одержали на Пруте победу, то эта победа принесла бы новые невзгоды: «ежели б получили викторию над неприятелем, тогда бы еще далее зашли и более бы прежде помянутому Иуде поверили и тако без сомнения злее было». Под Иудой здесь подразумевался Бранкован, много помощи обещавший Петру, но переметнувшийся на сторону турок.

С походом на Прут связано еще одно загадочное событие, в тайну которого вряд ли удастся когда-либо проникнуть. Речь идет о завещании Петра, якобы составленном им 10 июля, то есть в кульминационный день Прутской эпопеи: «Господа Сенат! Сим извещаю вам, что я со своим войском без вины или погрешности со стороны нашей, но единственно только по полученным ложным известиям, в четырехкраты сильнейшею турецкой силою так окружен, что все пути к получению провианта пресечены и что я без особливыя божия помощи ничего иного предвидеть не могу, кроме совершенного поражения, или что я впаду в турецкий плен. Если случится сие последнее, то вы не должны меня почитать своим государем и ничего исполнять, что мною, хотя бы по собственному повелению, от вас требуемо, покамест я сам не явлюся между вами в лице своем. Но если я погибну, и вы верные известия получите о моей смерти, то выберите между собою достойнейшего мне в наследники».

Подлинника письма-завещания не сохранилось. Оно было впервые опубликовано на немецком языке в 1785 г. известным собирателем преданий и рассказов о Петре (в XVIII в. они назывались анекдотами) Яковом Штелиным. На русском языке завещание появилось в печати в 1786 г.

Отсутствие подлинника возбудило среди историков полемику, продолжающуюся до наших дней. Одни считали письмо подделкой, ссылаясь на некоторые, по их мнению, несообразности в его содержании. Известный историк прошлого столетия Н. Г. Устря-лов обратил внимание на то обстоятельство, что Петр не мог поручить Сенату избрать преемника в случае своей гибели, ибо у него был прямой наследник — царевич Алексей, отношения с которым к 1711 г. еще не достигли такой остроты, чтобы царь лишил его престола.

Крупнейший историк дореволюционной России С. М. Соловьев не согласился с доводами Устрялова и полагал, что нет

оснований «решительно отвергать» достоверность завещания. Известный 'знаток петровского времени Е. П. Подъяпольская решительно встала на сторону тех, кто считает письмо достоверным.

Спор может продолжаться бесконечно, и утвердиться в мнении, что автором письма действительно являлся Петр, можно только в том случае, если будет обнаружен подлинник, ибо каждому логическому доводу в пользу достоверности письма можно противопоставить такой же логический довод в пользу его подложности.

Можно лишь ограничиться постановкой в известной мере риторического вопроса: мог ли написать (в точности не знаем — написал ли) такое завещание Петр, соответствует ли содержание письма его взглядам и представлениям о роли государя в государстве? Ответ можно дать только утвердительный. От Петра, много раз повторявшего, что бегство с поля боя ставит труса вне общества*, неоднократно подчеркивавшего, что он, царь, наравне с другими несет бремя службы и не жалеет «живота своего», заявлявшего, что «ему житие своего недорого, только бы жила Россия», такого письма можно было бы ожидать. И все же мы "склонны присоединиться к историкам, считающим письмо Петра подложным, сочиненным автором «Подлинных анекдотов о Петре Великом» Я. Штелиным, пустившим в обиход немало вымыслов о жизни и деятельности Петра.

Как бы там ни было, но Прутский поход закончился неудачей. Вместо победной реляции Петру пришлось отправлять предписания азовскому губернатору о передаче крепости османам и разорении Таганрога, а киевскому губернатору — о разорении Каменного Затона. Сенаторы, привыкшие получать с театра военных действий известия об очередных успехах, довольствовались на этот раз следующим посланием Петра: «Сие дело хотя и не без печали, что лишиться тех мест, где столько труда и убытков положено, однакож, чаю, сим лишением другой стороне великое укрепление, которая несравнительно прибылью нам есть». Под «другой стороной» подразумевалась война со Швецией, на которой теперь можно было сосредоточить все усилия и ресурсы.

ГАНГУТ. СТРОИТЕЛЬСТВО «ПАРАДИЗА»

Под Полтавой и Переволочной Швеция потеряла самую боеспособную часть своей армии. В кампанию 1710 г. в Прибалтике эти потери увеличились еще более. В распоряжении Карла XII, на много лет засидевшегося в Бендерах, находился лишь корпус, расположенный в шведской Померании, единственной территории на континенте Европы, все еще остававшейся за Швецией. И тем не менее коренные земли Швеции были неуязвимы для России, и это обстоятельство давало основание Карлу XII отклонять мирные инициативы Петра, а шведскому сенату безропотно и беспрекословно выполнять предписания короля, требовавшего от страны новых жертв.

Чтобы опровергнуть самоуверенность шведского короля, необходим был флот. Эту потребность России великолепно усвоил Петр, и поэтому едва ли не главную задачу ближайших лет после Прута он видел в создании мощного военно-морского флота.

Военно-морским флотом Россия к этому времени располагала, но он состоял не из тех кораблей, которые могли совершать наступательные операции в открытом море или успешно осуществить высадку десанта на шведскую территорию. Для этого необходимы были линейные корабли, вооруженные многими десятками пушек разных калибров. Таких кораблей в русском флоте насчитывались единицы, хотя мелких судов, предназначенных для каботажного плавания и оборонительных операций, было в избытке. Единственная верфь в стране, выпускавшая корабли крупных размеров, — Адмиралтейская в Петербурге — работала с огромным напряжением, численность занятых на ней работников в иные годы достигала 10 тысяч человек, но она не могла в ближайшие годы пополнить Балтийский флот необходимым количеством судов.

Был еще один способ комплектования флота новыми боевыми кораблями — приобретение их за границей.

Ради ускоренного создания флота Петр не пренебрегал и этим способом.

В 1711 г. царь отправил за границу своего агента — выходца из аристократической фамилии Федора Салтыкова, владевшего корабельным мастерством. Ему было велено «вести себя везде инкогнито за дворянина российского, в корреспонденции иметь

надлежащую осторожность, обо всем писать цифирью (шифром! — Я. Я.)». Тайное поручение Салтыкова состояло в закупке кораблей в портах морских держав. Главное руководство операцией царь возложил на своего посла в Амстердаме Бориса Ивановича Куракина. Петр напоминал ему о важности поручения: «Прошу вас, чтобы гораздо трудились в покупке кораблей, ибо наша ныне война вся в том состоит».

Салтыков уже в 1712 г. сторговал 10 кораблей. Правда, осмотр части из них не привел царя в восторг. Глаз опытного кораблестроителя обнаружил в них существенные недостатки, по качеству они оказались хуже кораблей отечественной постройки. Они, по оценке Петра, «достойны звания приемышей, ибо… гораздо малы пред нашими», а главное, «тупы на парусах», т. е\ имели медленный ход.

Молодой Балтийский флот участвовал в Финской кампании 1712–1713 гг. Он обеспечивал как высадку десантов, так и снабжение их боеприпасами и продовольствием. Один из таких рейсов сопровождался потерями: корабли попали в лебывалой силы шторм, три галиота затонули, экипажи двух из них погибли. Сообщая об этих потерях, Петр писал: «Нептун некоторую пошлину взял».

Итак, Балтийский флот набирал силу. Своему детищу царь уделял исключительное внимание, он частый гость главной базы русского флота, расположенной на острове Котлине. Там он проводил целые недели, устраивал смотры, учебные сражения, упражнял офицеров и матросов в выполнении морских команд.

К 1714 г. Балтийский флот настолько окреп, что вооружил Петра уверенностью в способности его помериться силами с шведами на море. Царю приписывают слова: «Теперь дай боже милость свою! Пытаться можно». Такая попытка и была совершена летом 1714 г., когда у мыса Гангут на пути русского галерного флота, доставлявшего продовольствие в Або, встала шведская эскадра- в составе 16 крупных кораблей, 8 галер и 5 других судов.

После рекогносцировки местности и расположения кораблей шведской эскадры Петр разработал оригинальный план операции: было решено в узкой части полуострова Гангут устроить «переволоку» из бревен для перетаскивания легких судов на противоположный берег. Шведы попались на удочку. Для противодействия намерениям русских они разделили эскадру на две части. Смысл операции, задуманной Петром, как раз и состоял в том, чтобы принудить противника раздробить свои силы.

Штиль способствовал успеху операции. В то время как

шведские корабли были лишены возможности маневрировать, русское командование «по многим воинским советам» беспрепятственно направило сначала 20, а затем еще 15 галер в тыл.

Шведы непрерывно палили из пу полезная трата пороха и ядер: галеры оі мости корабельной артиллерии неприятеля.

Знаменитое Гангутское сражение началось в середине дня 27 июля по сигналам, исходившим от адмирала Апраксина: на флагмане был поднят синий флаг и раздался пушечный выстрел.

Авангард русского флота под командованием контр-адмирала Петра Михайлова, т. е. царя, атаковал не всю шведскую эскадру, а блокированный отряд контр-адмирала Эреншильда, командовавшего эскадрой. В состав этого отряда входил фрегат «Элефант» и десять более мелких кораблей. Шведы располагали превосходством в артиллерии—116 пушками против 23, но это нисколько не смутило Петра.

Два часа шведы успешно оборонялись, но затем атаковавшие взяли корабли на абордаж. «Воистину, — вспоминал об этом сражении Петр, — нельзя описать мужество наших, как начальных, так и рядовых, понеже абордированье так жестоко чинено, что от неприятельских, пушек несколько солдат не ядрами, но духом пороховым от пушек разорваны».

Эреншильд пытался бежать на лодке, но был захвачен в плен. Этим трофеем царь особенно гордился, ибо в Северной войне и в войне за испанское наследство между западноевропейскими державами это был единственный случай пленения флагмана.

Кровопролитное сражение закончилось полной победой русского флота. Она была одержана на глазах у шведской эскадры, которая из-за штиля могла лишь наблюдать за ее катастрофическим исходом, но оказать помощь своему флагману оказалась не в состоянии. Успех русского флота вызвал панику в столице Швеции — двор начал эвакуироваться из Стокгольма.

Петр сравнивал Гангутскую победу с Полтавской викторией. Конечно же, он, питая слабость к флоту, преувеличивал значение морской победы, ибо ее последствия не шли ни в какое сравнение с результатами победы под Полтавой: у стен Полтавы Швеция лишилась цвета своей армии, у Гангута ей удалось избежать такой же судьбы своего флота.

Тем не менее недооценивать значения морской виктории не приходится — она возвестила миру о рождении морской державы, то есть страны с сильным военно-морским флотом.

Морская победа вызвала две церемонии. Одна из них была связана с чествованием победителей, другая — с чествованием царя. Первая отличалась пышностью и торжественностью, вторая

— скромностью.

9 сентября 1714 г. население новой столицы встречало участников Гангутской виктории. В Неву вошли расцвеченные флагами три русские галеры. За ними следовали захваченные шведские корабли. Затем показалась командирская галера контр-адмирала Петра Михайлова. Процессию заключали две галеры с солдатами.

Парад был продолжен на суше. Победители несли знамена, за ними следовали пленные, среди которых находился и Эреншильд. Шествие замыкал Преображенский полк во главе со своим полковником — Петром. По случаю торжества была сооружена триумфальная арка с замысловатыми изображениями. Одно из них выглядело так: орел сидел на спине слона. Надпись гласила: «Русский орел мух не ловит». Это был намек на пленение флагманского корабля, имевшего название «Элефант» (слон).

Другая церемония происходила в Сенате, без присутствия посторонних. В окружении сенаторов в царском кресле восседал «князь-кесарь» Ромодановский. Контр-адмирал Петр Михайлов испросил разрешения войти в зал, чтобы отрапортовать об одержанной победе и передать рекомендательное письмо адмирала Апраксина о повышении чином.

После прочтения письма Ромодановский, не отличавшийся красноречием, произнес всего два слова: «Здравствуй, вице-адмирал!» Этим и закончилась процедура получения царем чина вице-адмирала.

Если комплектование флота и обучение личного состава доставляли Петру удовлетворение, то взаимоотношения с союзниками, как и военные действия союзных армий, приносили сильные огорчения.

Выше упоминалось, что единственным владением Швеции в континентальной Европе являлась Померания. Именно оттуда и решено было изгнать их совместными действиями союзных армий.

Надежды на дружные действия союзников рухнули вскоре же после того, как в Померанию прибыл русский корпус под командованием Меншикова. Разногласия между союзниками выявились с первых дней осады Штральзунда и Штеттина. Датский король не спешил обеспечить осаждавшее войско артиллерией, без которой они бесплодно топтались у стен крепостей.

Летом 1712 г. в Померанию прибыл Петр. Но и его усилия добыть артиллерию не увенчались успехом. «Зело зело жаль, что время проходит в сих спорах», — отозвался царь о своих переговорах с датчанами. Разгневанный, он отправляет датскому

королю грамоту, в которой писал: «Я сам сюда прибыл, не щадя здоровья своего, ради общих интересов. Войско мое стоит праздно, так как обещанной артиллерии нет». Он тщетно пытался убедить датского короля, что Россия не рассчитывает на территориальные приобретения в Померании, что войска туда прибыли для выполнения своих союзнических обязательств.

Северный союз переживал трудные недели своего существования. Его уберег от распада Петр, хотя и выражавший крайнее недовольство Действиями союзников («Я не могу ночи спать от сего трактованья», — писал он Меншикову), но в переговорах с ними проявивший максимум выдержки и терпения.

Позиция Петра объяснялась заинтересованностью России не столько во вкладе в борьбу со Швецией Польши и Саксонии, сколько Дании, располагавшей сильным военно-морским флотом. Поэтому он сквозь пальцы смотрел на проволочки датского короля, на его готовность изменить союзу, если шведы предложат ему мало-мальски приемлемые условия мира. Петр с датчанами не разрывает, так как, рассуждал он, они «для моря зело нужны».

Обнаружив безрезультатность своих хлопот, Петр оставляет командование войсками Меншикову, а сам отбывает в Карлсбад на лечение. Князю он то и дело внушал «с датским двором как возможно ласково поступать, ибо хотя и правду станешь говорить без уклонности — за зло примут». В другом письме царь наставлял князя: «Правда, зело их поступки неладны, да что же делать, а раздражать их не надобно для шведов, а наипаче на море, ежели б мы имели довольство на море, то б иное дело, а когда не имеем — нужда оных флатировать (льстить. — Н. П.), хотя что и противное видеть, чтоб не отогнать».

На пути в Карлсбад Петр остановился в Виттенберге, городе, где сто лет назад жил Лютер. Сохранилось предание об осмотре Петром жилых комнат Лютера, где ему показали на одной из стен чернильное пятно. По легенде, перед сидевшим за письменным столом Лютером предстал дьявол, и Лютер запустил в своего искусителя чернильницей. Петр стал дотошно изучать чернильное пятно и брызги от него и будто бы написал на этой же стене: «Чернилы новые и совершенно сие неправда».

Пребывание в Карлсбаде тоже ознаменовалось поступком Петра, молва о котором передавалась из поколения в поколение. Как-то проходя мимо строившегося дома, он услышал в свой адрес слова неодобрения: дескать, русский царь всего лишь хвастается умением все делать, а в действительности навыками строителя не владеет. Это задело Петра. Недолго думая, он взобрался по лесам на стену, схватил мастерок и весь день работал штукатуром, заслужив похвальный отзыв каменщиков.

Эпизод был запечатлен жителями Карлсбада два века спустя: на стене дома, в сооружении которого участвовал Петр, появилась мемориальная доска с выразительным текстом: «С каменщиками Петр Великий был каменщиком».

Из Карлсбада Петр решил вновь отправиться к своим войскам в Померанию. В Берлине, где он сделал кратковременную остановку, произошло событие, ярко раскрывающее характер царя. Вот как его описал английский посол в донесении правительству от 18 ноября 1712 г.: «Царь должен был ужинать сегодня вечером у королевы, и делались большие приготовления к балу в честь его, но ее величество и все общество были разочарованы-извинением, присланным царем около шести часов. Царь встретил голландского мельника, с которым познакомился еще при первом своем путешествии, — владельца ветряной пильной мельницы и небольшого домика с садом приблизительно в полумили от города; у него государь и кушал, и пробыл довольно долго».

Эпизод проясняет, по крайней мере, две черты характера и поведения Петра. С одной стороны, он изысканному обществу во главе с королевой предпочел общество владельца пильной мельницы. В королевском дворце его ждали развлечения и пустая трата времени, с мельником он говорил о деле, ему представилась возможность пополнить свои знания. С другой стороны, царь проявил невоспитанность, своим невниманием нанес королеве оскорбление. Придворный этикет не прощал такого рода пренебрежения.

Петр спешил в Померанию, чтобы принять участие в сражении со шведскими войсками, — он получил известие от Меншикова, что шведский генерал Стенбок вышел из крепости Штраль-зунд, чтобы атаковать датские и саксонские войска. Царь рекомендовал союзникам не ввязываться в сражение до прихода русских войск, но те игнорировали благоразумный совет и были настолько уверены в победе, что дали бой Стенбоку и 10 декабря были наголову разбиты. Так честолюбивая мечта датчан и сак» сонцев поделить между собою лавры победителей без участия русских войск обернулась для них катастрофой. Русским войскам пришлось выручать незадачливых союзников из беды.

8 января 1713 г. шведы были настигнуты русскими у Фридрихштадта. Стенбок полагал, что его корпус находился в полной безопасности — он велел разрушить шлюзы, затопить местность и соорудить укрепления на дамбах. Царь сам обследовал местность и укрепления, составил план атаки и предложил участвовать в ней союзникам, но те отказались, считая затею обреченной на неудачу.

31 января русские двинулись по дамбам двумя колоннами: пехотой командовал Петр, а кавалерией, следовавшей по другой дамбе, — Меншиков. Произошло то, с чем до этого не встречались русские и что в последующие годы станет обыденным: не приняв боя, шведы бросились наутек, побросав в воду.

Оставив Фридрихштадт, неприятель укрылся в Тонннгене. Петр отбыл в Россию, поручив осаду крепости Меншикову, Светлейший так плотно блокировал город с суши, а датский флот с моря, что корпус Стенбока стал испытывать затруднения с продовольствием. Еще более гарнизон крепости изнурял недостаток пресной воды. Разразившаяся эпидемия унесла более четырех тысяч осажденных.

Несмотря на трения между союзниками и отсутствие согласованности в их действиях, Стенбок в конце концов ликовал.

Царь посчитал, что настало подходящее время возобновить хлопоты о своем повышении в чине, поскольку он тоже был причастен к победе.

Указ о присвоении Петру чина полного генерала был подписан «князем-кесарем» еще 7 марта 1712 г. Петр, однако, задержал обнародование указа, что свидетельствует о том, что порядок продвижения по службе он распространял и на себя: очередной военный чин должен присваиваться за успешное руководство военными операциями, а не просто за службу. Как и всегда в этих случаях, он обратился с челобитной к «киязю-кесарю» Ромодановскому: «Понеже ваш указ, Вписанный о перемене чина моего к генерал-фельдмаршалу Шереметеву я тогда не объявил ради несчастья против турок, а сей виктории могу и я причастником быть, ибо по разбитии датских войск никто оного иной в Тонинг загнал, как российские войски, где я командиром был (о чем уже вашему величеству давно известно)».

Стремление завершить войну составляло главную, но не единственную заботу Петра. Если в предполтавский период театр военных действий и все, что связано с его обеспечением, отнимали у царя всю энергию, то теперь, в послеполтавский период и особенно после Прутского похода, у него появилось больше возможностей уделять время делам гражданским. Правда, возможностей этих было не так уж много. Сам Петр в письме к Екатерине на этот счет рассуждал так: «Мы, слава богу, здоровы, только зело тяжело жить, ибо я левшою не умею владеть, а в одной руке принужден держать шпагу и перо, а помочников сколько, сама знаешь».

Под «шпагой» царь подразумевал руководство военными операциями и всем, что было связано с созданием регулярной

армии и военно-морского флота. «Перо» символизировало законодательную работу, гражданские дела.

Пером Петр пользовался довольно часто. Он любил и умел писать письма, часто отдавал письменные приказания генералам и офицерам, составлял или редактировал реляции о победах, инструкции, дипломатические документы. От того времени документов, лично составленных царем или составленных при его участии, сохранилось великое множество. Но под «пером» Петр подразумевал не такого рода творчество, призванное удовлетворить сиюминутные потребности, а осуществление задуманных преобразований и подготовку фундаментальных законов.^ определяющих пути их осуществления. Такие возможности! если и возникали, то были кратковременными, ибо не надо было обладать мудростью Петра, чтобы считать главнейшей заботой правителя страны, народ которой вел смертельную схватку с неприятелем, успешное завершение этой схватки.

Эту мысль царь облек в образную форму: «Когда человек залез в воду выше горла, ему естественно заботиться только о том, как бы спасти жизнь, забывая все остальное».

«Забыть все остальное» Петру не позволили обстоятельства, требовавшие его внимания к делам, будто бы далеко отстоявшим от военных нужд. Если, однако, внимательнее присмотреться к этим делам, то можно обнаружить, что все они в конечном счете были связаны с заботами военного характера. Упрощение типографского шрифта, например, как и личные задания Царя о переводе и напечатании иностранных книг, казалось бы, имели самое отдаленное отношение к театру военных действий, но достаточно взглянуть на список переведенной литературы тех лет, чтобы обнаружить в нем огромное число книг военного содержания. Новым шрифтом проще было печатать такие книги и легче читать их.

Рабочий день Петра в мирное время был насыщенным и напряженным. Еще большего напряжения требовали дни и недели, проведенные царем на театре войны. Здесь и бессонные ночи, и огромная нервная нагрузка, и постоянные переезды в дождь в осеннюю непогоду и в зимнюю стужу.

Он был легок на подъем, ему ничего не стоило отправиться в дальний путь налегке, без подготовки, иногда даже не из дому, а от какого-либо гостеприимного хозяина, где он обедал. Обыкновенная повозка или сани были для него и местом ночлега и обеденным столом. Останавливался он только для смены лошадей.

Сами переезды требовали огромной траты энергии. В иное

время эти переезды настолько изматывали, что даже непритязательный к дорожному комфорту царь жаловался на усталость. В 1705 г., например, он писал: «Во все свое время столько не переездил верхом и прочие тягости понес как сей год». Одно из писем Петра этого года помечено: «Писано на лошади», т. е. царь не располагал временем и местом более удобным для написания письма, чем седло.

Полезная деятельность, как известно, измеряется не километрами преодоленного расстояния, а проделанной работой, приносящей реальные плоды. Но, прослеживая маршруты царя н изучая его распоряжения, нетрудно убедиться не только в полезности, но и в крайней необходимости его пребывания в том или ином пункте.

Колоссальная работоспособность позволяла Петру выполнять одновременно несколько дел. Круг их становился тем разнообразнее, чем дальше удалялся театр военных действий от границ России.

Одной из главных своих задач Петр считал строительство Петербурга, ставшего с 1713 г., когда туда переехали двор, Сенат и дипломатический корпус, столицей государства.

Чем руководствовался Петр, перенося столицу из Москвы, географического и экономического центра страны, в неустроенное место на окраине государства? Указа на этот счет или какого-нибудь другого документа, объясняющего решение царя, нет, поэтому приходится высказывать догадки.

Две столицы — Москва и Петербург — символизировали две России: Россию до преобразований и Россию в процессе их осуществления; город с беспорядочной планировкой, стихийной застройкой и город с прямыми улицами, парками, площадями.

Новая столица явилась окном в Европу, она воплотила мечту Петра о превращении России а морскую державу, располагавшую кратчайшими путями для экономических и культурных связей со странами Западной Европы. Петербург приобрел значение не только политического центра, но и важнейшей военно-морской гавани.

Вероятно, имели значение и личные мотивы — антипатия к старой столице, проявлявшаяся хотя бы в том, что он предпочитал кремлевским палатам незамысловатый деревянный дворец в Преображенском. С Москвой у Петра ассоциировались силы, выступавшие лично против него и против его новшеств; старая столица оказалась ареной его борьбы за власть с Софьей.

Перенесение столицы — важнейшая акция Петра. Надо было обладать широтой взглядов и умением глядеть далеко вперед, чтобы представить себе город будущего, отличавшийся строгой

красотой и величественностью. Он понимал, что плоды его усилий пожнут будущие поколения.

Ходила молва о том, как Петр, сажая желуди, заметил, что на'лице одного из присутствовавших мелькнула скептическая улыбка. Разгневанный царь, заметив ее, сказал:

«Понимаю! Ты мнишь, не доживу я матерых дубов. Правда! Но ты — дурак; я оставляю пример прочим, чтоб, делая то же, потомки со временем строили из них корабли. Не для себя тружусь, польза государству впредь».

Обозревая небольшую крепость, свой скромный одноэтажный домик с тремя покоями, срубленный из сосновых бревен, царь мечтал об оживленном городе с гаванью не хуже амстердамской. У причалов — амбары с пенькой, смолой, кожей и железом, разноязычный говор купцов, прибывают из стран Западной Европы и корабли, трюмы которых загружаются русскими товарами…

Отчасти эта мечта осуществилась при жизни Петра. 28 сентября 1714 г. во время торжественного спуска корабля «Шлиссельбург» царь, обращаясь к сенаторам, генералам, морским начальникам и иностранным гостям, приглашенным на празднество, с гордым сознанием содеянного заявил:

«Есть ли кто из вас такой, кому бы за двадцать лет пред сим пришло в мысль, что он будет со мною на Балтийском море побеждать неприятелей на кораблях, построенных нашими руками, и что мы переселимся жить в сии места, приобретенные нашими трудами и храбростию?

Думали ли вы в такое время увидеть таких победоносных солдат и матросов, рожденных от российской крови, и град сей, населенный россиянами и многим числом чужестранных мастеровых, торговых и ученых людей, приехавших добровольно для сожития с нами?

Чаяли ли вы, что мы увидим себя в толиком от~исех владетелей почитании?»

Петр владел ораторским искусством и умело им пользовался. В цитированной речи, произнесенной с большим подъемом, он как бы подводил итоги усилий страны, 14 лет боровшейся за выход к морским просторам. Заметим, что то, что Петру казалось чудом, что он называл Парадизом, имело весьма скромный вид.

Из описания города, составленного тремя-четырьмя годами раньше произнесенной речи (1710–1711 гг.), видно, что его первоначальным центром была Троицкая площадь, расположенная рядом с Петропавловской крепостью. Там находились Троицкий собор и правительственные учреждения, там устраивались празднества.

Васильевский остров фактически еще не был заселен. Его покрывали заросли кустарника, между которыми Паслись коровы, лошади и мелкий скот. В 1711 г. на острове стояло единственное жилое сооружение — двухэтажный деревянный дом Мен-шикова. Канал, проведенный от Невы к дому, позволял князю, выйдя на крыльцо, сесть в шлюпку. Позади дворца был разбит парк. Меншиков еще долгие годы будет хлопотать о его насаждении и украшении скульптурами, купленными в Италии. На стрелке Васильевского острова стояли три ветряные мельницы.

Самой заселенной частью города был Адмиралтейский остров. На нем, как выше отмечалось, размещалась Адмиралтейская верфь — крупнейшее предприятие страны. Вдоль Невы, между Адмиралтейством и Летним дворцом Петра, завершенным постройкой в 1711 г. и сохранившимся доныне, стояли дома вельмож, графа Апраксина, Шафирова, Головкина. Рядом с Адмиралтейством стояли беспорядочно разбросанные жилые строения русских и иностранных мастеровых, работавших на верфи и канатном дворе. Во всем городе в это время насчитывалось 700–800 дворов с восемью тысячами жителей.

Благоустройством города Петр всерьез начал заниматься после Полтавской победы и овладения" Прибалтикой. Утверждение России в Прибалтике и присоединение Выборга обеспечивали новому городу безопасность. В письме к «князю-кесарю» по поводу овладения Выборгом царь заявил: «…Чрез взятие сего города Санкт-Петербурху конечное безопасение получено».

Царь мог воспользоваться двумя возможными способами застройки своего Парадиза: либо снести уже построенные дома и застраивать город в соответствии с новой планировкой, либо смириться с существовавшей застройкой и дальнейшую планировку приспосабливать к ней. Петр сначала отказался от обоих вариантов, решил Петербург оставить таким, каков он есть, и искать новое место под город, где ничто не ограничивало осуществление градостроительных замыслов.

Каким виделся царю новый город?

Главную отличительную особенность ему должны были придать не столько прямые улицы с домами, фасадами выходящими на них, парки, бульвары и площади, сколько каналы, которым собственно и отводилась роль улиц и основных путей сообщения.

Выбор Петра пал на остров Котлин. Проект плана предусматривал прямоугольную сеть каналов, вдоль которых должны были стоять дома дворян, купцов и ремесленников. В начале 1712 г. Петр издал указ о принудительном переселении на

остров Котлин «по окончании сей войны» по тысяче семей дворян, купцов и ремесленников. Сенат даже утвердил список дворян, подлежавших переселению. Его возглавляли сенаторы и представители знатнейших фамилий. От осуществления этого плана царь в конце концов отказался.

Интенсивное заселение острова связывалось с окончанием войны, но ее конца не было видно. Остров, кроме того, был уязвим для неприятельского нападения. — Наконец, ограниченные размеры острова оказались несовместимыми с планом создания грандиозной столицы. Поэтому остановились на продолжении застройки Петербурга, но решено было жестко придерживаться его планировки. Центром города должен был стать Васильевский остров, представлявший собой в значительной мере пустырь. Следовательно, исключался снос уже построенных зданий, как это, например, надо было делать на Адмиралтейской стороне.

В 1716 г. в Россию прибыл известный французский архитектор Леблон, которому Петр поручил составить план столицы. Чертежи Леблона и планы типовых зданий были отправлены на утверждение царю, находившемуся в это время за границей. Он отложил утверждение плана до своего возвращения, а относительно типовых зданий заметил, что окна в них следовало делать меньших размеров, «понеже у нас не французский климат».

План Леблона представлял образец так называемого регулярного города, застройка которого должна была осуществляться под бдительным оком правительства. Оно должно было предусматривать все мелочи градостроительства и городского быта, начиная от проектов зданий и кончая санитарным состоянием рынков.

Небывалое по интенсивности строительство города началось с 1717 г. Ежегодно возводилось по нескольку сотен домов, так что к концу жизни Петра столица превратилась в большой город с сорокатысячным населением. Возникновение крупного центра на пустом месте и в столь сжатые сроки явилось сенсацией, небывалым в Европе событием.

Вместе с тем возникновение Парадиза на болотной местности, часто заливаемой водами Невы, стоило народным массам неслыханных жертв. Город создавался на костях тысяч людей, ежегодно погибавших от недоедания, антисанитарных условий, изнурительного труда и сопутствующих этим обстоятельствам эпидемий. Из вотчин, расположенных в Московской, Воронежской, Казанской и других губерниях, в зимние месяцы на дворянские подворья новой столицы тянулись

обозы со всякой снедью. Работные люди, занятые на строительных работах, платили за продукты питания втридорога.

Ежегодно, начиная с 1710 г:, на строительных работах было занято по 40 тысяч крестьян и горожан, согнанных со всех районов страны, в том числе и из сибирских городов. Многие из них гибли в пути, другие — в самой столице. В июле 1716 г. Меншиков извещал Макарова, находившегося вместе с царем за границей: «Также в Питергофе и в Стрелиной в работниках больных зело много, а умирают. непрестанно, и с которых нынешним летом болыпи тысячи человек померло».

К 1725 г. Петербург достиг высокой благоустроенности. Иностранец, оставивший описание Петербурга в 1710–1711 гг., отметил: «Когда один только день идет дождик, то уже нигде нет прохода и на каждом шагу вязнешь в грязи». Теперь все улицы столицы были вымощены камнем. Обязанность мостить улицы выполняли сами жители, каждый прибывающий в Петербург гужом должен был доставить на возу три камня весом не менее 5 фунтов, а на каждом судне — по 10–30 камней. Камнем покрывали не середину улицы, а полосу в полтора-два метра шириной, примыкающую к домам, то есть, как бы мы сейчас сказали, тротуар.

Невский проспект, соединявший Адмиралтейство с Александро-Невским монастырем, своим видом уже тогда поражал современников. Глазам камер-юнкера Берхгольца «невская перспектива представилась длинной и широкой аллеей, вымощенной камнем». По обеим сторонам улицы в три-четыре ряда стояли деревья. Проспект оставил у камер-юнкера самое благоприятное впечатление, он отличался красотой и опрятностью, придававшей ему, как он писал, «чудесный вид, какого я нигде не встречал».

27 мая 1718 г. сенаторы получили царский указ: «Господа Сенат! Определили мы для лучших порядков в сем городе дело генерала-полицмейстера нашему генералу-адъютанту Девиеру и дали пункты, как ему врученное дело управлять».

Матроса купеческого корабля, выходца из Португалии, Антона Девиера Петр приметил s Голландии еще в 1697 г. Этот бездомный скиталец, зарабатывавший на хлеб проворным лазаньем по мачтам, обратил внимание Петра своей находчивостью. Тогда же царь пристроил его к Меншикову, а затем определил себе в денщики. Расторопный денщик отсутствием честолюбия не страдал и не скрывал своего намерения породниться с самим светлейшим, женившись на его сестре. Данилыч презрительно отклонил домогательства. Между тем Девиер вскоре вновь обратился к Меншикову с советом

благословить их брак. Навязчивого жениха светлейший велел схватить и высечь плетьми. Денщик пожаловался Петру, и тот распорядился устроить свадьбу.

Инструкцию генерал-полицмейстеру составил сам Петр. Царь поручил ему следить за правильной застройкой города, укреплением берегов Невы и протоков, чистотою улиц и переулков, порядком на торговых площадях и рынках, качеством продаваемых продуктов. Ему же вменялось в обязанность пресекать намеренное повышение цен на продукты, искоренять азартные игры, строго соблюдать противопожарные меры, учреждать ночные караулы, причем «караульщики ходили бы по ночам с трещотками, как обычай в других краях».

После 11 вечера и до утра, то есть в ночные часы, шлагбаумы на заставах закрывались, и право хождения по улицам в это время предоставлялось только воинским командам, «знатным господам», лекарям, священникам, повивальным бабкам и, лицам, выполнявшим служебные поручения. Все они должны были иметь при себе фонари. Остальных, если они ходили ночью группами свыше трех человек, не велено пропускать даже с фонарями. В 1721 г. жители столицы стали свидетелями новинки, впервые введенной в России: улицы Петербурга начали освещать фонарями. Их было изготовлено 595 штук. Фонарщики наливали в фонари конопляное масло, зажигали фитили и через пять часов гасили их.

Адмиралтейская часть города была прорезана несколькими каналами. При Петре в столице существовали каналы, превращавшие Летний сад в остров, тогда же были прорыты Лебяжья и Зимняя канавки. Каналы осушали близлежащую округу, являлись удобным путем передвижения, они же создавали водное окружение вокруг огнеопасных объектов. Подобное назначение имел канал, прорытый вокруг Адмиралтейства.

Нева, Мойка и каналы во многих местах имели деревянные набережные. Их сооружение сопровождалось спрямлением русла рек. Мойку, например, в узких местах расширили, а широкие места засыпали землей. Берега притоков Невы и каналов были соединены многочисленными подъемными мостами. Однако Неву можно было преодолеть только на лодках и мелких судах летом и по льду зимой. Тремя пушечными выстрелами и поднятием флага население столицы оповещалось о начале ледохода либо о прочности льда во время ледостава.

Петр постоянно следил за благоустройством столицы. Проезжая 'как-то вместе с Девиером через Мойку, царь обнаружил неисправность моста. Это был недосмотр полицмейстера, и Петр, не откладывая в долгий ящик, подверг его педагогическому

воспитанию дубинкой:

— Это прибавит тебе лучшую память к попечению и к содержанию улиц и мостов в надлежащем порядке, и будешь сам чаще осматривать.

U6

Преподав урок служебного рвения, царь тут же пригласил полицмейстера занять место в двуколке: «Садись, брат!»

Каким выглядел город к концу жизни царя? От того времени осталось мало зданий, и о внешнем виде столицы можно судить по сохранившимся планам. В городе все еще преобладали одноэтажные мазанки, снаружи окрашенные под кирпич. Сплошь застроенного массива не существовало, освоено было лишь пространство между Невой и Фонтанкой, но уже и'тогда невозможно было оставаться равнодушным, проходя мимо нескольких сооружений, привлекавших внимание: одни — грандиозными размерами, другие — пышным убранством. Среди первых выделялось Адмиралтейство. Двор Адмиралтейства представлял собою огромный четырехугольник, с трех сторон окаймленный зданиями, в которых хранились материалы, необходимые для оснастки и вооружения кораблей. В черте столицы бросалась в глаза еще одна достопримечательность — порт. По Неве сновали юркие буера, а также барки, галеры, у причалов стояли под выгрузкой и нагрузкой морские суда-великаны, на мачтах которых развевались английские, голландские, датские и французские флаги, а также флаги кораблей, прибывших из немецких земель. Вдоль правого берега Невы теснилось огромное количество барок, ожидавших разгрузки, другие барки, а их тоже насчитывались сотни, стояли на якорях либо подходили к городу.

В викториальные дни в воды Невы входили военные корабли, ярко расцвеченные флагами и фонарями. Балтийский флот, в создание которого царь вложил немало личного труда, был его гордостью. В 1724 г. флот насчитывал 32 линейных корабля и свыше 100 судов меньшего размера. Сухопутная страна, три десятилетия назад не имевшая ни одного военного корабля, превратилась в могучую морскую державу, располагавшую самым мощным флотом на Балтийском море. Флот надежно защищал морские рубежи России, в том числе и столицу империи — Петербург.

Петербург стал главным портом России. Его торговые обороты в несколько крат превосходили обороты старого портового города на севере страны — Архангельска — и вновь присоединенных портовых городов на Балтике: Выборга, Ревеля, Риги. В 1724 г. в Петербурге было зарегистрировано прибытие

180 иностранных кораблей, в то время как в Архангельск — около 50.

Петербург — окно в Европу. Сюда из отдаленных районов доставлялись товары для продажи за границу. Отсюда растекались по разным направлениям товары, привезенные из западноевропейских стран. Жизнь порта отражала экономическую жизнь России. Какой груз везли барки в Петербург? Что заставило штурманов иноземных кораблей осваивать маршрут к недавно возникшему городу на Неве?

Полупустынный край, в то время окружавший столицу, не мог обеспечить ее население продовольствием. Поэтому зерно, муку и крупы везли издалека, прежде всего из районов средней Волги, отчасти из Украины и Орловщины. Хотя хлеб и доставлялся по рекам, то есть самым дешевым путем сообщения, транспортные расходы поднимали цену на него в Петербурге в два-три раза по сравнению с закупочной. Сотни мелких речных судов доставляли хлеб в столицу поздним летом или осенью в таком количестве, чтобы его хватило на весь год.

Иностранные купцы доставляли в Россию шерстяные и шелковые изделия, краски, напитки, кофе, пряности, стекло и пр. В импорте, как видно из перечня товаров, преобладали предметы для знати. Зарубежные купцы покупали товары традиционного русского экспорта: пеньку, лен, кожи и сало. Их в большом количестве вывозили за границу еще в XVII столетии. Кожи и сало прибывали преимущественно из Среднего Поволжья, лен и пеньку поставляли Смоленщина, Украина, Псковщина.

К амбарам, что стояли рядом с причалом, пришвартовывались барки с железом демидовских заводов. Груз завершал здесь свой дальний путь, чтобы потом попасть в трюмы иностранных кораблей. Начинался он весной предшествующего, года: едва освобождалась ото льда бурная Чусовая, что на Урале, как на пристанях становилось оживленно — шла погрузка железа, доставленного туда с заводов еще в зимние месяцы.

Далекая Сибирь манила людей привольной жизнью и богатыми пушными промыслами. Туда устремлялись все, кто хотел освободиться от крепостной неволи, барского произвола и истязаний. На восток шли с остановками, перебиваясь в суровые зимние месяцы каким-либо заработком, чтобы набраться сил, запастись сухарями и солониной. Тут пришельцев ожидали приказчики Демидова, сулившие вольготную жизнь на заводах. Стоило, однако, пришельцам оказаться в цепких руках заводской администрации, как мечтам о свободе наступал конец — они попадали в заводскую неволю, от которой уже не было освобождения. Трудом таких работников, а также приписных к

заводам крестьян на берегах небольших речек Демидов построил шесть доменных, железоделательных и медеплавильных предприятий. Второе по размерам промышленное хозяйство на Урале принадлежало государству.

Сначала железо шло на казенные нужды и продавалось внутри страны. Но по мере увеличения числа заводов появлялись излишки металла, которые казна и Демидов продавали за границу. В столицу ежегодно прибывали «железные» караваны. Сначала барки шли по Чусовой и Каме, а у Нижнего Новгорода караван разделялся на четыре части. Несколько барок сворачивало на юг, в низовые города: Самару, Царицын, Астрахань; другие барки разгружали тут же под Нижним, у стен Макарьевского монастыря, где летом ежегодно устраивалась знаменитая ярмарка. Третьи спешили попасть в воды Оки, чтобы поспеть к Москве до ледостава. Но большая часть грузов следовал. а в Петербург.

На примере металлургии едва ли не ярче всего видны итоги промышленного развития России: в конце XVII в. она ввозила высокосортное железо из Швеции, так как доменные печи старинного железоделательного района близ Тулы выдавали чугун такого низкого качества, что из него получалось лишь очень хрупкое железо. За четверть века выплавка чугуна увеличилась более чем в пять раз и в 1725 г. достигла 800 тыс. пудов. Возникло два новых металлургических района. Один из них, Уральский, быстро приобрел на европейском рынке репутацию поставщика, превосходного в ковке железа. Другой, Олонецкий, поставлял менее качественное железо, но правительство дорожило им благодаря его близости к столице. Трюмы кораблей морских держав, помимо железа, загружались еще одним видом изделий русских мануфактур — полотном и парусиной. Теперь, кроме грубого деревенского полотна, стали вывозить скатерти, салфетки, простыни, а также парусину, употреблявшуюся для шитья парусов.

На месте нынешнего въезда на Литейный мост находилось второе по значению промышленное предприятие столицы — Литейный двор. По размерам Литейный двор намного уступал Адмиралтейству, но он, подобно Адмиралтейству, являлся комбинатом: главным в этом комбинате был цех, где происходило литье стволов медных пушек. Его обслуживали разнообразные вспомогательные мастерские: токарная, столярная, слесарная, лафетная и др. Литейный двор мог изготовить все необходимое для артиллерии: стволы пушек здесь же сверлили, рядом изготовляли колеса и лафеты, пушечные фитили и даже пушечную упряжку.

Петр иногда навещал Литейный двор, причем в качестве не экскурсанта, а работника. В походном журнале царя, регистрировавшем каждый его выход, читаем следующую запись от 10 сентября 1715 г.: «Его величество был в мыльне и кушал дома и был на Литейном дворе, вылили 6 мортир и 1 гаубицу».

На противоположном берегу Невы находилась Петропавловская крепость. К концу жизни Петра она уже приобрела современные очертания: стены и казематы были готовы, закончилась отделка массивных Петровских ворот. Обращало на себя внимание сооружение внутри крепости, видное со всех точек строившегося города, — собор Петра и Павла. Это было главнейшее монументальное здание столицы, ее архитектурный центр. Строительство его еще не было завершено, но выразительный силуэт колокольни с часами и грандиозным шпилем, покрытым медными позолоченными досками, уже сверкал на солнце. Царю захотелось, чтобы высота шпиля превышала высоту самого высокого сооружения Москвы — колокольни Ивана Великого. Шпиль символизировал положение нового города в государстве.

Набережная Невы на Васильевском острове еще только застраивалась. Стрелка острова должна была стать административным и торговым центром столицы. Здесь начинали возводить стены знаменитого здания Двенадцати коллегий. Оно предназначалось для Сената, Синода и коллегий и имело простую и экономичную композицию, достигавшуюся многократным повторением отдельных трехэтажных зданий одинаковой архитектуры, объединенных в одно целое крышей. Над каждым зданием воздвигалась четырехскатная крыша с изломом над чердачным этажом. Это позволяло возводить сооружение длиной в 183 сажени по частям. Равенство размеров отдельных зданий, однотипность их внешнего оформления подчеркивали равенство между собой коллегий в системе созданных при Петре центральных государственных учреждений.

Другая забота Петра состояла в упорядочении дворянской службы. Дворяне служили и в XVII в. Но тогда эта служба носила эпизодический характер: обычно весной, когда появлялся подножный корм для лошадей, царь призывал дворян в поместную конницу, и они являлись служить, как тогда говорили, «конным, людным и оружным», т. е. на собственной лошади и со своими доспехами в сопровождении нескольких крестьян и со своими запасами продовольствия. Наступала зима, военные действия прекращались, и дворяне возвращались в свои усадьбы, чтобы четыре — шесть месяцев провести в полной безопасности и беспечной жизни.

Весной все начиналось сначала. Бывали времена, длившиеся по нескольку лет кряду, когда страна не воевала, и тогда дворян не тревожили вообще, а если и созывали поместное войско, то лишь для того, чтобы отогнать крымских татар, совершавших грабительские набеги на южные уезды.

В ходе создания регулярной армии и флота, а также новых правительственных учреждений характер службы дворян существенно изменился. Праздную жизнь в усадьбах заменила полная опасностей служба в полках и на кораблях, где надо было штурмовать крепости, участвовать в сражениях с великолепно вымуштрованной армией шведского короля.

Дворянину пришлось облачиться в офицерский или гражданский мундир и нести беспокойную службу в казармах и канцеляриях, которую он считал столь же обременительной, как и разорительной, ибо барское хозяйство оставалось без личного надзора — приказчики далеко не всегда справлялись со своими обязанностями. Отсюда стремление многих дворян уклониться от службы, где-либо отсидеться — в лесу или у родственников — на то время, когда в усадьбу прибывал курьер либо воинская команда, чтобы доставить укрывавшегося недоросля в полк. Таких дворян называли «нетчиками» (от слова «нет», т. е. отсутствует).

При Петре появился новый вид службы дворян — обязанность учиться. Трудно даже сказать, какую обязанность — службу или обучение — дворяне считали более для себя обременительной.

Учебные заведения, созданные при Петре, напоминали казарму, а учащиеся — рекрутов. Учащихся из числа дворянских недорослей, как и рекрутов из крестьян и горожан, набирали принудительно.

В 1715 г. Петр учредил Морскую академию. Современник отметил, что «в обширной России не было ни одной знатной фамилии, которая бы не обязалась выслать в эту академию сына или другого родственника от 10- до 18-летнего возраста». В инструкции для Морской академии есть пункт, написанный самим царем: «Для унятия крика и бесчинства выбрать из гвардии отставных добрых солдат и быть им по человеку во всякой каморе, во время учения иметь хлыст в руках; и буде кто из учеников станет бесчинствовать, оных бить, несмотря какой бы он фамилии ни был, под жестоким наказанием, кто поманет», т. е. сделает поблажку.

Неизвестный автор запечатлел любопытную картинку с натуры: дворянские недоросли, чтобы уклониться от обучения в Навигацкой школе, поступили в Спасский монастырь. Об их поступке узнал царь и велел всем им бить сваи на Мойке. Тщетно

уговаривали Петра Меншиков и Апраксин помиловать недорослей. Тогда Апраксин, рассчитав время, когда царь будет проезжать мимо строительства, снял с себя кафтан, повесил его на шест, чтобы был заметен, и начал бить сваи.

Петр, увидев работавшего адмирала, спросил:

— Для чего ты бьешь сваи? Тот ответил:

— Бьют сваи мои племянники и внучата, а я что за человек, какое имею в родстве преимущество?

После описанного эпизода недоросли были отправлены для обучения за границу.

Обучение за границей считалось более тягостным, чем обучение на родине. Поначалу за границей молодые люди обучались преимущественно мореходству, кораблестроению, военному делу. Со временем за рубеж стали посылать для овладения архитектурой, живописью, устройством парков, восточными языками и т. д.

Обучение за границей считалось трудным отчасти из-за незнания языка, отчасти из-за материальных лишений. Большинство юношей с усердием овладевали науками, приобретали необходимый опыт. Но среди них встречались бездельники и моты, транжирившие присылаемые родителями деньги на удовольствия и менее всего заботившиеся о выполнении поручения, с которым они были отправлены за рубеж.

Два сына князя Аникиты Ивановича Репнина обременили себя долгами и пребывали «в великой мизерии». Причина затруднений — мотовство. Дело дошло до того, что они продали за бесценок лошадей и одежду, оставив «по одному кавтану», но выручку издержали в мгновение ока, так что «и купить хлеба не на что». Таким же транжирой оказался и Василий Шапкин, не имевший столь богатого и знатного родителя, как Репнин, но тем не менее живший не по средствам, так что кредиторы грозили его «посадить в тюрьму». Среди волонтеров попадались забияки и драчуны. Гардемарин Глебов поколол шпагой Барятинского и поэтому «за арестом обретается». Таких случаев во Франции, где произошло это происшествие, «никогда не приключается: хотя и колются, только честно, на поединках, лицом к лицу».

Один из волонтеров, Иван Михайлович Головин, после четырехлетнего пребывания в Италии, куда он был отправлен для обучения кораблестроению и итальянскому языку, предстал перед царем-экзаменатором и не обнаружил никаких познаний в предмете.

— Выучился ли хотя по-итальянски? — спросил царь. Головин признался, что и здесь он не преуспел.

— Ну так что же ты делал?

— Я курил табак, пил вино, веселился, учился музыке и редко выходил со двора, — чистосердечно ответил волонтер.

Царь сурово расправлялся с теми, кто отлынивал от поездки за границу.

Брат фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева Василий Петрович ослушался повеления Петра и вместо того, чтобы отправить своего сына за границу, решил женить его и сыграть свадьбу. Об этом узнал царь и распорядился так: «Сына Василия тотчас отправь в надлежащий путь и более недели не давай сроку; а его, Василия, за ту вину, отняв чин, пошли на работу городовую, а жену ево — в прядильный дом; а дворы московские и загородные запечатать, и чтоб прямо работали так, как и простые».

Василий Петрович Шереметев и его супруга, действительно, некоторое время работали «так, как и простые»: он вколачивал сваи, а она — пряхой, но затем усилиями фельдмаршала они были помилованы.

Зато Петр выражал неподдельную радость, когда кто-либо из недорослей сам проявлял желание поехать за границу учиться. Царь узнал, что сын Аникиты Моисеевича Зотова Конон захотел поехать изучать морские науки. Царь тут же отправил Конону письмо, одобряющее его намерение: «Которое ваше желание зело мы любезно приняли и можем так сказать, что мы ни от единого человека из россиян такова прошения не слыхали, в котором вы первый объявились, понеже зело редко случаетца, дабы кто из младых, оставя в кампаниях забавы, своею волею шуму морского слушать хотел».

Итак, одни дворяне уклонились от службы в армии и на флоте, другие не выказывали желания добровольно слушать «шум морской» — учиться. Какими способами можно было успешно бороться с «нетчиками», как закрыть все щели, в которых пытались укрыться молодые дворяне-бездельники от службы и учебы? Царь испробовал многие из них.

Среди прибыльщиков и фискалов появились доносители, специализировавшиеся на выявлении нетчиков. Петр поощрял активность доносителей обещанием отдать имущество и деревни нетчика тому, кто его разоблачит. Первый указ с подобным обещанием царь обнародовал в 1711 г. В последующие годы обещание многократно повторялось, причем Петр поощрял усердие доносчика тем, что обещал имущество разоблаченного любому доносителю, «какого б оной низкого чина не был, или хотя слуга оного».

Другим средством борьбы с нетчиками являлись дворянские

смотры. Иногда для этой цели вызывались в столицу определенные группы дворян. Так, в 1713 г. был назначен смотр нетчикам, т. е. дворянам, не явившимся на службу в два предшествовавших года. В 1714 г. на смотр вызывались недоросли от 13 лет и выше. Нередко сам Петр участвовал в смотрах и определял одних на службу рядовыми в гвардейские полки, других — для обучения за границу, третьих — на флот, четвертых — в школы или Морскую академию. На смотрах присутствовали медики, освобождавшие от повинностей недорослей или взрослых дворян по состоянию здоровья.

Вылавливать отдельных дворян-нетчиков хлопотно и, как оказалось, не вполне эффективно — число их поубавилось, но достичь желаемых результатов все же не удалось. Куда проще, рассуждал царь, создать для дворян такие условия, чтобы они сами спешили в казармы и канцелярии. Так возникла мысль об указе о единонаследии, обнародованном в 1714 г.

Это едва ли не первый указ Петра, опубликованию которого предшествовало изучение законодательства о наследовании имущества дворянами в других странах. В то же время это, бесспорно, первый указ, положивший начало работе царя «пером».

Указ о единонаследии ограничивал право помещика распоряжаться недвижимым имением, т. е. вотчинами и жившими я них крестьянами: запрещалось продавать его, а также делить егог между наследниками. Вся недвижимая собственность, т. е. вотчина, могла быть передана после смерти владельца только одному из сыновей, причем не обязательно старшему, а тому, кому пожелает родитель, а движимое имущество получали остальные сыновья, дочери и вдова.

Необходимость указа о единонаследии была мотивирована стремлением предотвратить дробление земельных владений, а отсюда — и измельчение помещичьих хозяйств. Уже тогда, сказано в указе, существовало немало помещиков, владевших десятком крепостных и вынужденных наравне с ними возделывать пашню. Дробление имений, по мнению законодателя, должно было увеличить бремя повинностей с крестьян, ибо каждый помещик имел обыкновение сохранять размер дохода, который он получал до раздела.

Может показаться, что Указ о единонаследии ради благополучия крестьян ущемлял права помещиков. В действительности указ в данном случае имел в виду интересы казны.

Известно, что крестьянин одновременно являлся источником благополучия помещика и источником пополнения бюджета государства: чем больше возьмет с крестьянина государство в

форме налога, тем меньше дохода останется помещику в форме оброчных и барщинных повинностей. Разорившийся крестьянин, у которого отсутствует скот и инвентарь, — обуза для помещика; такой крестьянин ходил недоимщиком и перед государством. Оберегая крестьянина от чрезмерных посягательств помещика на результаты его труда, государство рассчитывало на увеличение своей доли в эксплуатации сельского населения.

Главная цель указа состояла не в том, чтобы приостановить дробление имений, и не в том, что указ оформил слияние двух форм землевладения — поместного и вотчинного, условного и безусловного, между которыми практически уже в XVII в. не существовало различий, а в том, чтобы заставить молодых дворян «хлеба своего» искать службою, учением, торгами и прочим. Раз дворянин лишен средств к существованию, т. е. не имеет земли и крестьян, то он должен добывать эти средства службой.

Указ о единонаследии подпирали другие законы, преследовавшие ту же цель. Один из них запрещал жениться дворянским недорослям, не овладевшим цифирью и геометрией. Другой не разрешал производить в офицеры дворян, которые не служили рядовыми в гвардейских полках и, следовательно, на практике не постигли азов военной службы. Третьим позволялось приобретать имение только по истечении семи лет на военной или десяти лет на гражданской службе или после 15 лет занятий торговлей. Тем, кто нигде не служил и не торговал, запрещалось покупать деревни «даже до смерти». Этим указом царь намеревался исключить возможность приобретения крепостных теми дворянами, недвижимое имение и деньги которых составляли немалые богатства, которые сразу же могли быть использованы на покупку — деревень.

Принудить всех дворян служить и учиться все же не удалось. О невыполнении царских указов свидетельствует их частая повторяемость. Издание каждого нового указа, повторявшего угрозы нетчикам, говорит о том, что предшествующий указ аналогичного содержания не выполнялся.

Изобретательность дворян, стремившихся избежать обучения и тем более службы, не знала границ. О ярославском помещике Михаиле Бренчанинове доносили царю, что он хотя и моложе 30 лет, но «в доме своем укрываетца, а на твоей, государевой, службе при полку не служил».

Резолюция царя гласила: «Ежели меньше 30 лет, то за такое презрение указа, отдать все сему доносителю».

Упоминавшийся выше публицист Иван Посошков писал, что он встречал «многое множество здоровых молодиков», каждый из которых «мог бы один пятерых неприятелей гнать», но они вместо

службы в армии, пользуясь покровительством влиятельных родственников, служили по гражданскому ведомству «у наживаль-ных дел».

Перед читателем сочинения Посошкова предстает колоритная фигура дворянина Федора Пустошкина, который «уже состарился, а на службе ни на какой и одною ногою не бывал». Отлынивать еТму удавалось либо с помощью крупных взяток, либо умением прикидываться юродивым. Стоило, однако, посыльному выехать за околицу усадьбы, как Пустошкин «то юродство свое отложит и, домой приехав; яко лев рыкает».

Итак, мы видели, что Петр, чтобы заставить дворян служить и овладевать знаниями, не останавливался перед принуждением и даже жестокостью. Тем самым он, преодолевая косность некоторой части дворянства, в конечном счете укреплял господствующее положение этого класса в целом.

Преодолеть отсталость страны, к чему стремился царь-реформатор, можно, только располагая отечественными специалистами высокой квалификации как в армии и на флоте, так и в гражданской администрации. Этого в известной мере удалось достичь. Контингент учащихся в учебных заведениях по масштабам того времени был довольно значительным. В Навигацкой школе, например, в 1705 г. обучалось 500 учащихся, в Морской академии — 300 человек, в Инженерной школе— 100–150 человек, несколько десятков человек овладевали медицинскими знаниями в Медицинском училище. На Урале дети заводских мастеровых обучались в горных школах.

Созданная сеть учебных заведений позволила освободиться от иностранцев прежде всего в офицерской среде. Сразу же после Прутского похода Петр уволил в отставку 200 генералов и офицеров-иностранцев. Их число в полках не должно было превышать трети офицерского состава. Через три года офицеров-иностранцев подвергли экзамену и всех, не выдержавших его, уволили. В итоге в 20-х годах XVIII в. офицерский корпус на девять десятых состоял из русских офицеров.

Третье фундаментальное начинание, которое Петр намеревался осуществить, работая «пером», было устройство коллегий. Об основательности подготовки замены устаревших центральных учреждений новыми, более современными, свидетельствует то обстоятельство, что эта замена подготавливалась более тщательно и продуманно, чем, например, учреждение Сената.

Введению коллегий предшествовало изучение структуры прав и обязанностей центральных учреждений западноевропейских государств. Начало этому изучению было положено еще в 1712 г.,

когда царь велел Сенату организовать перевод регламентов коллегий других стран, в частности Дании. Но особый интерес Петр проявил к ознакомлению с устройством коллегий в Швеции. Так как Россия вела войну со Швецией, то легальные пути получения сведений о регламентах и штатах коллегий исключались, и правительству пришлось отправить туда тайного агента, снабдив его паспортом от датского двора.

Одновременно с изучением прав и обязанностей, а также штатов коллегий русские послы при иностранных дворах получили задание нанять на русскую службу специалистов-правоведов, осведомленных в устройстве государственного аппарата.

Интенсивная подготовка к проведению административной реформы была прервана поездкой Петра за границу.

Какие, неотложные дела вынудили царя отложить важное начинание и отправиться в дальний путь?

Прежде всего, состояние здоровья. В конце 1715 г. он серьезно заболел и по рекомендации медиков должен был пользоваться водами французского курорта Пирмонт.

Но царь, впрочем, как и его современники, не умел отдыхать, отрешаясь от повседневных забот. Маяться в праздности не позволяла ему непоседливая и деятельная от природы натура. Поэтому царь попутно решал и другие дела, причем не личного плана, а большой государственной важности.

Петр отправился в свое второе заграничное путешествие в январе 1716 г. Ехал он на запад медленно, с продолжительными остановками отчасти из-за собственной болезни, отчасти из-за недомогания своей супруги. В Гданьске он прожил свыше двух месяцев. Когда позволяло здоровье, он осматривал достопримечательности и приобретал экспонаты для будущего музея, который он решил создать в Петербурге. Много времени он уделял редактированию Устава воинского. В его текст он внес до 200 исправлений и дополнений, придавших этому документу лаконичность, четкость и ясность.

Устав воинский обобщал многолетний опыт ведения войны, внедрял в повседневное обучение солдат и офицеров передовой опыт ведения военных действий, проверенный практикой. В частности, Устав предусматривал создание в действующей армии корволанта — подвижного отряда, блестяще оправдавшего себя в битве у Лесной. Устав придавал огромное значение рукопашной схватке и поэтому отводил много места обучению приемам штыкового боя. «Имя солдат, — написано в Уставе, — просто содержит в себе всех людей, которые в войске суть, от вышнего генерала и даже до последнего мушкетера, конного и пешего».

Имени солдата не достоин нарушитель воинской чести и воинских традиций: «Кто знамя свое или штандарт до последнего часа своей жизни не оборонит, оный недостоин есть, чтобы имя солдат иметь». Большое значение придавалось состоянию дисциплины: «Победу в войне обеспечивают добрые порядки, храбрые сердца, справное оружие».

Устав воинский вместе с тем документ ярко выраженной классовой направленности. Он призван был охранять существовавшие социальные порядки и политический строй. Немало статей Устава определяли меру наказания за разного рода нарушения дисциплины. Устав грозил смертной казнью за выступление против господствующего класса и государства: «Всякий бунт, возмущение и упрямство безо всякой милости имеет быть виселицей наказано».

Закончив редактирование Устава воинского, Петр отправил его в Россию с повелением Сенату размножить его типографским способом.

На пути в Пирмонт Петр встречался с польским и прусским королями. Но главную надежду он связывал со свиданием с датским королем. Петр надеялся убедить Фридерика IV в том, что «потребно вступить в самую Швецию и там силою оружия принудить неприятеля к миру».

Переговоры с датским королем в мае 1716 г. будто бы увенчались успехом, и он дал согласие на высадку десанта. Удовлетворенный исходом переговоров, царь спешит в Пирмонт, где три недели принимает воды. Оттуда он вновь едет в Данию.

Обстановка в Европе благоприятствовала намерениям Петра.

Готовность помочь ему в осуществлении высадки десанта высказали Англия и Голландия. На такой путь они встали не потому, что разделяли притязания России на Балтийское побережье, а потому, что были раздражены разбоем шведских каперов, грабивших торговые корабли, следовавшие с русскими товарами из прибалтийских портов. Снаряжая каперов для нападения на торговые суда, шведское правительство полагало, что оно наносит ущерб интересам России, ибо лишает ее преимуществ, на которые она рассчитывала, приобретая Балтийское побережье. В действительности же оказались ущемленными прежде всего интересы- морских держав— Англии и Голландии, лишившихся возможности беспрепятственно вывозить из России три вида товаров, крайне необходимых для флота: мачтовый лес, пеньку для канатов и парусину, а также смолу.

В итоге переговоров в Балтийском море была сосредоточена армада кораблей России, Англии, Голландии и Дании в составе

84 единиц, из которых на 21 развевался боевой флаг русского флота. Командовал объединенным флотом Петр, чем он весьма гордился. «Такой чести повелевать флотами чужестранных народов и своим вместе едва ли кто на свете удостаивался. Я с удовольствием вспоминаю доверенность тех держав».

При желании всех стран, командировавших свои корабли в объединенный флот, можно было достичь успеха и мира. На деле оказалось, что ни одна из стран не была заинтересована в победоносном для России мире. Плавание в водах Балтики ограничилось участием в совместных маневрах.

Много холостых залпов было произведено во время взаимных приветствий командующих национальными эскадрами, но по неприятелю — ни единого выстрела. Английский адмирал даже палил из пушек по случаю победы у Лесной 28 сентября 1708 г. Пышные церемонии не заменили активных действий. Отсутствие серьезных намерений у датчан, давнишних союзников России, поставить Швецию на колени Петр обнаружил через четыре дня после того, как вступил в командование объединенным флотом. 9 августа 1716 г. он писал Апраксину: «Бог ведает, какое мучение с ними. Сущее надобное время пропускают, будто чужое дело делают». После бесплодных попыток подвигнуть флот на боевые действия Петр отправился в Голландию, где он намеревался найти дипломатические пути завершения войны. Как и в первый свой приезд в 1697 г., царь прибыл в Голландию инкогнито. Вспомним, что 20 лет назад этого царю не удалось достичь. Тем более сохранить свое имя в тайне ему не довелось теперь, когда популярность русского царя в Европе во много раз возросла. Более того, царю пришлось понести издержки инкогнито.

Молва донесла до наших дней случай, произошедший с ним в каком-то захудалом трактире, где он вместе со спутниками решил переночевать. На ужин было подано десяток яиц, сыр, масло и две бутылки вина. Владелец трактира за ночлег и скромный ужинпопросил 100 червонцев. Прижимистому в личных тратах царю все же пришлось раскошелиться и уплатить просимую сумму.

Современник-голландец, наблюдавший царя в первый его приезд в Голландию, через 20 лет заметил в нем разительные перемены. Он сохранил т, от же. интерес к прогулкам в море, ту же любознательность, ту же простоту в обращении. «Будем говорить как плотники», — сказал Петр своим собеседникам, заметив, что те с трудом подбирали изысканные выражения в разговоре со знаменитым царем.

Новшество состояло в том, что он теперь не проявлял прежней робости и стеснительности и при виде толпы не

закрывал лицо руками. Не вызывал у него прежнего удивления осмотр верфей и промышленных предприятий. Тогда асе это для него было вновь, теперь Россия уже имела и отечественных кораблестроителей, и морских — офицеров, и могучий флот, и мануфактуры, и учебные В Амстердаме, куда были вызваны из России выдающиеся сотрудники из дипломатического ведомства (Петр Андреевич Толстой, Петр Павлович Шафиров и др.), были установлены контакты с французским двором. В столице Франции готовы. были взять на себя роль посредника в переговорах России со Швецией, ибо в этом видели путь спасения своего союзника Карла XII от неминуемой катастрофы, если тот будет продолжать войну.

Петр принимает решение ехать в Париж. 27 апреля 1717 г. он прибыл в Дюнкерк.

Правительство Франции приняло надлежащие меры, чтобы угодить вкусам царя и доставить ему удовольствие во время проезда в Париж- Собирались сведения о его привычках, распорядке дня, любимых блюдах и т. д.

Вот как выглядел Петр в 45 лет. «Царь очень велик ростом, несколько сутуловат и имеет привычку держать голову немного вниз. Он смугл, и в выражении лица его есть что-то суровое. Вставал царь рано, обедал около десяти часов, ужинал около семи и удалялся в свои покои раньше девяти. Проявлял любовь к соусам и пряностям, пеклеванному и даже черствому хлебу, с удовольствием ел горошек, съедал много апельсинов, груш и яблок. В Париже он носил простое суконное платье, широкий пояс, к которому была прикреплена сабля, парик без пудры и рубашку без манжет».

В то время как русские дипломаты вели с представителями Франции секретные переговоры, Петр осматривал королевскую мануфактуру по производству гобеленов, Инвалидный дом, монетный двор, изучал парки и фонтаны в Версале. В Париже он встречался со знаменитыми учеными Франции, участвовал в заседании Академии наук. Как и всегда, царь в разговоре с учеными обнаружил свои разносторонние и глубокие познания.

Из Парижа Петр отправился в Спа принимать воды, а начатые в столице Франции переговоры были успешно завершены в Амстердаме, где 4 августа 1717 г. был подписан русско-французский договор. Согласно Амстердамскому договору. Франция возлагала на себя роль посредника в переговорах между воевавшими сторонами, а также отказала в выплате субсидий шведскому королю. Именно пустая казна вынудила Карла XII начать переговоры о мире. В этом состоял важнейший результат договора.

Франция и ее столица оказали на царя двойственное впечатление. «Жалею, — сказал он, — что домашние обстоятельства принуждают меня так скоро оставить то место, где науки и художества цветут, и жалею при том, что город сей рано или поздно от необузданности и роскоши претерпит великий вред, а от смрада вымрет». Таким неопрятным выглядел Париж.

Под домашними обстоятельствами, о которых сказал Петр, подразумевалась семейная драма, связанная с делом собственного сына — царевича Алексея. В октябре 1717 г. царь возвратился из заграничного путешествия. Некоторое время он провел в Петербурге, а с установлением санного пути укатил в Москву. Там он не был восемь лет и прибыл туда не для того, чтобы посмотреть на происшедшие изменения. Старую столицу он избрал местом, где должна была решаться судьба царевича Алексея. В Успенском соборе Кремля происходили венчания на царство. Там же Петр намеревался отрешить сына от прав на престол.

БОРЬБА С ПРОТИВНИКАМИ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ. ОТ ПРИКАЗОВ К КОЛЛЕГИЯМ

В деле царевича Алексея прослеживаются два аспекта: один из них личный — отношения между отцом и сыном, другой — государственный, связанный с судьбами России и всех новшеств. Второй аспект не существовал отдельно от первого, ибо два представителя одной семьи не являлись частными лицами — один из них занимал престол и управлял страной, другой был наследником престола.

Драматизм ситуации определялся тем, что отец и сын выражали диаметрально противоположные взгляды на будущее страны и преобразований.

Естественно было бы полагать, что носителем заскорузлых, отсталых взглядов должен быть отец. Молодости свойственно дерзать, двигаться вперед, совершенствовать новшества. В данном случае получилось наоборот: сторонником нового, и не только сторонником,' а человеком, энергично, со всей страстью своего темперамента внедрявшим это новое в жизнь, был отец, а сын с нетерпением ждал того часа, когда его не станет, чтобы повернуть все вспять, вернуться к старозаветным порядкам. Царевич был уверен, что время работает на него, что каждый прожитый день неумолимо приближает его к тому времени, когда на него будет возложена корона и он станет полновластным повелителем страны.

27 октября 1715 г. произошло событие, которого никак не ожидал царевич, — в этот день хоронили его супругу, и отец велел вручить ему письмо, заканчивавшееся угрозой лишить царевича престола, если он не одумается и не изменит поведения, «ибо, — писал царь, — за мое отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя непотребного' пожалеть».

Царевич обратился за советом, как ему быть, что ответить отцу, к самому близкому в то время приятелю — Александру Васильевичу Кикину.

Тот посоветовал царевичу отречься от престола, ссылаясь на слабое здоровье. В этом духе Алексей и составил ответ. Он немногословен — царевич избавил себя от необходимости пускаться в рассуждения и написал, что желание отца совпадает с его собственным желанием: «Вижу себя к сему делу (к

управлению государством. — Н. П.) неудобна и непотребна», ибо лишен памяти и скуден «силами умными и телесными». Царевич написал, что'отказывается от престола и в конечном счете решился на монашеский чин. До смерти отца, рассуждали его друзья, можно отсидеться в монастырской келье, а там будет видно. Но сам Петр предоставил возможность сыну изменить свое решение — он вызвал его в Копенгаген. '

Это была еще одна попытка царя сблизиться с сыном и привлечь его к намечавшимся десантным и военно-морским операциям против Швеции.

Сборы были недолгими — 26 сентября 1716 г. царевич в сопровождении немногих лиц, попрощавшись с сенаторами, отбыл из Петербурга. Путь он держал не в Копенгаген, а в Вену, причем ехал инкогнито и, чтобы замести следы, менял экипировку, отрастил усы.

Поздно вечером 10 ноября 1716 г. карета с польским кавалером Кременецким (под такой фамилией ехал царевич) подкатила к дворцу австрийского вице-канцлера Шенборна, когда тот готовился ко сну. Ему доложили, что русский царевич стоит у подъезда и просит срочной аудиенции.

Войдя в покои, царевич Алексей в состоянии крайнего возбуждения, в страхе озираясь по сторонам, бормотал слова, из которых следовало, что он, царевич, подвергался гонениям со стороны отца, что царь намерен лишить его права наследовать престол, в то время как у него, Алексея, достаточно ума, чтобы царствовать. Царевич заключил свой монолог словами: «Я не хочу в монастырь. Император должен спасти меня».

Он, таким образом, просил у австрийского правительства убежища.

Правительство императора оказалось в затруднительном положении. Открыто предоставить царевичу убежище значило бросить вызов царю, который, возможно, не остановится перед вооруженным конфликтом. Выдать немедленно царевича Петру тоже не считали разумным: во-первых, это не престижно; во-вторых, царевича можно было использовать разменной монетой в политической игре.

В конечном счете в Вене остановились на третьем варианте — Алексея решили приютить тайно, для чего его отправили в горную крепость в Тироле — Эренберг, где он жил в строжайшей изоляции.

Начались поиски пропавшего без вести сына. В марте 1717 г. русский дипломат при венском дворе Веселовский точно установил местопребывание беглого царевича, упрятанного в Эренберге. Веселовский исхлопотал аудиенцию у императора,

которому передал послание Петра. В нем царь извещал цесаря, что его сын, царевич Алексей, «незнаемо куды скрылся», и намекал, что он находится на территории, подвластной императору.

Австрийский двор занял уклончивую и выжидающую позицию. Лишь месяц спустя, когда скрывать царевича в австрийских владениях стало невозможно, Карл VI отправил царю ответ, в котором признал, что беглец находится в его владениях и что его правительство обеспечит царевичу безопасность, чтобы он не попал в неприятельские руки. В письме отсутствовал ответ на главный вопрос царя: выдадут или не выдадут сына отцу? Тем временем царевича решили перевезти из Эренберга, пребывание в котором было точно известно русским агентам, в Неаполь. Австрийское правительство полагало, что этот переезд останется незамеченным и тайна нового местожительства царевича будет сохранена, но ошиблось — Румянцев неотступно следил за царевичем и не упустил время его выезда.

Обо всем этом был информирован Петр. Его ответная мера состояла в том, что он отправляет в Вену опытнейшего своего дипломата Петра Андреевича Толстого с новым посланием, в котором без обиняков было сказано, что сын «по приезде своем в Вену, по указу вашего величества, принят и отослан в Тирольский замок Эренберг, а оттуда по нескольком времени отвезен за крепким караулом в Неаполь и тамо содержится в замке под крепким же караулом».

Играть в прятки становилось опасным, и венский двор дал согласие на свидание Толстого и Румянцева с царевичем: дескать, если царевич даст себя уговорить вернуться в Россию, то это его дело.

Толстому понадобилось несколько свиданий, чтобы угрозами и уговорами заручиться согласием царевича вернуться на родину. 4 октября 1717 г. он известил о своем намерении отца.

Путь от Неаполя до Москвы царевич Алексей преодолевал в течение трех с половиной месяцев — въезд его в старую столицу, где находился царь и куда были вызваны сенаторы, высшее духовенство и генералитет, состоялся 3 февраля.

Петр знал, что слабовольный сын сам, без влияния со стороны не рискнул бы на бегство. У него, полагал царь, были сообщники, которых он и решил сурово наказать. Во время первого же свидания царь в присутствии вельмож спросил:

— Зачем не внял ты моим предостережениям и кто мог советовать тебе бежать?

Царевич в уединенном разговоре назвал сообщников и после этого возвратился в зал, где подписал заранее заготовленное

отречение от престола. Затем был обнародован манифест, лишавший Алексея права наследовать престол.

Следствие о сообщниках царевича Петр взял в свои руки. В Петербург мчались курьеры, чтобы взять под стражу и доставить в Москву скованными то одного, то другого сообщника, названно-. го царевичем/ Среди арестованных был и Кикин, которого царь велел Меншикову пытать еще в Петербурге, но слегка, «чтоб дорогою не занемогли».

В тот же день, 4 февраля, царь наметил вопросы, на которые должен был ответить Алексей. Отец призывал сына к полной откровенности и чистосердечному рассказу обо всем: «Все, что к сему делу касается, хотя# чего здесь и не написано, то объяви и очисти (оправдайся. — Н. П.) себя, как на сущей исповеди. А ежели что укроешь, а потом явно будет — на меня не пеняй, вчерась пред всем народом объявлено, что за сие пардон не в пардон». Иными словами, царь освобождал себя от обещаний, в том числе обещания даровать царевичу жизнь, если тот начнет лгать, изворачиваться, заметать следы и не проявит откровенности.

18 марта 1718 г. двор отправился из Москвы в Петербург, накануне в Москве состоялись казни. Главный советник царевича и организатор его побега был подвергнут колесованию.

Следствие по делу царевича обнаружило, что Алексей вынашивал чудовищные планы овладения троном.

, Всякая весть о неблагополучии в России, поставляемая ему в заточение австрийским правительством, вызывала у него неподдельную радость. До него дошла молва о победе, будто бы одержанной шведами над русскими войсками, и эта новость вызвала у него восторг. На радостях царевич потирал руки, когда до него дошла ложная весть о восстании против Петра. Поверил он и слуху, что в-.России созрел заговор с намерением убить отца и что вельможи и простые люди ни о чем так не мечтают, как о том, чтобы увидеть его на троне. А что будет потом, когда он станет хозяином положения и «самодержавием всея Руси»?

Затуманенная винными парами голова царевича была скудна мыслями на этот счет. Но одну меру он осуществил бы неукоснительно — вернулся бы к старым порядкам, существовавшим в России до преобразований Петра. Он намеревался предать забвению флот, оставить Петербург и «жить зиму в Москве, а лето в Ярославле». Крутой поворот к старине Алексей предполагал осуществить с помощью не сподвижников отца-преобразователя, а людей, придерживавшихся старомосковских обычаев: «Я старых всех переведу, а изберу себе новых по своей воле».

Итак, сын оказался изменником. Судьбу его мог решить сам Петр. «Однако ж, — писал царь в обращениях к духовным иерархам и светским чинам, — боюсь бога, дабы не погрешить, ибо натурально есть, что люди в своих делах меньше видят, нежели другие в их. Також и врачи, хотя б и всех искуснее который был, то не отважится свою болезнь сам лечить, но призывает других». Этими «другими» и должны были стать высшие светские чины в гражданской администрации и генералитет, с одной стороны, и высшее духовенство — с другой.

После того как царь передал дело царевича на рассмотрение гражданских и духовных судей, Алексей уже перестал быть царевичем, он стал обычным колодником. Он был лишен свободы и заключен в Петропавловскую крепость. 24 июня ему объявили приговор светских чинов — его преступления достойны смертной казни. Приговор не был приведен в исполнение.

Существует две версии смерти царевича Алексея. Согласно одной, официальной, он умер. По другой версии, его удушили. Так как вторая версия не подтверждается ни одним документом, внушающим доверие, то вероятно и нервного потрясения.

Далее следовало посещение Сената и Адмиралтейства. За обеденный стол Петр садился в час дня. Меню царя отличалось простотой и скромностью: на стол подавались щи, каши, жареное мясо с солеными огурцами или лимонами, студень, солонина или ветчина. Рыба не относилась к любимым блюдам царя, не любил он и сладостей.

Послеобеденный отдых длился часа два. После сна наступало время занятий в кабинете: он читал донесения, составлял или редактировал инструкции, указы, регламенты, редактировал сочинение, посвященное истории собственного царствования, — «Гисто-рию Свейской войны».

Вечера царь проводил либо в гостях, либо в токарной мастерской — большой комнате на втором этаже Летнего дворца, уставленной разнообразными станками, с множеством инструментов и материалов, из которых умелые руки вытачивали изящные предметы. «В этом мастерстве, — записал осведомленный иностранец, — он не уступит искуснейшему токарю и даже достиг того, что умеет вытачивать портреты и фигуры». Работал Петр «с таким усердием и вниманием… точно работал за деньги и этим снискивал себе пропитание».

Токарная мастерская являлась местом отдыха и уединения царя. Механик Петра Андрей Нартов рассказывал, что он прибил к входным дверям мастерской лист бумаги с текстом, написанным царем: «Кому не приказано, или кто не позван, да не входит сюда не токмо посторонний, но ниже служитель дома

сего, дабы хотя сие место хозяин покойное имел».

Среди предметов, изготовленных царем и затем подаренных кому-либо из приближенных, сохранилось множество шкатулок, табакерок, медальонов. Шедевром токарного мастерства Петра является хранимое в Эрмитаже паникадило с 26 рожками, выточенное из слоновой кости при участии, как полагают специалисты, других токарей.

Современники удивлялись, как Петру удавалось совмещать огромные заботы по управлению государством и руководству военными операциями с участием в увеселениях и занятиями физическим трудом. Когда с подобным вопросом к Петру обратился один из иностранных дипломатов, царь ответил, что такая деятельность сохраняет здоровье, и тут же добавил, что нынешние его «кабинетные заботы» не идут ни в какое сравнение с тем, что1 ему довелось перенести в первые годы войны.

Этот разговор происходил в 1722 г. Но «кабинетным заботам» Петр отдавался и раньше, и позже. По расписанию, составленному в 1721 г., дни е понедельника по четверг отводились сочинению Адмиралтейского регламента, пятница предназначалась присутствию в Сенате, утренние часы субботы посвящались редактированию «Гистории Свейской войны», а утро воскресенья — ди- ¦ иломатическим делам. Расписания, составленные позже, регистрировали происшедшие к тому времени изменения: вместо одних, уже выполненных работ появлялись новые. Так, в январском расписании 1724 г. работа по составлению Адмиралтейского регламента отсутствовала, так как регламент был завершен в 1722 г. Зато появились новые пункты о присутствии в суде два раза в неделю и рассмотрении дел в Адмиралтействе — по пятницам.

Над этим фактом стоит призадуматься, он говорит о многом: и о том, какую роль в преобразованиях играло личное участие Петра, и о том, какое значение имела его инициатива, чтобы начинания не заглохли в самом зародыше. Но отмеченный факт говорит и о другом: Петра окружала плеяда одаренных людей, высоко им ценимых, однако никто из сподвижников царя не мог соперничать с ним ни по широте взглядов, ни по способностям проникнуть в глубину явления и определить то главное, что помогало довести начатое дело до благополучного конца. Будучи исключительно одаренным, Петр отнюдь не руководствовался советом, который был дан еще Ивану Грозному: не держи советников умнее себя. Наоборот, он всюду искал умных людей, но, к великому своему огорчению, находил их очень мало. Петр считал, что среди его сотрудников нет или почти нет фигур, способных осуществить его замыслы, — для этого им не хватало

ни знаний, ни опыта, ни умения учитывать традиции и особенности русского общества. Именно исходя из посылки о слабой политической и юридической подготовке своих непосредственных соратников, Петр обращался с ними как со школярами, предупреждал о недопустимости слепого копирования шведских уставов и регламентов: «Которые пункты в шведском регламенте неудобны или с ситуациею сего государства несходны, и оные ставить по своему рассуждению». Он требует, чтобы они ознакомились с трактатом популярного юриста XVII в. Самуэля Пуфендорфа, перевод которого царь, по свидетельству современника, расхваливал повсюду, где к тому представлялась возможность: «при собраниях сенаторов, и в собственных своих палатах, и на ассамблеях в домах сенаторских». «Троевременная» школа была прежде всего школой овладения военно-морскими знаниями. Теперь пришел черед овладевать знаниями и опытом государственного строительства и управления.

Дело, однако, было не только в недостаточной подготовленности соратников, но и в характере царя — его обыкновении «влезать» самому во все мелочи, в результате чего подавлялась инициатива его ближайших помощников. Личное управление оборачивалось безынициативностью — соратники ждали по каждому поводу указаний и повелений. Эту особенность петровского правления Пушкин выразил в словах: «Все дрожало, все безмолвно повиновалось».

В составленном в 1718 г. указе Петр писал, что, несмотря на «свои несносные труды в сей тяжкой войне», он находил время для обучения людей военному делу и составления «Устава воинского». Войско приведено в «добрый порядок», плоды этого «доброго порядка» известны всем — русская армия сокрушила одну из лучших в Европе. «Ныне, управя оное, и о земском правлении не пренебрег, но трудится и сие в такой же порядок привесть, как и воинское дело».

Одним из средств достижения «доброго порядка» были рационально организованные государственные учреждения. Первые практические шаги в этом направлении Петр предпринял, как было отмечено выше, еще в начале 1712 г., издав указ об организации коллегии для торговли, «чтоб оную в лутчее состояние привесть». Новому учреждению царь дал иностранное название, но оно не вносило ничего нового в принципы организации центрального аппарата. Понадобилось еще несколько лет, чтобы мысль о замене старинных приказов коллегиями приобрела четкую форму.

Сразу же после возвращения из-за границы Петр возобновил прерванную работу. Находясь в Петербурге, он познакомился с

переведенными на русский язык регламентами центральных учреждений Дании, Швеции и других государств. Накануне отъезда в Москву в декабре 1717 г. царь составил ряд указов, поставивших дело организации коллегий на практические рельсы: он определил число коллегий, назначил в каждую из них президентов и вице-президентов и установил срок, когда новые учреждения должны были приступить к работе. Срок был жестким — «з будущего года», т. е. с 1718 г.

Но прошло полгода, и царю пришлось не без горечи отметить безрадостный факт: возвратившись в марте в столицу из Москвы, он обнаружил, что «в некоторых немного, а в иных — ничего» не сделано. Последовал указ, требовавший от президентов более энергичных действий.

Настойчивость царя не принесла ожидаемых плодов — дело подвигалось настолько медленно, что истек и 1718 г., а коллегии не приступили к работе.

Почему Петр проявлял столь пристальное внимание к организации новых учреждений, какими соображениями он руководствовался, когда требовал от соратников большего усердия в создании коллегий?

Царь, как и его ученые современники из стран Западной Европы, исходил из мысли, что все беды в обществе проистекали не от несправедливо устроенной его социальной структуры, а от несовершенной структуры государственного аппарата. Стоило его организовать на разумных началах, как все изменится к лучшему и в стране наступит время всеобщего благоденствия.

Послушаем, какой совет Петру на этот счет давал крупный немецкий ученый Лейбниц: «Опыт достаточно показал, что государство можно привести в цветущее состояние только посредством учреждения хороших коллегий, ибо как в часах одно колесо приводится в движение другим, так и в великой государственной машине одна коллегия должна приводить в движение другую, и если все устроено с точною соразмерностью и гармонией, то стрелка жизни непременно будет показывать стране счастливые часы».

Петр полагал, что ради «счастливых часов» стоило потрудиться, не жалея сил, и, уверовав в эту идею, убеждал всех, что коллегии вводятся «ради порядочного управления» государственными делами, «поправления полезной юстиции и полиции», содержания «в добром состоянии» сухопутных и военно-морских сил, «умножения и приращения коммерции, рудокопных заводов и мани-фактур».

Из царских указов можно составить представление о том, какими преимуществами, по его мнению, обладали коллегии.

Одно из них состояло в том, что у президента коллегии было меньше условий и возможностей для произвола, чем у руководителей приказов. В коллегиях, рассуждал царь, «президент не может без соизволения товарищев своих ничего учинить», в то время «как старые судьи делали, что хотели».

Другое преимущество коллегий состояло в том, что «истину» легче установить при обсуждении какого-либо вопроса многими лицами. В этом случае «что един не постигнет, то постигнет другой». Коллегиально принятые решения, кроме того, будут иметь больший авторитет, чем решения единоличные.

Третье преимущество коллегиальной системы управления состояло в том, что «единоличный правитель гнева сильных боится», в то время как при коллегиальном решении подобные опасения исчезают.

В идиллические представления царя о коллегиях жизнь внесла существенные коррективы — коллегиальная система управления, какой бы совершенной она ни была, не могла устранить ни произвола, ни волокиты, ни страха президента перед вышестоящим чиновником, например сенатором, но два важных преимущества эта система над приказами все же имела: во-первых, в основе коллегиальной системы лежало четкое разграничение сфер управления, что практически отсутствовало в приказном строе; во-вторых, власть коллегий в той области управления, которой каждая из них руководила, распространялась на всю территорию страны: коллегии положили конец такому порядку, когда одним и тем же делом занималось несколько учреждений; исчезли также учреждения, чьи права ограничивались определенной территорией (Сибирский приказ, Малороссийская коллегия и др.). В итоге достигалась высокая степень централизации государственного аппарата.

Коротко о каждой из коллегий. Важнейшими из них считались Коллегия иностранных дел, Адмиралтейская и Военная. В то время перечисленные три коллегии назывались «первейшими».

В ведомстве Коллегии иностранных дел находились сношения России с другими государствами. Эта коллегия имела предшественника — Посольский приказ.

Выход России на международную арену значительно усложнил дипломатическую службу. Раньше связи с иностранными государствами осуществляли периодически отправляемые туда посольства, которые выполняли разовые поручения: Выполнив их, они возвращались в Россию, пока не появлялась новая потребность в их отправке. Теперь в важнейших западноевропейских государствах, а также в Османской империи

была установлена постоянная дипломатическая служба. Равным образом и в России действовали дипломатические представительства Англии, Франции, Австрии, Швеции (после заключения мира) и других государств.

При встрече иностранных послов придерживались западноевропейского дипломатического протокола. Впрочем, новый дипло- матический этикет соблюдался далеко не всегда — русские дипломаты продолжали держаться стародавних представлений о «государевой чести» и прибегали к разным уловкам, чтобы не уронить ее. Такими уловками пользовался даже Петр, как известно, менее всего склонный считаться с этикетом. Он, например, принимал иностранных послов стоя и без головного убора. Это делалось с той целью, чтобы, не снимать шляпу и не вставать при произнесении титула иностранного государя. Чтобы не оставлять места около себя иностранному послу, царь становился на край помоста под балдахином.

Военная коллегия заменила множество приказов, имевших касательство к вооруженным силам на суше: Стрелецкий приказ, Пушкарский приказ, Рейтарский приказ и др. Теперь комплектование, вооружение, снаряжение и обучение армии сосредоточивалось в руках одного учреждения.

Новым учреждением, не имевшим предшественников в XVII в., являлась Адмиралтейская коллегия. Ее возникновение было связано с превращением России в морскую державу, с созданием военно-морского флота. Как и Военная, Адмиралтейская коллегия занималась комплектованием и обучением экипажей кораблей. В ее ведении находились верфи, на которых сооружались корабли, а также военно-морские крепости.

Финансами страны заведовали три коллегии. Обязанности между ними распределялись следующим образом: доходами ведала Камер-коллегия. Она занималась сбором прямых и косвенных налогов. К прямым налогам относилась подушная подать, о которой будет сказано ниже. Под косвенными налогами подразумевались поступления от продажи товаров, торговля которыми находилась в монопольном владении государства. Только казна могла продавать соль, вино и табак. Поэтому в ведении Камер-коллегии состояли питейные заведения, а также магазины по продаже соли и табака.

Расходы государства находились в ведении Штатс-контор-кол-легии. Она производила ассигнования на различные нужды: армию, флот, промышленные предприятия, принадлежавшие государству, учебные заведения и т. д.

Ревизион-коллегия осуществляла контрольные функции как

за поступлением сборов в бюджет государства, так и их расходованием.

Важное значение в структуре центральных учреждений имели торгово-промышленные коллегии.

Попечение над черной и цветной металлургией осуществляла Берг-коллегия. В ее ведении находились казенные и частные металлургические заводы, рудники, а также владельцы заводов. Она выдавала разрешения на постройку заводов, а также предоставляла промышленникам различные привилегии.

Права Мануфактур-коллегии были такими же, как и Берг-коллегии, только распространялись они на предприятия и их владельцев в легкой промышленности: парусно-полотняные, суконные, шелковые и другие мануфактуры. Третья из торгово-промышленных коллегий — Коммерц-коллегия ведала внешней торговлей.

Вместо Поместного приказа, ведавшего в XVII в. земельными делами, была организована Вотчинная коллегия. Поместное землевладение к тому времени было уже ликвидировано, и раздача земель за службу более не производилась. В связи с этим обязанности Вотчинной коллегии отличались от обязанностей Поместного приказа. Вотчинная коллегия ведала всякого рода земельными спорами, делами о наследовании земли и т. д.

Одиннадцатой коллегией была Юстиц-коллегия. Она руководила деятельностью местных судебных учреждений.

На правах коллегий существовало еще два учреждения. Одно из них — Синод — было настолько важным, что заслуживает более подробного рассмотрения.

Еще в 1700 г. умер патриарх Адриан. Дальновидный прибыльщик Курбатов тогда же посоветовал Петру «до времени обождать» с избранием нового патриарха, так как от патриаршества, по его мнению, добра никакого не будет. Царя не пришлось долго в этом убеждать. Ему была хорошо известна история борьбы патриарха Никона с его отцом, знал он и взгляды патриарха Адриана относительно роли церкви в государстве: «Царство власть имеет только на земле, между людьми… священство же власть имеет и на земле и на небе». Петру, наконец, были известны распространявшиеся среди духовенства слухи о том, что он, Петр, не настоящий царь, что настоящего царя подменили «а иностранца еще в годы младенчества.

Вместо патриарха руководить церковными делами Петр призвал митрополита Стефана Яворского, объявленного местоблюстителем патриаршего престола. В лице Яворского Петр не обрел активного сторонника преобразований, но Яворский не оказывал и решительного сопротивления им. Зато другие

представители духовенства, если не явно, то тайно относились к Петру недоброжелательно, что тоже ему было хорошо известно. «Когда б не монахиня, не монах и не Кикин, Алексей не дерзнул бы на такое зло неслыханное. Ой, бородачи, многому злу корень — старцы и попы. Отец мой имел дело с одним бородачом, а я с тысячами». Наконец, в 1721 г. церковь получила свой высший орган — Синод.

За переменой вывески скрывались перемены огромной политической значимости. Чтобы их оценить, вспомним дело патриарха Никона, доставившего немало неприятных забот царю Алексею Михайловичу.

Рассказывают, что царь, присутствуя на собрании церковных иерархов, обнаружил их желание иметь патриарха. Петр вынул из кармана Духовный регламент и голосом, не допускавшим возражений, произнес: «Вы просите патриарха, — вот вам духовный патриарх. — Другой рукой он извлек из ножен кортик, ударил им по столу и, обращаясь к недовольным, добавил: — А противомыс-лящим вот булатный патриарх!»

Президентом Синода Петр оставил престарелого местоблюстителя патриаршего престола Стефана Яворского, уже неспособного оказывать влияние на работу учреждения, к тому же через год он умер. Фактическим руководителем Синода был его вице-президент Феофан Прокопович — правая рука царя в церковных преобразованиях. Прокопович сочинил регламент Синода— Духовный регламент, а также участвовал в составлении важнейших указов, относившихся к церковным и монастырским делам.

Учреждение Синода означало решительный шаг в сторону полного подчинения духовной власти царю. Синод, по образцу светских коллегий, состоял из чиновников, назначаемых самодержцем. Как и прочие чиновники, члены Синода приносили присягу и получали жалованье. Церковному начальству было категорически запрещено вмешиваться в мирские дела. Синоду, таким образом, была оставлена сфера сугубо церковных дел: наблюдение за чистотой веры, за обрядами. Ослабление церковной власти сопровождалось усилением самодержавия, снятием всяких ограничений царской власти. Именно в регламенте Духовной коллегии, т. е. Синода, было дано определение существа царской власти: «Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответа дать не должен».

Особое место в системе центральных учреждений занимал Преображенский приказ и сменившая его Тайная канцелярия. Оба учреждения были карательными и расследовали разного рода

политические преступления — от неодобрительных отзывов о Царе и членах его семьи до участия в вооруженных выступлениях против существовавших порядков.

Учреждение коллегий вызвало реорганизацию Сената. Первоначально все президенты коллегий входили в состав Сената. В 1722 г. Петр признал, что «сие сначала не осмотря учинено» было, и решил исправить ошибку. Она состояла в том, что Сенат, укомплектованный членами коллегий, естественно, не мог требовательно контролировать работу коллегий. Необходимость присутствия президента коллегии в Сенате, кроме того, отвлекала его от выполнения обязанностей в коллегии. Царским указом в Сенате были оставлены президенты только трех «первейших» коллегий.

В связи с этим указом должно отметить одну любопытную деталь — он не был выполнен. Причина тому — отсутствие чиновников, способных заполнить вакантные места в Сенате или в коллегиях. Здесь Петр встретился с теми же трудностями, которые ему довелось преодолевать в начале Северной войны: тогда недоставало военных специалистов, теперь он испытывал недостаток в помощниках по гражданским делам.

Попытка изменить состав Сената окончилась неудачей. Главным в реформе Сената следует считать учреждение при нем нового должностного лица — генерал-прокурора.

Петра(1издавна интересовала организация контроля за работой правительственных учреждений. Напомним, что с этой целью были введены фискалы. Но фискалы выступали лишь регистраторами нарушении указов. Им было запрещено вмешиваться в деятельность учреждений, вносить предложения, опротестовывать их решения и т. д. Этот пробел в деятельности фискалов царь решил восполнить контролерами, осуществлявшими гласный, т. е. открытый, надзор с правом вмешиваться в обсуждение решений Сената и коллегий, указывать на незаконность принимаемого решения. Генерал-прокурору было даже предоставлено право приостанавливать решения Сената.

Генерал-прокурором Сената Петр назначил Павла Ивановича Ягужинского, человека энергичного, умного и властного, сумевшего этой должности придать огромный авторитет. Петр высоко ценил способности Ягужинского, его прямоту, остроумие и веселый нрав. Рассказывают, что царь однажды велел Ягужинскому написать указ: если кто украдет столько, что на эту сумму можно купить веревку, то будет повешен. Генерал-прокурор возразил: ч — Мы все воруем, только один более и приметнее, чем другой.

Петр расхохотался и отказался от своего намерения.

Не менее важным, чем организация коллегий, Петр считал составление уставов и регламентов, которыми должны были руководствоваться в своей работе коллегии и должностные лица. Некоторые из уставов он не только редактировал, но и сам составлял, работая по 14 часов в сутки. Участие Петра в составлении Устава воинского ограничилось редактированием. А составление Морского устава, опубликованного в 1720 г., как писал Петр в предисловии к нему, «чрез собственный наш труд учинено и совершено*. Адмиралтейский регламент, по словам царя, сочинен «не повелением токмо, но самым трудом, где не токмо утрами, но вечерами по дважды на день оное делано в разные времена».

Среди регламентов выделялся своей значительностью Генеральный регламент. В отличие от регламентов коллегий, каждый из которых определял права и обязанности конкретного учреждения в той отрасли управления, которой она ведала, Генеральный регламент устанавливал права и обязанности должностных лиц в коллегиях, начиная от сторожа и истопника и кончая президентом. Генеральный регламент определял, кроме того, порядок ведения делопроизводства во всех учреждениях.

Сколь важным считал царь Генеральный регламент, свидетельствует наличие его 12 редакций, из которых шесть принадлежат ему.

В архивах сохранилось великое множество документов со следами участия в их составлении Петра. Очень неразборчивым почерком, с большим количеством орфографических ошибок царь сочинял указы, причем некоторые из них он многократно переписывал. Личное участие в законодательстве — особенность деятельности Петра. Его преемники лишь подписывали указы, составленные чиновниками. Петр трудился над указами с такими же усердием и отдачей сил, с какими он осаждал крепости или руководил постройкой и спуском корабля.

Чрезмерный интерес Петра к законодательству объяснялся его беспредельной верой в безграничную силу указов: если государство имеет разумные законы и подданные будут беспрекословно их выполнять, то такому государству ученые того времени сулили процветание.

Населению России, в подавляющем большинстве неграмотному, указы, наставлявшие, как поступать во всех случаях жизни, были необходимы в еще большей степени. Петр по этому поводу рассуждал: «Наш народ, яко дети, неучения ради которые за азбуку не примутся, когда от мастера (наставника. — Н. П.) не приневолены бывают».

Подданных, «яко детей», надлежало наставлять во всем — от их упражнений в хозяйстве до удовлетворения духовных запросов, от наблюдения за их внешним видом до семейной жизни.

Отсюда — непрерывный поток указов. Многие из них стремились внушить, разъяснить, убедить подданных в целесообразности и даже крайней необходимости выполнения норм и порядков, предусмотренных указом.

Население страны жало хлеб серпами. Указ потребовал, чтобы серпы были заменены косами. Это сулило большие выгоды: при работе косой, читаем-в указе, «средний работник за десять человек сработает». Указ запрещал обработку юфти дегтем на том основании, что обувь, изготовленная из такой юфти, пропускала воду и расползалась в дождливую погоду. Юфть надлежало обрабатывать, ворванным салом. Указ устанавливал двухгодичный срок для овладения новой технологией. Подданные должны были руководствоваться предписаниями государства при строительстве изб, при кладке печей, при посещении церкви,!при похоронах умершего и т. д. и т. п.

Указы не только убеждали, но и угрожали наказанием. Одним указы грозили денежным штрафом, другим — конфискацией имущества, третьим — наказанием батогами, четвертым — ссылкой в Сибирь на заводы, пятым — ссылкой на галеры, шестым — смертной казнью. Это дало основание великому Пушкину заметить, что Петр в одних случаях проявлял обширный ум, исполненный доброжелательства и мудрости, а в других — жестокость и своенравие. Некоторые указы, по мнению поэта, «кажется, писаны кнутом».

К указам, выявлявшим «обширный ум» царя, относится Табель о рангах 1722 г., вводившая новый порядок продвижения по службе. Каждый чиновник в гражданском или военном мундире должен был в зависимости от своих способностей продвигаться на службе по 14 ступеням, или рангам, начиная от низшего, 14 ранга (прапорщик на военной и коллежский регистратор на гражданской) до первого, к которому относились канцлер и адмирал.

Установленный Табелью о рангах порядок продвижения по службе предоставлял представителям неродовитых дворян условия для получения высоких чинов. Кроме того, она открывала возможности для проникновения в ряды дворянства выходцев из «подлых сословий». Все, кто получал первый офицерский чин на военной или морской службе, становились потомственными дворянами. На гражданской службе потомственное дворянство предоставлялось с восьмого ранга (коллежского асессора).

Итак, в результате административных реформ был сконструирован государственный механизм. Его царь вооружил уставами и регламентами, а подданных — руководящими указами. Казалось, Что «часы», о которых он много лет мечтал, и стрелки, которые могли показывать «счастливое время», безотказно действуют. На самом деле «счастливое время» не наступило и не могло наступить. Жизнь в обществе с антагонистическими классами, основанном на жесточайшей эксплуатации и бесправии, развивалась по своим законам и жестоко насмехалась над указами, объяснявшими, как лучше и проще всего добиться блаженства и, довольства всех подданных.

Вместо блаженства и довольства рождались новые социальные противоречия, вместо общего согласия — классовая борьба, которую не могли ни преодолеть, ни остановить новые учреждения, новые уставы и регламенты, новые указы.

Видел ли Петр противоречия между «добрыми порядками» на бумаге и далеко не добрыми порядками в жизни? Не только видел, повседневно наблюдал, но и пытался их преодолеть. Способ был не нов, он состоял в ужесточении репрессий за неисполнение указов. Угрозы сыпались, как из рога изобилия.

Создавался своего рода замкнутый круг, выйти за пределы которого без коренных изменений социальной структуры и политического устройства было невозможно. Но эта мысль, очень простая и доступная современному школьнику, была недоступна ни Петру, ни его современникам. Но если бы царь ее даже усвоил, он, выразитель интересов дворянства и защитник крепостнического режима, не только не стал бы ее проводить в жизнь, но обрушил бы на тех, кто покусился на права дворян и существовавший социально-политический строй, всю мощь государственного механизма.

Царствование Петра сопровождалось дальнейшим развитием крепостнического режима. Оно было связано с осуществлением грандиозного по масштабам того времени мероприятия — переписью податного населения и изменением единицы налогового обложения.

Все население страны делилось на податное, т. е. плативщее в казну налоги, и неподатное, привилегированное, освобожденное от налогов. К первому относились крестьяне и горожане, ко второму — дворяне и духовенство.

С 1680 г. единицей обложения был двор. Прошло 30 лет, и правительство, уверенное в том, что за это время число дворов увеличилось, решило провести новую подворную перепись. Результат ее разочаровал, ибо она обнаружила не увеличение, а уменьшение числа дворов. В Смоленской губернии, например,

численность населения уменьшилась на 21 %, в Архангелогородской и того больше — на 40 %. Отчасти это объяснялось бегством крестьян и горожан в необжитые, глухие районы, куда местные власти не рисковали появляться. Но главная причина уменьшения численности дворов связана со стремлением помещиков скрыть от переписчиков подлинное число плательщиков. С этой целью помещики объединяли несколько семей родственников, а иногда и чужих друг другу людей в один двор.

Обер-фискал Нестеров обратился к Петру с доношением, в котором рекомендовал перейти к «поголовщине», т. е. объявить единицей обложения не двор, а мужскую душу. В этом случае, рассуждал он, отпадет желание объединять несколько дворов в один, «как преж сего было», а также разгораживать дворы и разрушать ворота.

Царь внял советам и в 1718 г. распорядился провести перепись мужчин податного населения, причем списки крестьян должны были подавать помещики, монастыри и дворцовое ведомство. Прошло несколько лет, а многие помещики ведомостей не подавали. Те же из дворян, которые их подали, как выяснилось позже, включили в них далеко не всех принадлежавших им крестьян. Угрозы смертной казнью и конфискацией утаенных душ не оказывали ожидаемого воздействия.

В 1721 г. был опубликован «последний указ» — «дабы впадшие тою утайкою в погрешение могли все исправиться» и донести об утайке до 1 сентября. Отсрочкой и амнистией помещики и монастыри воспользоваться не пожелали. Тогда было решено обревизовать представленные ведомости. Для этого были созданы переписные канцелярии, укомплектованные офицерами во главе с генералами. Ревизия — с этого времени за переписями утвердилось такое название — обнаружила утайку одного миллиона мужских душ.

Более или менее точная цифра ревизских душ стала известна весной 1724 г. — среди сельского населения было зарегистрировано 5,4 миллиона мужских душ. Взимаемый с них налог предназначался на содержание сухопутной армии. Каждая мужская душа из крестьян, будь то грудной младенец или древний старец, обязана была ежегодно платить подать в сумме 74 копейки. Размер подати с души был определен чисто арифметическим путем. Было установлено, что на армию требовалось четыре миллиона рублей в год. Эту сумму поделили на 5,4 миллиона мужских душ, и в итоге получилась некруглая сумма — 74 коп. Впрочем, подать в таком размере никогда не

взималась, так как Екатерина I, в связи с вступлением на престол в январе 1725 г., уменьшила ее размер на 4 копейки.

Подушная подать должна была заменить все ранее взимавшиеся сборы. В результате податной реформы доходы государства в 1724 г. по сравнению с 1680 г. увеличились в три раза. Но из этого отнюдь не следует, что налоговое бремя давило на крестьян и горожан в 1724 г. в три раза сильнее, нежели в 1680 г.

За 40 с лишним лет увеличилась численность населения. В какой-то мере повысилась также производительность труда. Заметнее всего это наблюдалось в ремесле и особенно в мануфактурном производстве, где использовались более совершенные орудия труда. Но главным источником увеличения доходов казны было включение в число налогоплательщиков новых категорий населения, которые до этого государственной подати не платили (дворовые, гулящие люди).

Значение первой ревизии не исчерпывается увеличением финансовых поступлений. Для многих категорий сельского населения она имела социальные последствия.

До проведения первой ревизии примерно миллион сельских жителей не принадлежал ни монастырям, ни помещикам, ни дворцовому ведомству, т. е. царю. В то время как помещичьи, монастырские и дворцовые крестьяне, помимо податей государству, платили оброк или выполняли барщинные повинности в пользу помещика, монастыря и дворцового ведомства, черносошные крестьяне Севера, ясашные люди Среднего Поволжья (чуваши, мордва, черемисы и др.) и некоторые другие категории населения ограничивались уплатой только государственной подати.

Податная реформа объединила все эти категории населения в единый разряд государственных крестьян и приравняла их к помещичьим, монастырским и дворцовым. Считалось, что повинности крестьянина в пользу феодала исчислялись в 40 коп. с мужской души. Именно такую сумму государственный крестьянин и должен был вносить в казну. Таким образом, общая сумма налога и оброчных денег с мужской души государственного крестьянина равнялась 1 р. 10 коп. (70-)-40 коп.). В итоге проведения первой ревизии государственные крестьяне были включены в сферу феодальной эксплуатации, которой их подвергало само государство.

Податная реформа ярче всего обнажает содержание и направленность социальной политики Петра. Она, кроме того, дает представление об источниках материальных ресурсов, за счет которых производились преобразования. Содержание

регулярной армии и военно-морского флота, а также административного аппарата, строительство монументальных правительственных зданий требовали денег. Их выколачивали с крестьян и горожан в виде подати.

Перепись населения имела еще одно следствие — появилась возможность более или менее точно определить численность населения России. Всего было учтено 5,65 млн. душ мужского населения, крестьян и горожан. Чтобы узнать общую численность населения, следует эту цифру удвоить и к полученному результату прибавить не учтенных переписью жителей Украины, Прибалтики и Сибири. В итоге получим цифру 15,5 миллионов человек.

Итак, правительству Петра удалось осуществить административные преобразования, было положено начало переписи населения. Но главной оставалась третья задача — завершение войны и подписание мира со Швецией. Исход борьбы был ясен всем, даже упрямому Карлу XII, как мы помним, долгое время не соглашавшемуся вести переговоры о мире. Но обстоятельства оказались сильнее упрямства — Швеция утратила все свои владения на континенте Европы, перспективы их возвращения напрочь отсутствовали. Более того, дело клонилось к тому, что ее коренная территория могла стать театром войны. По мере укрепления Балтийского флота России такая опасность для Швеции приобретала реальные черты. К этому надобно добавить отказ Франции выдавать Швеции субсидии.

Королю ничего не оставалось, как согласиться на мирные переговоры. Они начались 12 мая 1718 г. на Аландских островах.

Шведские уполномоченные предложили сложную процедуру встречи, но Петр предупредил своих представителей Брюса и Остермана: никаких церемоний, никаких проволочек. «Надобно вам стараться, чтоб шведы согласились на это и съезд состоялся без потери времени, ибо уже время к воинскому походу приближается». Руководство переговорами Петр взял в свои руки. Он составил инструкцию Брюсу и Остерману с перечислением условий будущего мира, пристально следил за развитием событий на конгрессе и отправлял дополнительные наставления уполномоченным. Чтобы сократить время на доставку почты с Аландских островов и обратно, Петр летние месяцы провел в Кронштадте, Ревеле и Або.

Шведские уполномоченные выслушали условия договора: Инг-рия, Лифдяндия и Эстляндия, а также Карелия остаются за Россией, завоеванная ею Финляндия возвращается Швеции. Остерману, человеку вкрадчивому и ловкому, удалось перевести официальные переговоры на путь конфиденциальных бесед с

главой шведской делегации Герцем. Публичные конференции лишь регистрировали результаты, достигнутые во время приватных встреч. Петр отправляет Остерману письмо: не скупиться на расходы, и если Герц проявит готовность заключить мир, угодный России, то «обещать ему подарок хотя до ста тысяч рублей и вперед всякое награждение».

Уступчивость шведских уполномоченных объяснялась отнюдь не обещанной мздой — каждый шаг Герца был санкционирован Карлом XII, равно как Брюса и Остермана — Петром I. Теперь даже упрямый король усвоил, правда, с большим опозданием, что Швеция безвозвратно утратила свои прибалтийские владения и продолжение войны с Россией не сулит никаких выгод.

Переговоры подходили к благополучному концу. Петр писал в сентябре 1718 г.: «Мы трудимся неусыпно, о чем у нас и надежда». Но тут случилось непредвиденное — в октябре король был убит то ли неприятельской, то ли предательской пулей, и на престол вступила его сестра Ульрика Элеонора.

Смерть короля сопровождалась крупными переменами во внешнеполитическом курсе нового правительства Швеции. В окружении королевы возобладали сторонники продолжения войны. Они рассчитывали начать сепаратные переговоры с союзниками России, соглашались на удовлетворение-их кое-каких притязаний, с тем чтобы изолировать главного своего противника — Россию. Особые надежды королева и ее сторонники возлагали на Англию, от которой ожидали получить помощь флотом и деньгами.

Руководитель шведской делегации на Аландском конгрессе по повелению Ульрики Элеоноры был схвачен и казнен, достигнутая договоренность аннулирована. Королева выдвинула требования, заведомо неприемлемые для Петра, — вернуть Швеции Лифлян-

заведомо неприемлемые для Петра, — вернуть Швеции Лифлян-дию и Эстляндию, то есть прибалтийские приобретения России. Петр понимал, что только новые военные усилия России принудят Швецию к миру и не рассчитывая более на союзников выражавшего готовность заключить мир, шведы, умышленно задерживавшие переговоры, покинули Аландский конгресс.

На что рассчитывала Швеция, прерывая переговоры? Только не на собственные ресурсы. Ее военная мощь на суше и на море оказывать Стокгольму всяческую помощь в м принудить Россию заключить невыгодные дл В воды Балтийского моря вошла мощная.

В воды Балтийского моря вошла мощная эскадра английского адмирала Норриса. Ее цель — демонстрация симпатий Англии к

Швеции. Не исключалось также внезапное нападение на русский флот. Царь не поддался шантажу и провокациям и заявил: «Мы ни на какие угрозы не посмотрим и неполезного миру не учиним, но чтоб ни было, будем продолжать войну».

Весной 1720 г. Норрис вновь появился в водах Балтики. Это, однако, не помешало Балтийскому флоту совершить две важные акции: высадить десант на шведское побережье, а затем одержать блестящую победу над шведским флотом.

Переговоры о мире возобновились 28 апреля 1721 г. в Ништадте.

Петру, как и на начальном этапе Аландского конгресса, не сиделось на месте. Он знает, что к безвестному финскому городу приковано внимание Европы. Ему также известно, что недруги России, в первую очередь Англия, предпринимали отчаянные попытки сорвать переговоры. Он помнил, что два года назад им это удалось сделать и Аландский конгресс закончился безрезультатно не столько из-за нелепой гибели Карла XII, сколько из-за активности сил, как внутри Швеции, так и за ее пределами, противодействовавших переговорам. Поэтому царь кружит по побережью, избирая пунктами своего пребывания города, ближе всего расположенные к Ништадту — Ревель, Ригу, Гельсингфорс, Рогервик. Сюда морем мчались курьеры с донесениями Петру о том, что происходило в Ништадте, отсюда они доставляли уполномоченным дополнительные инструкции царя.

Брюс и Остерман отправились в Ништадт с инструкцией, точно определявшей условия мирного договора. За Россией оставались все земли, завоеванные в ходе войны, за исключением Финляндии. Петр рассуждал: «Я предлагал брату моему Карлу два раза мир со своей стороны: сперва по нужде, а потом из великодушия; но он в оба раза отказался. Теперь пусть же шведы заключат со мною мир по принуждению, для них постыдный». Действительно, Карл много раз имел возможность заключить почетный мир, однако рука царя, протянутая для мирного рукопожатия, не была принята. О мире с любыми территориальными уступками Карл и слышать не хотел и всякий раз игнорировал мирную инициативу. После Полтавы возможностей заключить почетный мир стало меньше. У Ульрики Элеоноры выбора уже не было, и она могла воспользоваться единственным шансом, а именно тем, который ей предписывал Петр устами своих уполномоченных.

На Аландском конгрессе русские уполномоченные соглашались на временное владение Лифляндией. Теперь Петр поручил Брюсу и Остерману разъяснить шведам, что времена

изменились и Лиф-ляндия должна находиться в вечном владении России. Русским уполномоченным надлежало «трудиться, дабы получить то уступ-ление за дачу одного миллиона даже до полутора миллионов ефимков».

Шведские уполномоченные и на этот раз пытались прибегнуть к тактике проволочек. Они предлагали сначала заключить перемирие, а затем мир. Петр разгадал этот маневр шведов и обнаружил в их предложении стремление «время выиграть, а потом, по конъюнктурам смотря, главный трактат разными затруднениями и кондициями вымышленными вдаль проволочь и происки-вать из того какой себе пользы».

В дополнительных инструкциях своим уполномоченным царь поручил им отклонять все необоснованные притязания шведов. Петру сообщили, что шведы требовали эквивалента за уступаемый России Выборг. Резолюция царя: «У нас таких земель нет». Шведы хотели, чтобы в договоре было сказано, что они отдают России Петербург. Петр пишет: «Что же в проекте шведских министров упомянуто об уступках их, что уступают нам Петербург, и вам надлежит при заключении объявить, что о Петербурге упоминать не надлежит, ибо оного при их владении не было». Шведы просили оставить им остров Эзель. Петр и здесь проявил твердость: это сделать невозможно.

Десанты на территории Швеции тоже производили впечатление и оказывали влияние на ход переговоров. Петр извещал адмирала Апраксина, руководившего десантными операциями: «Шведские министры гораздо сходнее стали, нежели пред тем были». Увидев, что шведские уполномоченные стали сговорчивее, царь велел прекратить военные действия: «По всему можно видеть, что галерного действа не будет».

Переговоры подходили к благополучному концу. Получив на этот счет извещение от Брюса, Петр сказал: «Из Ништадта благоприятны ветры нам дуют». Царь обдумывает, как отметить событие, подводившее итоги напряженнейшей борьбы страны за выход к морскому побережью. Он пожелал, чтобы весть о мире была объявлена им самим, чтобы никто в России раньше его не узнал о мирном договоре. Он пишет уполномоченным: «Сие известие мне первому привезть в Петербург, понеже не чаю, кто б более моего в сей войне трудился, и для того с сим никому являться не велите, кроме меня. Также чтоб и партикулярных писем с конгресса о том ни от кого не было от наших людей».

Меншикову Петр поручает исподволь готовиться к торжествам.

Мирный договор был подписан 30 августа. Царь получил известие об этом 3 сентября, находясь на пути в Выборг. Курьер

из Ништадта вручил ему пакет с подписанным трактатом. Брюс и Остерман сообщили: «Мы оной перевесть не успели, понеже на то время потребно было, и мы опасались, дабы между тем ведомость о заключении мира не пронеслась». Ему стоило много труда удержаться от того, чтобы не поделиться новостью с окружающими. Но все же выдержал искушение, лег спать, глаз, однако, не сомкнул: вспоминал о долгом и нелегком пути к победе, добытой невероятно тяжкими трудами, потом и кровью.

Утром царь отправился в столицу. С вошедшей в Неву бригантины ежеминутно раздавались пушечные залпы. Петр, стоя на палубе, в промежутке между залпами сообщал населению радостную весть. Весь день 4 сентября при звуках труб и литавр, покрытых белою тафтою, трубачи и всадники с белыми шарфами через плечо и белыми знаменами с изображением масличной ветви и лаврового венка разъезжали по улицам города и объявляли о заключении мира.

Война продолжалась 21 год. Петр назвал ее «троевременной кровавой и весьма опасной школой». Почему «троевременной»? Петр пояснял: «Все ученики науки в семь лет оканчивают обыкновенно, но наша школа троекратное время была. Однако же, слава богу, так хорошо окончилась как лучше быть невозможно». Он считал, что Россия никогда ранее «такого полезного мира и не получала. Правда, долго ждали, да дождались».

По Ништадтскому договору к России отходили Эстляндия, Лифляндия, города Выборг и Кексгольм. Швеция получила компенсацию за Лифляндию в сумме двух миллионов ефимков.

Приморские приобретения возводили Россию в иное качественное состояние, превращали ее в морскую державу. Выход к морю обеспечил стране нормальные условия для ее экономического и культурного развития.

«Сия радость превышает всякую радость для меня на земле» — так отозвался царь, получив известие о подписании мира.

Почти весь сентябрь столица праздновала победу: устраивались маскарады, фейерверки, танцы. Петр в костюме голландского матроса превосходно выбивал барабанную дробь.

В октябре празднества в столице завершились торжественной церемонией поднесения царю титула Петра Великого, отца отечества и императора всероссийского. Она состоялась 22 октября в Троицком соборе. Залпы сотен пушек Адмиралтейства, Петропавловской крепости и 125 галер, введенных в Неву, возвестили миру о рождении новой империи.

С появлением санного пути двор, вельможи, генералитет отправились в Москву, чтобы отметить победу и в старой столице.

Празднества в Москве, городе сухопутном, тоже должны были символизировать превращение России в морскую державу. Заснеженные улицы города представляли как бы каналы, по которым двигались запряженные лошадьми сани с водруженными на них макетами кораблей. При попутном ветре использовались паруса, «корабли» выполняли различные маневры. На палубах сидели в масках и маскарадных костюмах сенаторы, генералы, иностранные послы, придворные дамы.

Ништадтский мир подвел итоги длительной, напряженной и кровопролитной войны. Значение этого мира для России трудно переоценить — почти два столетия страна настойчиво, но безуспешно добивалась безопасного выхода к морским берегам.

Ратными подвигами российских мужиков и горожан, облаченных в военные мундиры, напряжением их материальных и духовных ресурсов ковались победы у Лесной и под стенами Полтавы, у Гангута и Гренгама. Велика была роль Петра в одержанных победах. Он проявил наряду с мудростью государственного деятеля выдающееся дарование полководца и флотоводца. Вместе с тем Петр не гнушался черновой работы и изнурительного труда во имя достижения конечной цели. Ему было достаточно завоевания Прибалтики, чтобы прославить свое имя в веках.

Несколько месяцев спустя после празднеств в Москве Петр начал подготовку к новой войне — так называемому Каспийскому походу. Поход этот отнюдь не результат особого пристрастия царя к войне, грому пушек и славе победителя. Такие чувства были присущи многим государственным деятелям. Из современников царя их вполне разделял Карл XII, ставивший культ войны превыше всего.

Подобного типа деятели, пусть даже и выдающиеся, не пользовались уважением царя, не являлись его кумирами.

Тем не менее Петр, только что закончивший изнурительную войну, вновь обнажил шпагу. И на этот раз его вынудили к тому сложившиеся обстоятельства на южных рубежах страны.

Россия издавна поддерживала торговые связи с Ираном. У Петра возникла мысль активизировать эти связи путем превращения России в транзитную территорию в торговле Ирана с Западной Европой. С другой стороны, Иран в планах Петра мог стать транзитной территорией в торговле России с Индией. Для выяснения возможности реализовать намеченные планы Петр отправляет в Иран посольство во главе с Артемием Петровичем Волынским.

Русскому послу понадобилось несколько недель пребывания в Иране, чтобы убедиться в том, что в стране господствовал хаос и

о выполнении планов царя не могло быть и речи. В Петербург Волынский доносил: «Здесь такая ныне глава, что он ни над подданными, но у своих подданых подданный, и чаю редко такого дурака можно сыскать между простых, не токмо из коронованных».

Действительно, местные феодалы открыто выступали против шаха, в стране царили произвол, беззаконие, продажность чиновников. Для армян и грузин, находившихся под властью Ирана, все эти непорядки дополнялись религиозными преследованиями. В Грузии и Армении росло освободительное движение за создание полусамостоятельных государств под покровительством России.

Развал Ирана создавал благоприятные условия для агрессии османских феодалов, зарившихся на его закавказские владения. Если бы им удалось завладеть землями в Закавказье, положение на южных рубежах России значительно осложнилось бы — Османская империя приобретала еще один плацдарм для нападения на нашу страну.

Поводом для организации Каспийского похода было ограбление в 1721 г. русских купцов в Шемахе. Жертвы нападения понесли убытки в полмиллиона рублей. В начале 1722 г. царь получил известие о выступлении против шаха очередного претендента на трон и об одержанных им победах над шахскими войсками. В результате сложились благоприятные условия для отторжения у Ирана его закавказских владений османами. Петр решил предупредить их выступление и велел готовиться к походу.

Петр выехал из Москвы 13 мая 1722 г. В Коломне к нему присоединился адмирал Апраксин, крупный дипломат Толстой, а также супруга Екатерина Алексеевна. Из Коломны царь вместе со спутниками отправился водою к Астрахани, а оттуда во главе пехотных войск отбыл в Каспийский поход. Конница шла сухим путем вдоль морского побережья. «Марш сей, — писал Петр Сенату, — хотя и не'далек, только зело труден от бескормицы лошадям и великих жаров». Жара была настолько сильной, что вынудила царя подрезать длинные волосы. Из них позже был изготовлен парик, который и ныне находится на голове «восковой персоны Петра», т. е. манекена его, находящегося в Эрмитаже.

23 августа наиб (наместник. — Н. П.) Дербента без сопротивления вручил Петру ключи от города. Появление здесь русских войск вызвало создание ополчений грузин, армян и азербайджанцев. Они готовились к соединению с русскими вооруженными силами для совместной борьбы против иранских феодалов. Однако такое соединение не состоялось, так как вследствие бескормицы и отсутствия запасов продовольствия

русские войска возвратились в Астрахань. Оттуда Петр отправился-в Москву, где ему 13 сентября была оказана торжественная встреча. На триумфальной арке был изображен вид Дербента с надписью: «Сию крепость соорудил сильный или храбрый, но владеет ею сильнейший или храбрейший». Под «сильным и храбрым» подразумевался основатель Дербента Александр Македонский.

Действия экспедиции возобновились в следующем, 1723 г. На этот раз конница не участвовала в походе, военные действия осуществляла Каспийская флотилия, овладевшая рядом опорных пунктов на западном и даже южном побережье Каспийского моря: Баку, Сальянами, Рештом. По Петербургскому договору 1723 г. эту территорию Иран уступил России. Взамен приобретений Россия обязалась «чинить вспоможение» Ирану, если он подвергнется неприятельскому нападению. Под неприятелем подразумевалась Османская империя.

Насколько Петр был предусмотрителен, предпринимая Каспийский поход, свидетельствует тот факт, что летом 1723 г. османские войска вторглись в центральные районы Закавказья и опустошили Армению, Грузию и западные районы Азербайджана. Дальнейшему проникновению османов на восток помешали русские войска, уже утвердившиеся к тому времени на западном побережье Каспийского моря.

Россия, достаточно опустошенная Северной войной, решила не ввязываться в вооруженный конфликт с Османской империей, грозивший быть таким же длительным и изнурительным, как и Северная война. В 1724 г. русское правительство заключило с Османской империей Константинопольский договор, по которому султан признал приобретения России в Прикаспии, а Россия — права Османской империи на Западное Закавказье.

Каспийский поход, хотя и не принес освобождения народам Закавказья от ига иранских феодалов, тем не менее имел положительное значение. Он способствовал росту политического влияния России в Закавказье и установлению более тесных экономических связей с народами, его населявшими. Другим следствием Каспийского похода является обеспечение безопасности южных границ России.

НА АССАМБЛЕЯХ

Содержание этой главы шире ее названия. В ней будет рассказано о преобразованиях в области просвещения и распространения знаний, в архитектуре и живописи, об отражении бурных событий в литературе и общественно-политической жизни.

Ассамблеи, возможно, относятся не к самым важным новшествам. Но это было самое характерное новшество, своего рода символ эпохи в том, смысле, что оно не имело предшественников. Если в архитектуре и живописи, равным образом и в просвещении, можно проследить преемственную связь с предшествующим столетием, то ассамблеи возникли, как говорится, на пустом месте, они не имели традиций, целиком являясь порождением преобразований, новым явлением эпохи.

В конце 1718 г. население столицы было извещено о введении ассамблей. Петр сам составил правила организации ассамблей и правила поведения на них гостей, установил очередность их созыва. Сам он стремился не пропускать ни одной ассамблеи.

Ассамблея, разъяснял царь в указе, — слово французское, оно значит некоторое число людей, собравшихся вместе или для своего увеселения, или для рассуждения и разговоров дружеских. На ассамблеи приглашалось избранное общество, вместе с женами туда должны были являться высшие офицеры, вельможи, чиновники, корабельные мастера, богатые купцы и ученые. Начинались они в четыре-пять часов дня и продолжались До 10 вечера. Хозяева, к которым съезжались гости на ассамблеи, должны были предоставить им помещение, а также легкое угощение: сладости, табак и трубки, напитки для утоления жажды. Специальные столики выставлялись для игры в шашки и шахматы. Кстати, Петр любил шахматы и играл в них превосходно. Страстным шахматистом слыл и Меншиков.

Ассамблея — место непринужденных встреч, где верхи общества проходили школу светского воспитания. Каждый мог проводить время так, чтобы получить удовольствие: одних интересовали танцы, и они кружились парами, другие вели оживленную беседу, делились новостями, третьи напряженно размышляли за шахматным или шашечным столиком над очередным ходом. Четвертые отводили себе пассивную роль зрителей или слушателей. Такой ассамблея представлялась царю, такой он ее хотел видеть.

Но и непринужденность, и неподдельное веселье, и умение

вести светский разговор или вставить уместную реплику, и, наконец, танцевать были достигнуты далеко не сразу. На первых балах петровского времени царила удручающая скука, над гостями нависала угроза вызвать каким-либо поступком раздражение царя. Танцевали, словно отбывали неприятнейшую повинность, — с каменными от напряжения лицами и плохо повиновавшимися ногами. Беседы тоже не получались — вместо них односложные ответы на простенькие вопросы и тягостно долгие паузы. Современник срисовал такую ассамблею с натуры: «Дамы всегда сидят отдельно от мужчин, так что с ними не только нельзя разговаривать, но не удается почти сказать и слова; когда не танцуют, все сидят, как немые, и только смотрят друг на друга».

Чаще всего ассамблеи устраивались в зимние месяцы, реже — летом. Периодичности никакой не существовало. В 1719 г., например, первая ассамблея была проведена у генерала Вейде 18 января, следующая — в четверг 22 января у князя Дмитрия Михайловича Голицына, затем в воскресенье 25 января у князя Долгорукого, через день — у князя Черкасского. Иногда хозяином ассамблеи являлся сам царь.

Гости приглашались в Летний сад или загородную резиденцию — Петергоф.

Правилам этикета Петр обучал придворных с таким же усердием, как офицеров военному артикулу. Он составил инструкцию, которой должны были руководствоваться в Петергофе. Она примечательна как свидетельство того, какие элементарные правила поведения внушал царь своим придворным: «Кому дана будет карта с нумером постели, то тут спать имеет не перенося постели, ниже другому дать, или от другой постели что взять». Или еще более выразительный пункт: «Не разувся, с сапогами или башмаками, не ложиться на постели».

По примеру светских ассамблей высшее духовенство и члены Синода устраивали свои ассамблеи.

Ассамблеи открывали новую форму общения людей. Главное их значение состояло в том, что они положили конец затворнической жизни столичных женщин. Из терема, закрытого для посторонних глаз, они вышли в свет.

Умению расточать улыбки и быть предупредительными отпрыски вельмож, высших чиновников и офицеров обучались не только в ассамблеях и в учебных заведениях, где учащиеся овладевали фехтованием, танцами, красноречием (риторикой), но и штудируя специальные наставления. Одно из них под маловразумительным названием «Юности честное зерцало, или

Показание к житейскому обхождению» пользовалось особенно широкой популярностью среди столичного населения. При Петре оно печаталось трижды, что свидетельствует об огромном спросе на него. Неизвестный составитель этого сочинения воспользовался несколькими иностранными произведениями, из них он перевел те части, которые считал полезными русскому читателю.

«Юности честное зерцало» излагало правила поведения молодых людей в семье, в гостях, в общественных местах и на службе. Оно внушало юношам скромность, трудолюбие, послушание, учтивость и благоразумие.

В семье надлежало «отца и матерь в великой чести содержать»; «у родителей речей перебивать не надлежит и ниже прекословить». Если отец позовет сына, то откликаться надо было так: «Чего изволите, государь, батюшка» или «Что мне прикажете, государь». Невежливыми почитались следующие ответы на зов родителя: «что, чего, што, как ты говоришь-, чего хочешь». Детям внушалась мысль, что распоряжения по дому могли исходить только от родителей: «В доме ничего своим именем не повелевать, но именем отца или матери».

«Юности честное зерцало» не оставляло юношей без наставлений и в том случае, когда они оказывались за пределами семьи. Они должны были проявлять предупредительность к старшим, почтительно, не перебивая, слушать их речь, не быть назойливыми. Приведем несколько рекомендаций. «Никто себя сам много не хвали и не уничижай (не стыди. — Н. П.) и не срами»; «Всегда недругов заочно, когда они не слышат, хвали, а в присутствии их почитай и в нужде их им служи, также и о умерших никакого зла не говори»; «Не быть празден, от лени разум затмится, а тело становится дряхлым и тучным».

А вот советы к ханжеству и лицемерию: «Умный придворный человек намерения своего и воли никому не объявляет, дабы не упредил ево другой, который иногда к тому же охоту имеет». Еще один пункт, не нуждающийся в комментариях: «Младые отроки должны всегда между собою говорить иностранные языки, дабы тем навыкнуть могли; а особливо когда им что тайное говорить случится, чтобы слуги и служанки дознаться не могли и чтоб можно их от других не знающих болванов распознать».

Интересны рекомендации, как вести себя в общественных местах и за столом. Здесь предусмотрено все, начиная от походки и осанки молодого человека и до умения принимать еду: «Никто не имеет повеся голову и потупя глаза вниз по улице ходить, или на людей косо взглядывать, но прямо и не согнувшись ступать». Правила поведения за столом: «Руки твои да не лежат долго на

тарелке, ногами везде не мотай, когда тебе пить, не утирай губ рукою, но полотенцем, и «е пий, пока еще пищи не проглотил. Не облизывай перстов и не грызи костей, но обрежь ножом. Зубов ножом не чисти, но зубочисткою, я одною рукою прикрой рот, когда зубы чистит. Хлеба, приложа к грудям не режь. Ешь, что пред тобою лежит, а инде не хватай.

Над естию не чавкай как свинья и головы не чеши; не проглоти куска, не говори, ибо так делают крестьяне. Часто чихать, сморкать и кашлять не пригоже».

Последние страницы «Юности честного зерцала» посвящены девицам. Если юноша должен был обладать тремя добродетелями — «смирен, приветлив и учтив», то девице их надлежало иметь значительно больше: смирение, трудолюбие, милосердие, стыдливость, бережливость, верность, чистоплотность и т. д. У девицы ценилось умение краснеть, что являлось признаком нравственной чистоты.

Внешний лоск вельмож, офицеров и чиновников заботил царя, но он прекрасно сознавал, что умением вести себя в обществе, не чавкать за столом, не ударить лицом в грязь на приеме иностранным двором нельзя ни выиграть войну, ни построить мануфактуру и руководить производством, ни соорудить крепость или корабль, ни успешно выполнять роль колесика в часовом механизме, под которым подразумевалась вся иерархия вновь созданных учреждений. Для этого необходимы были знания и умение претворять эти знания на практике. Отсюда забота правительства о распространении просвещения.

О некоторых учебных заведениях было сказано выше, например о созданной в 1701 г. Навигацкой школе, на базе которой в 1715 г. возникла Морская академия. Сеть профессиональных училищ этим не ограничивалась. Одновременно с Навигацкой школой была основана Артиллерийская, в которой обучали «словесной и письменной грамоте и цифири и иной инженерной наукам».

В 1712 г. в Москве начала работать Инженерная школа, выпускавшая фортификаторов — строителей и разрушителей крепостей.

Медицинский персонал проходил обучение в Медицинском училище, открытом в 1707 г. Для нужд дипломатической службы при Посольском приказе была открыта школа для обучения иностранным языкам. В ней готовили квалифицированных переводчиков.

В XVII в. канцелярские служители овладевали ремеслом на практической работе. Обычно отец передавал свой опыт работы в приказах своему сыну. В 1721 г. была учреждена специальная

школа, где учащиеся изучали арифметику, делопроизводство, умение составлять деловые бумаги и письма и т. д.

Сложное горнозаводское производство требовало квалифицированных работников и инженеров. В 1716 г. была основана горная школа при Олонецких заводах, а пять лет спустя — при Уральских заводах. В школах обучались дети мастеровых, они изучали, помимо общеобразовательных дисциплин, также и горное дело.

В области просвещения, таким образом, прослеживаются два новшества. Одно из них, основное, состоит в том, что сеть школ во много крат расширилась. В конце XVII в. в России существовало единственное учебное заведение — Славяно-греко-латинская академия. За первую четверть XVIII в. возникло еще восемь типов школ, готовивших специалистов различного профиля. Правда, контингент учащихся в этих школах был невелик. В Медицинской школе, например, обучалось 50 учеников, а в горной школе при Олонецких заводах и того меньше — всего 20 человек. В самом крупном учебном заведении того времени — Морской академии — числилось чуть более 300 учащихся. Важно, однако, что именно в годы преобразований было положено начало профессиональным учебным заведениям.

Другая особенность просвещения состояла в том, что оно приобрело светский характер. Из учебных программ исключались богословские и схоластические предметы, присущие учебным заведениям средневековья. Знание таких предметов нисколько не повышало профессиональной подготовки.

Перечисленными учебными заведениями, действовавшими в старой и новой столицах, сеть школ не ограничивалась. В крупных городах существовали епархиальные школы. В них в обязательном порядке обучались дети священнослужителей — вакантные должности в церквах могли замещать только грамотные дети священников, дьяконов, пономарей и др.

Дети провинциальных дворян и чиновников обучались в цифирных школах. Число учащихся в 42 цифирных школах к концу первой четверти XVIII в. достигало 2000 человек.

В провинциях существовал еще один тип учебных заведений — гарнизонные школы. Контингент учащихся в них пополнялся солдатскими детьми. Помимо арифметики и письма, в гарнизонных школах учили пению и игре на музыкальных инструментах. Ученик приобретал здесь навыки, используемые затем в полковых оркестрах.

Сеть школ в центре и на местах способствовала распространению грамотности. Но образование могли получить далеко не все. Оно охватывало своей сетью в первую очередь

детей дворян и духовенства. Дети крестьян и рядовых горожан, т. е. подавляющего числа населения страны, исключались из числа тех, кому можно было получить образование.

Расширение сети школ и профессиональных учебных заведений вызвало поток учебной литературы. Появились учебники но разнообразным отраслям знаний: по механике, геометрии, астрономии, фортификации, навигации и т. д.

Значительных успехов достигло распространение научных знаний. Здесь следует отметить расширение сведений о географии страны. Впервые была составлена карта западного побережья Каспийского моря, коренным образом изменившая представление западноевропейских ученых о его береговой линии. Именно за эту карту, внесшую существенный вклад в науку, Французская академия наук избрала Петра своим членом. Было также установлено, что Амударья впадает не в Каспийское, а в Аральское море. Впервые были нанесены на карту Курильские острова.

Петра занимала идея установления непосредственных торговых связей с Индией. С этой целью предпринимались поиски торговых путей по суше через Среднюю Азию и Иран и по воде через северные моря.

В 1716 г. в Среднюю Азию была снаряжена экспедиция во главе с князем Бековичем-Черкасским. Помимо попытки склонить к переходу в русское подданство хивинского хана и организации поисков залежей золота в нижнем течении Амударьи, Бекович-Чер-касский должен был разведать пути в Индию. Поход окончился неудачей: князь позволил хивинскому хану обмануть себя самым примитивным образом. Он поддался уговорам хана, что шеститысячный отряд невозможно прокормить в одном месте и что этот отряд следует рассредоточить в пяти городах. Как только Бекович-Черкасский разделил отряд на напал на них и полностью уничтож.

При Петре были открыты залежи каменного угля в бассейнах, не утративших значения и в наши дни, — Донецком, Подмосковном и Кузнецком. В Ухте мезенец Григорий Черепанов обнаружил залежи нефти.

Два детища Петра — Кунсткамера и Академия наук — заслуживают более подробного освещения.

Первые экспонаты для музея Петр приобрел еще во время заграничного путешествия 1697–1698 гг. Тогда он познакомился с двумя естествоиспытателями: анатомом Фредериком Рюйшем, прославившимся умением искусно бальзамировать трупы, и зоологом Левенгуком, с помощью сконструированного им микроскопа открывшим переход крови из артерий в вены.

Анатомическая коллекция Рюйша, которую тот собирал в течение полувека, была положена в основу Кунсткамеры.

Сбор редкостей внутри страны тоже был связан с инициативой Петра. Он издал несколько указов, призывавших население приносить все, что «зело старо и необыкновенно»: кости вымерших животных и птиц, предметы старины, древние грамоты, рукописные и печатные книги, а также уродов.

Приток экспонатов — монстров (уродов) и раритетов (редкостей) — увеличивался с каждым годом: из Выборга прислали овцу, у которой вместо двух — четыре глаза и два языка; из Тобольска было получено несколько барашков: у одного из них восемь ног, у другого три глаза, два туловища и шесть ног. В Нижнем Новгороде родился младенец с тремя ногами, а в Уфе — с двумя головами. Они тоже оказались экспонатами Кунст-¦ камеры.

В Кунсткамере хранились также пушки старинного литья, чучела птиц и животных, препараты по анатомии человека и т. д.

Первоначально Кунсткамера размещалась в «Кикиных палатах» — доме казненного Кикина, причастного к делу царевича Алексея. На первом этаже размещался сам музей — Кунсткамера, а на втором — библиотека. Ко времени смерти Петра она насчитывала около 11 тысяч томов и являлась одной из самых богатых в Европе.

Кунсткамера и библиотека были в 1719 г. открыты для бесплатного обозрения и пользования. Обоим учреждениям царь с самого их возникновения придавал просветительский характер. «Я хочу, — рассуждал он, — чтобы люди смотрели и учились».

Мысли об организации Академии наук Петр вынашивал давно, но первые шаги к ее организации предпринял в июне 1718 г. Его резолюция на одном из доношений гласила: «Зделать академию. А ныне приискать из русских, кто учен и к тому склонность имеет. Также начать переводить книги: юриспруденции и протчии к тому. Сие учинить сего году начала». Однако ни в 1718 г., ни в ближайшие годы выполнить это намерение Петру не удалось. Создание Академии затянулось отчасти в связи с тем, что Петр был занят более неотложными делами, отчасти вследствие трудностей привлечения для работы в ней иностранных ученых. Царь настаивал, чтобы в Петербургскую академию были приглашены не ученые вообще, а крупнейшие ученые Европы, а те не отваживались ехать в далекую северную страну.

22 января 1724 г. состоялось заседание Сената, на котором присутствовал царь. На нем Петр после обсуждения утвердил проект устава Академии. В проекте было сказано: «Невозможно,

чтоб здесь следовать в протчих государствах принятому образу» (образцу. — Н. П.). Тем самым было высказано отрицательное отношение к организации подобных учреждений в странах Западной Европы. Своеобразие Петербургской академии наук состояло в том, что она призвана была объединить три учреждения, действовавших в западноевропейских государствах самостоятельно и независимо друг от друга, а именно — университет, под которым подразумевалось «собрание ученых людей», обязанных обучать юношей медицине, философии и праву; гимназию, готовившую учеников для прохождения курса в университете; собственно Академию, т. е. «собрание ученых и искусных людей».

Открытие Академии наук произошло уже после смерти Петра — в 1725 г., когда состоялась первая конференция академиков. Среди академиков, приглашенных в Петербургскую академию наук, — крупнейшие ученые Европы: физиолог и математик Д. Бернулли, астроном и географ Делиль и др.

Какую бы отрасль культуры мы ни взяли — архитектуру, живопись, литературу, театр — повсюду видно влияние преобразовательных начинаний первой четверти XVIII в. Это сказалось прежде всего в том, что культура освобождалась от оков церковности, приобретала все более светский характер.

Отчетливее всего обмирщение культуры просматривается в зодчестве. Русская архитектура по XVII в. включительно имела дело с сооружением церквей и монастырей. От того времени почти не сохранилось зданий светского назначения.

Новое в архитектуре состояло в том, что стали возводить монументальные здания для гражданских надобностей. В Москве таким зданием является арсенал в Кремле, строительство которого началось в 1702 г. Но главным полем деятельности архитекторов стала новая столица. Сохранившиеся до наших дней величественные здания Двенадцати коллегий, предназначавшиеся для центральных правительственных учреждений, а также Кунсткамеры, куда был переведен первый в России музей после смерти Петра, сооружены для светских нужд.

С изменением дворянского быта связано строительство нового типа жилых зданий — скупо освещенные боярские хоромы сменяют обширные дворцы с разбитыми парками.

Светскому влиянию подверглась даже церковная архитектура. На смену строгим, аскетическим формам с узкими проемами для окон, создававшими внутри церкви полумрак, сооружаются нарядные и светлые здания с богатым орнаментом, более присущим дворцам вельмож, чем культовым постройкам.

Все важнейшие события и явления эпохи — Азовские походы,

Лесная, Полтава, измена Мазепы, тяжкий труд ва строительстве верфей и городов, рекрутские наборы, налоговое бремя — нашли отражение в литературных произведениях той поры: народных песнях, былинах, сказках, повестях. В песне о Полтавской битве рассказывается о роли солдат в одержанной победе: шведская пашня «распахана солдатской белой грудью», «боронена» солдатскими ногами. Ненависть к воеводам и начальникам, обиравшим солдат, высказана в песне такими выразительными строками: «Ох, Гагарин, ты, Гагарин! Расканалья, господин!»

В дворянской и купеческой среде возникли произведения, герои которых совершают поступки, порожденные преобразованиями. К ним, например, относится «Гистория о российском матросе Василии Кариотском и о прекрасной королевне Ираклии Флорентийской земли».

Сюжет повести не нов, это похождения сына, покинувшего отчий дом.1 Но если в XVII в. похождения сопровождаются неудачами и раскаянием возвращающегося к родителям блудного сына, то в петровское время герою повести, воспитанному в новых условиях, повсеместно сопутствует успех.

Сын мелкого дворянина Василий Кариотский, получив родительское благословение, отправляется на модную в то время службу матросом, быстро овладевает знаниями в Кронштадте и едет в Голландию «для наук арихметических и разных языков». Острый ум, изворотливость и знания позволяют Василию добиться признания в любой обстановке, куда забрасывает его судьба. Он блестяще выполняет коммерческие поручения голландского купца, у которого квартировал, не растерялся и на острове, где оказался у разбойников, обнаруживших в нем «молодца удалого и остра умом». Разбойники тут же избрали Василия своим атаманом.

Перед плененной разбойниками флорентийской королевной герой выступает в новом качестве — он галантный кавалер, в тонкости постигший правила светского обхождения и сумевший покорить ее сердце. В конечном счете Василий освобождает пленницу, преодолевает множество препятствий, становится названным братом австрийского императора, женится на королевне и живет «в великой славе».

Светский сюжет пронизывает и другие повести. Их герои воплощают образованность и успехи в обстановке, порожденной преобразованиями: они овладевают науками, светскими манерами, ведут торговлю с западноевропейскими купцами.

К литературным памятникам примыкают публицистические сочинения, отражавшие отношение различных слоев населения к преобразованиям.

Отношение современников к преобразованиям, выраженное в случайно дошедших до нас отрывочных воспоминаниях, доношениях на царское имя и специальных трактатах, было не одинаковым.

Для нас важнее всего знать, как оценивали новшества народные массы, т. е. те слои населения, за счет которых они производились. К сожалению, не сохранилось сочинений с изложением взглядов трудового населения на весь комплекс преобразовательных начинаний Петра: отношения к внешней политике, к Северной войне, промышленному развитию, новшествам в области просвещения, распространения научных знаний, архитектуре, к изменениям в быту. В распоряжении историков имеются лишь неосторожно оброненные высказывания крестьян и горожан преимущественно из числа старообрядцев, за которые они подвергались суровым преследованиям. Из этих высказываний явствует враждебное отношение не к самим преобразованиям, а к тяготам, ими обусловленным.

«Как его бог на царство послал, так и светлых дней не видали, тягота на мир, рубли да полтины, да подводы, отдыху нашей братьи, крестьянству, нет». Женщины говорили: «Какой он царь? — он крестьян разорил с домами, мужей наших побрал в солдаты, а нас с детьми осиротил и заставил плакать век». Или: «Мироед! весь мир переел; на него, кутилку, переводу нет…» Среди крестьян и посадских ходили слухи, распространяемые белым духовенством и бродячими монахами, о том, что «государь не царского колена, немецкой породы, а великого государя скрали немцы у мамки». В глазах части трудового населения все невзгоды были обусловлены личностью Петра, которого, кстати, считали не настоящим, а подмененным царем. Царистская идеология прослеживается и в «прелестных письмах» Кондратия Булавина. Своими врагами восставшие считали князей, бояр и прибыльщиков. «А от нас вы, всякие посацкие и торговые люди и всякие черные люди, обиды никакой ни в чем не опасайтесь и не сумневайтесь отнюдь».

Если в представлении народных масс бремя налогов и повинностей связывалось с деятельностью Петра, то правительственная пропаганда, напротив, все положительное, что было достигнуто страной, тоже связывала с Петром. Он творец всех успехов и побед в войне, он поборник достижений в промышленном строительстве, он создатель армии и флота, его энергией Россия обрела могущество.

Следует при этом учитывать, что господствующей идеологией в классовом обществе является идеология господствующего класса. В указах, в проповедях, произносимых с церковных

амвонов, в газете «Ведомости», в ученых трактатах внушалась мысль о величии Петра, создателя величия России.

На Западе грандиозные события петровского царствования, помимо многочисленной исторической литературы, откликнулись эхом «Политического завещания Петра Великого». Это была грубая подделка, пущенная в обиход с откровенно враждебными для России целями. Она вытаскивалась на страницы западноевропейской печати всякий раз, когда хотели мобилизовать общественное мнение против нашей страны: при нашествии Наполеона I в 1812 г., во время Крымской войны 1853–1856 гг., русско-турецкой войны 1877–1878 гг., первой мировой войны 1914–1918 гг. В ноябре 1941 г. фашистские пропагандисты опубликовали «Завещание Петра Великого» в газетах третьего рейха.

Составление «Завещания» связывается с именем французского авантюриста кавалера д-Еона, который находился в России с 1755 по 1760 г., выполняя официальные и неофициальные дипломатические поручения короля Людовика XV.

В «Завещании» излагался план установления Россией сначала европейского, а затем и мирового господства, который должны были осуществить преемники Петра I. План начинался призывом «поддерживать русский народ в состоянии непрерывной войны, чтобы солдат был закален в бою и не знал отдыха». Передышки можно устраивать лишь для упорядочения финансов и модернизации армии. Последовательность осуществления захватов должна быть такой: сначала Россия утверждает свое влияние в германских государствах, при всяком удобном случае вмешиваясь в их внутренние дела; затем наступает черед Польши, где надлежало поддерживать «смуты и постоянные раздоры, оказывать влияние на выборы короля». Политика России в Швеции должна была «искусно вызывать с ее стороны нападение, дабы иметь предлог к ее покорению». На юге следовало передвигать границы вдоль Черного моря в сторону Константинополя и в сторону Индии, ибо «обладающий ими будет обладателем мира». С Англией лучше поддерживать союз и прочные торговые контакты, так так англичане «приучат нас к торговле и мореплаванию». В борьбе с Османской империей и монархией Габсбургов, а также Речью Посполитой следовало использовать православное население этих стран. «Когда Швеция будет раздроблена, Персия побеждена, Польша покорена, Турция завоевана… тогда надлежит под великою тайной предложить сперва Версальскому двору, а потом и Венскому разделить власть над Вселенной». Как только они примут это предложение, следует

столкнуть их друг с другом и терпеливо ждать гибели одного из них. Ослабленного победителя Россия сможет одолеть сама, ибо к тому времени она «будет обладать всем востоком и большей частью Европы».

Эта фальсификация, несмотря на то, что была много раз разоблачена специалистами, до сих пор иногда привлекает внимание антирусски и антисоветски настроенных людей.

В России крупнейшим идеологом и страстным пропагандистом петровских преобразований был Феофан Прокопович. В проповедях и трактатах он прославлял Петра и его деятельность. Он живо откликался на все значительные события современности. В 1709 г. Прокопович по случаю Полтавской победы произнес в Софийском соборе в Киеве проповедь, сразу сделавшую ее автора известным царю. Обращаясь к присутствовавшему в соборе царю, он сказал: «Ты не только посылал полки на брань, но сам стал противо супостата, сам на первые мечи и копия устремился». В 1720 г. Прокопович произнес «Слово похвальное о флоте российском», в следующем году слово при открытии Синода, а в 1723 г. — речь, обращенную к Петру по случаю возвращения из Персидского похода. В речи, произнесенной по поводу заключения Ништадтского мира, ученый монах подчеркнул достижения страны в результате преобразований: «Растет человек, растет древо, ведаем, да никакими очимя не можем усмотреть растительного движения; а мир весь ясно видел, как народ российский, когда ему исчезнути многие провещали, возрастал высоко и аки бы поднимался от гнушения в похвалу, от презрения в страх, от немощи в силу». Художественное мастерство и острую политическую направленность пера Прокоповича широко использовал Петр, поручив ему сочинение таких важных законов, как Регламент духовной коллегии («Духовный регламент»), а также «Правду воли монаршей».

Среди сочинений современников встречаются и такие, в которых авторы, признавая преобразования в целом, все же высказывали либо пожелания, либо критические замечания. К числу таких публицистов относился Федор Салтыков. Представитель древнего боярского рода, Салтыков находился среди волонтеров великого посольства, участвовал в Нарвском сражении, руководил сооружением судов, а затем в 1711 г. был отправлен Петром за границу для закупки военно-морских кораблей. Во время своего пребывания в Англии Салтыков отправил Петру два донесения: «Пропозиции» (предложения. — Н. П.) и «Изъявления, прибыточные государству».

Записки Салтыкова носили подражательный характер. По его

собственному признанию, он заимствовал из английского законодательств все то, что, по его мнению, «приличествует только самодержавию».

Салтыков ратовал за расширение дворянских привилегий и сохранение монопольного права дворян на владение крепостными крестьянами. Он предлагал в каждой губернии учредить по од-ной-две академии с двумя тысячами учащихся в каждой. Академии с библиотеками и типографиями должны были размещаться в монастырях, монахи подлежали выселению из них.

Развитие промышленности и торговли должно находиться под опекой государства. Оно обязано проявить инициативу по созданию компаний для строительства мануфактур. Промышленное развитие обеспечит независимость государства и богатство народа. Салтыков предлагал усилить поиски полезных ископаемых и отправку купеческих детей за границу для обучения.

Дворянский публицист полагал, что осуществление его предложений превратит Россию в могущественную державу, в короткий срок ликвидирует ее отсталость.

Некоторые предложения Салтыкова были явно несбыточными, как, например, его рекомендация в течение 10–15 лет заменить деревянные здания кирпичными, но часть его предложений текущее законодательство учло. Так, Салтыков предлагал ввести для дворянства майорат, т. е. право наследования имущества старшим сыном. С этим предложением перекликался указ о единонаследии. Различие состояло в том, что наследником объявлялся не обязательно старший сын, как при майорате, а один из сыновей. Указ 1715 г. о расширении посевов льна и конопли также навеян предложениями Салтыкова.

Выдающимся публицистом петровского времени был Иван Тихонович Посошков. В отличие от аристократа Салтыкова, копировавшего английские порядки, Посошков родился в семье ремесленника и за границей не бывал. Сам писатель оторвался от социальной среды предков и стал купцом. К концу жизни он владел винокуренным заводом, домами, лавками, имел свыше 80 крепостных. Его сочинения — плод собственных раздумий наблюдательного и мыслящего человека, горячо любящего свою Родину и пекущегося о ее будущем. В своих сочинениях он выражал интересы купечества.

В связи с поражением под Нарвой в 1700 г. Посошков написал «Доношение о ратном поведении», в котором резко обличал недостатки дворянской конницы, проявившей себя с самой плохой стороны во время сражения: «У них клячи худые, сабли тупые, сами безодежны и ружьем владеть никаким неумеющие».

Позже Посошков написал «Доношение о исправлении всех неисправ». Все они вошли в его завершающий труд, подытоживший писательскую деятельность публициста, под названием — «Книга о скудости и богатстве».

Предложения представителя купечества не направлены против существующих порядков, старания автора мобилизованы на их усовершенствование. Посошков не противник крепостного права, он выступает лишь против крайне жестоких форм эксплуатации крепостных крестьян, критикует тех помещиков, которые «на крестьян своих налагают бремена неудобосимыя». Хищническая эксплуатация крестьян вызывает их бегство, что ведет к оскудению страны. Он предлагал установить законом размер крестьянских повинностей и оградить крестьян от уменьшения их наделов йемли. Автор «Скудости и богатства» отрицательно относился к введению подушной подати, предлагал вернуться к подворной системе обложения и уменьшить размер налога вдвое, ибо «худой тот сбор, аще кто царю казну собирает, а людей разоряет».

Идеальным политическим строем Посошков считал неограниченную монархию, он осуждал порядки в тех государствах, где короли «не могут по своей воле, что сотворити, но самовластны у них подданные их, а паче купецкие люди».

Посошков выдвигал требования, истоки которых следует искать в церковных 'догматах — «единого» суда для представителей всех сословий и равенства всех перед судом. Он рекомендовал «суд устроити един, каков земледельцу, таков и купецкому человеку, убогому и богатому, таков и солдату, таков и офицеру, ничем отменен полковнику и генералу». Критикуя казнокрадство и взяточничество судей, он предлагал бороться с этим злом изменением состава администрации и суда, привлечением на службу в учреждения не только дворян, но и «худородных» людей.

Наиболее интересны суждения Посошкова о развитии промышленности и торговли. Здесь талантливый самоучка высказывал оригинальные идеи, реализация которых должна была превратить Россию в экономически независимую и богатую страну.

Государство должно поощрять развитие торговли и промышленности выдачей купцам ссуд и пожалованием казенных заводов. Правительство должно проявить заботу и об обеспечении предприятий рабочей силой: надлежало вылавливать бродяг и нищих и передавать их мануфактуристам. Правительству следовало окружить заботой и купцов, ибо «купечеством всякое царство богатитца, а без купечества никакое и малое государство

быть не может». По мнению Посошкова, торговлей могли заниматься только купцы, и никто другой.

Большое внимание Посошков уделял внешней торговле. Он рекомендовал организацию купцов, занимавшихся внешней торговлей, в компании, что позволило бы русским купцам успешнее конкурировать с купцами иноземными. В интересах отечественной промышленности надлежало ограничить ввоз в Россию заграничных товаров. В особенности Посошков протестовал против ввоза в Россию «безделок», т. е. предметов роскоши.

«Книга о скудости и богатстве» предназначалась для Петра, однако, знакомился ли он с ее содержанием, осталось неизвестным. Сам Посошков, неведомо по каким причинам, в 1725 г. был арестован Тайной канцелярией и в начале следующего года в возрасте 73 лет умер в ее застенках. Его сочинение впервые было опубликовано только в 1842 г.

РЕФОРМЫ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

В последние годы жизни внимание царя было приковано преимущественно к гражданским делам.

К ним относятся организация коллегий и реформа Сената, о чем речь шла выше. Другой областью деятельности Петра в эти годы было определение мер по развитию промышленности и торговли.

Основы покровительственной политики правительства были определены еще регламентом Берг-коллегии в декабре 1719 г. Этот документ получил характерное наименование, точно отразившее его суть и направленность, — Берг-привилегия. Действительно, Берг-привилегия предоставляла промышленникам много льгот и привилегий: государство брало на себя организацию анализа руд на предмет их пригодности к. промышленной эксплуатации, оно обещало купцам, намеревавшимся соорудить завод, беспроцентную ссуду, освобождало владельцев предприятий от обременительных выборных служб, а дворы мануфактуристов — от постоев. Перечисленные льготы должны были привлечь купцов к вложению капиталов в производство.

В 1721 г. последовал указ, разрешавший промышленникам покупать к своим предприятиям крепостных крестьян. Это была важнейшая привилегия мануфактуристов, практически приравнивавшая их к дворянам.

Различие состояло лишь в ограничении права распоряжения купленными крестьянами: промышленник мог их передавать по наследству или продать только вместе с предприятием.

Равным образом запрещалось продавать предприятие без крестьян.

В итоге промышленник получил возможность обеспечивать свои предприятия дешевым крепостным трудом.

Регламент Мануфактур-коллегии 1723 г. к прежним льготам и привилегиям прибавил еще одну — он освободил владельцев мануфактур от рекрутской повинности.

Систему поощрительных мер для развития промышленности венчает Таможенный тариф 1724 г. Этот тариф ограждал молодую отечественную промышленность, только еще становившуюся на ноги, от конкуренции западноевропейских купцов установлением высокой ввозной пошлины на изделия зарубежных предприятий. Размер ввозной пошлины зависел от того, в какой степени отечественные предприятия могли

удовлетворить спрос рынка на те или иные изделия.

Самая высокая пошлина в размере 75 % от цены товара устанавливалась на изделия, в достаточном количестве производимые русскими мануфактурами (железо, иглы, скатерти, купорос, курительные трубки). Пошлина в 50 % цены товара взималась с изделий, которыми отечественная промышленность могла обеспечить лишь наполовину (бархат, карты, голландское полотно и т. д.). Умеренными пошлинами в четверть цены были обложены шерстяные ткани, выделанные кожи, чулки.

Размер тарифных ставок на вывозимые из России товары тоже должен был стимулировать развитие отечественной промышленности. Ставки на готовые изделия были неизмеримо ниже ставок на сырье. Так, невыделанные оленьи и лосевые кожи облагались пошлиной в семь с половиной раз выше, чем выделанные. Льняная пряжа облагалась пошлиной в 37 %, а полотно всего в 10. Для русских купцов пошлина понижалась втрое, если они везли товары на собственных кораблях.

Продажа ходовых товаров, пользовавшихся широким спросом на западноевропейских рынках, долгое время находилась в казенной монополии (пенька, смола, корабельный лес, юфть, икра, меха, щетина и пр.). Торговля ими приносила государству баснословные барыши, что отнюдь не способствовало накоплению капиталов купцами. В 1719 г. государственная монополия на торговлю большинством перечисленных товаров была отменена. Такая мера правительства вызвала обогащение купечества и сопровождалась его более активным участием во внешней торговле.

В последнее десятилетие царствования Петра расширился список государств, с которыми Россия вела торговлю. Если в XVII в. традиционными торговыми партнерами России были морские державы Англия и Голландия, а также Швеция, то теперь торговые связи были установлены с Испанией, Италией, более интенсивными они стали с Францией.

В дальние края лечиться ездить утомительно и накладно. Поэтому Петр дал задание разыскать целебные источники в России. Железистая вода была обнаружена в нескольких десятках километров от нынешнего Петрозаводска. Петру не терпелось испытать ее целительные свойства на себе, и он вместе с супругой в январе 1719 г. отправляется на первый в России курорт. А в марте появляется указ с перечислением целительных свойств источника. Его воды, сказано в указе, «изгоняют различные жестокие болезни, а именно цинготную, ипохондрию, желчь, бессильство желудка, рвоту, понос» и еще с десяток недугов.

Обрадованный тем, что появился отечественный Карлсбад,

или Пирмонт, Петр популяризирует Марциальные воды, но в то же время велит докторам составить правила, как ими пользоваться, «дабы непорядочным употреблением оных не был никто своему здоровью повредитель».

Все вельможи, кто добровольно, кто принудительно, по царскому указу, отправлялись на Марциальные воды и в обстановке непривычного для себя безделья принимали воды.

Руководствуясь Уставом о наследовании престола, Петр сам мог назначить себе преемника задолго до кончины. Этого, однако, он не сделал. Петра, вероятно, одолевали колебания и сомнения относительно того, кто из возможных преемников будет лучшим продолжателем его дела.

Сразу же заметим, что выбор у царя был узок и беден. К своему внуку, девятилетнему сыну царевича Алексея царь питал противоречивые чувства: то он проявлял к нему нежность, обнаруживая в нем задатки незаурядных способностей, то выражал подозрительность, проистекавшую от опасения, что внук пойдет по стопам отца и тогда развитие страны последует вспять.

К двум дочерям Анне и Елизавете Петр всегда относился ровно, трогательно любил их, но в его глазах они всегда оставались всего лишь дочерьми, а не преемницами дела, требовавшего опытной и твердой руки.

Вполне вероятно, что царь остановил свой выбор на Екатерине, ибо только этим можно объяснить намерение Петра провозгласить свою супругу императрицей. Вряд ли царь, отличавшийся проницательностью, обнаружил у своей супруги государственную мудрость и способность управлять огромной страной.

Надо полагать, что Петр на этот счет не обольщался и возлагал надежды не столько на свою супругу, сколько на ее окружение, — оно было таким же, как и его окружение, то есть состояло из вельмож, выдвинувшихся в годы преобразований: Меншиков, Апраксин, Толстой, Ягужинский и многие другие. Они, по мнению царя, и должны были повести государственный корабль старым курсом.

Екатерина Алексеевна в качестве супруги императора носила титул императрицы, но Петр хотел поднести ей этот титул независимо от прав, которые предоставляли ей брачные узы. Тем самым, возможно, рассуждал царь, положение Екатерины на престоле в качестве преемницы укрепится, а противодействие ей со стороны знати ослабеет.

Подготовку к восприятию подданными идеи о бесспорных правах Екатерины на престол Петр начал еще в 1723 г., когда был опубликован специальный манифест, не скупившийся на

похвальные слова в адрес супруги. Манифест назвал ее постоянной помощницей царя, супругой, наравне с ним терпевшей лишения походной жизни.

Справедливости ради заметим, что в распоряжении Петра имелись крайне скудные данные, чтобы убедить читателя манифеста в активной государственной деятельности Екатерины. Пришлось ограничиться единственным конкретным примером — упоминанием об участий Екатерины в Прутском походе, а остальные ее заслуги скрыть за туманной фразой о том, что она ему была помощницей.

Церемония коронации продолжалась два дня, 7 и 8 мая 1724 г. Празднества расстроили здоровье Петра, и он в начале июня отправился на Угодские заводы Меллеров, расположенные недалеко от Тулы, — там была обнаружена минеральная вода.

Из окон кареты царю довелось наблюдать безрадостную картину — вдоль дороги стояли, лежали и неведомо куда двигались изнуренные голодом люди с пустыми котомками. Население переживало тяжелую годину — в прошедшем, 1723 г. большую территорию страны поразил недород. Начался голод. Виды на урожай нынешнего, 1724 г. тоже были малоутешительными.

«Воды, слава богу, действуют изрядно», — сообщал Петр Екатерине. На заводе царь выковал железную полосу, наложил на нее клеймо, справился о размере платы, выдаваемой заводовладельцами за подобного рода работу, и тут же затребовал деньги. На них он купил себе башмаки. Покупкой Петр гордился, особенно тем, что необходимая вещь куплена на деньги, лично заработанные. Через неделю он, закончив курс лечения, держит путь в новую столицу.

Казалось бы, состояние здоровья должно было вынудить царя изменить привычный распорядок дня и придерживаться щадящего режима, умерить занятия делами и более экономно расходовать силы. Но Петр оставался верен себе: в конце, августа он при сутствовал на спуске фрегата, а затем, вопреки предписанию врачей, отправился в продолжительное путешествие.

Сначала он поехал в Шлиссельбург на традиционные празднества, ежегодно отмечаемые по случаю овладения этой крепостью. Оттуда Петр отправился на Олонецкие заводы, а с заводов— в Старую Руссу, где находился один из древнейших районов солеварения. Возвращаясь в столицу, осмотрел работы по сооружению обводного Ладожского канала.

Строительство этого канала было вызвано тем, что в бурных водах Ладожского озера гибло множество барок, направляющихся

в Петербург либо с зерном, мукой и солониной и прочим продовольствием для его населения, либо с товарами, предназначавшимися для продажи иностранным купцам: пенькой, смолой, юфтью, железом, полотном и т. п.

Рытье канала вдоль топкого берега озера началось в 1718 г., но работы велись крайне медленно — за прошедшее пятилетие удалось сделать только 12 верст. На этот раз осмотром работ Петр остался доволен. За год протяженность канала увеличилась на пять верст, и в то же время сократилась стоимость строительных работ. Строительство канала длиною в 104 версты было завершено только в 1732 г.

Кстати, Петр вынашивал множество проектов улучшения путей сообщения при помощи каналов. Он, например, намеревался соединить Волгу с Доном, там уже началось было строительство, но затем в 1711 г. в связи с Прутским мирным договором и передачей Азова османам оно было прекращено. Велась также проектировка канала, который должен был соединить реку Москву с Волгой. Характерно, что трассы этих каналов совпадают с трассами Волго-Донского канала и канала им. Москвы, сооруженными только в наше время. Проект будущей Мариинской системы, соединившей бассейн Волги с Балтийским морем, также был разработан при Петре. В Петербург царь возвратился больным. Большую часть последних месяцев жизни он проводил в покоях. В дни, когда наступало облегчение, он не берегся совершенно. В конце октября он, например, участвовал в тушении пожара на Васильевском острове, а 5 ноября заглянул на свадьбу немецкого булочника, где в течение нескольких часов наблюдал за танцами и иноземными обрядами.

В том же ноябре царь участвовал в обручении своей дочери Анны и герцога Голштинского. Празднества по этому поводу продолжались две недели, иногда на них присутствовал и Петр. В.декабре царь тоже участвовал в двух торжествах: 18 числа отмечался день рождения младшей дочери Елизаветы; участие в другом торжестве вызывает недоумение и предположение, что царь сам шел навстречу собственной гибели: 20 декабря он присутствовал на выборах нового «князя-папы» вместо умершего, которые, как и всегда, сопровождались возлияниями, абсолютно ему противопоказанными.

Петр бодрился. Пересиливая болезнь, он составлял указы и инструкции. За три недели до смерти он работал над инструкцией известному мореплавателю и руководителю Камчатской экспедиции Витусу Берингу. Механик Нартов, наблюдавший царя за этим занятием, рассказывал, что он, царь, спешил сочинить наставление и, будто предвидя скорую свою

кончину, был весьма доволен тем, что завершил работу. После этого он вызвал адмирала Апраксина и сказал ему: «Худое здоровье заставило меня сидеть дома. Я вспомнил на сих днях то, о чем мыслил давно, и что другие дела предпринять мешали, то есть о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию». Камчатская экспедиция отправилась в путь после смерти Петра.

Кризис в состоянии здоровья царя наступил в середине января, когда больной уже не вставал с постели. Скончался Петр 28 января 1725 г., прожив неполных 53 года.

От тех дней осталось два изображения Петра. Одно из них известно под названием «восковой персоны». Скульптор Растрелли снял маску с лица умершего, были также измерены размеры всех частей тела. Позже скульптор изготовил в натуральную величину фигуру Петра, сидящего на троне.

Другое изображение — Петр на смертном одре — принадлежало кисти художника Ивана Никитина. Это о нем царь с гордостью писал в 1716 г.: «Есть и из нашего народа добрые мастера». Никитин оставил ряд портретов Петра и его сподвижников, отличающихся глубокой характеристикой личности. В отличие от парсун предшествующего времени, не имевших никакого сходства с изображаемым лицом, портреты Никитина, как и другого портретиста Андрея Матвеевича Матвеева, проникнуты реализмом и стремлением раскрыть внутренний мир человека.